

2021  
том 5  
2

# ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

ISSN 2542-1840 (print) 2541-9145 (online)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-67379. Выдано Роскомнадзором.

Издается с 2017 года. Выходит 4 раза в год.

ISSN 2542-1840 (print) ISSN 2541-9145 (online).

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94232

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ.

Журнал включен в базы данных: Dimensions, EBSCO, ErichPlus, Scilit, РИНЦ.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал не взимает платы за публикацию, издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят двойное слепое рецензирование (Double-blind review).

Сведения о политике журнала, правила для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания <http://vestnik-hss.kemsu.ru>

16+

## Педагогика

Педагогическая модель совершенствования здоровьесберегающего и адаптационного потенциала подростков в образовательном пространстве школы  
*Арлашева Л. В., Казин Э. М., Касаткина Н. Э.* 105

Значение лидерства при изучении иноязычной профессионально-ориентированной лексики (на примере обучения студентов направления Менеджмент)  
*Дашкина А. И.* 114

Развитие интеллектуальных способностей младших подростков с различными уровнями стрессоустойчивости  
*Каган Е. С., Тушикина Г. Г., Цигичко Е. А.* 125

Кросс-культурный компонент в произведениях дагестанских русскоязычных авторов как предмет преподавания  
*Яхьяева С. Х.* 133

## Философия

Социальное здоровье личности, социальная нагрузка и проблема социального иммунитета  
*Пилюшенко А. В.* 141

## Юриспруденция

Зарубежный опыт правового обеспечения защиты чести, достоинства и деловой репутации  
*Абакумова Е. Б., Комиссаров А. В., Тарасов Д. Ю.* 148

Антироссийские санкции как предпосылка расширения международного научно-технического сотрудничества с азиатскими странами  
*Аничкин Е. С., Резинкин А. Ю.* 155

Специфика правового регулирования имущественных отношений несовершеннолетних членов семьи  
*Воронина С. В.* 165

Спортивное право в системе отраслей российского права  
*Коваленко Е. Ю., Тыдыкова Н. В., Шавандина О. А.* 174

Наследование имущества индивидуального предпринимателя  
*Филиппова Т. А.* 182

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Certificate of registration: PI no. FS 77-67379. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Founded in 2017. Published 4 times a year.

ISSN 2542-1840 (print) ISSN 2541-9145 (online)

Address of the founder, publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru.

Subscription indices: 94232 – in the United catalogue "The Press of Russia".

The Bulletin is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation.

The journal is registered in the following databases: Dimensions EBSCO, ErichPlus, Scilit, RSCI.

Opinions expressed in the articles published in the Bulletin are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

All manuscripts undergo a double-blind review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <http://vestnik-hss.kemsu.ru>

16+

## Pedagogics

- Pedagogical Model of Health-Preserving and Adaptive Potential in Class Environment  
**Arlasheva L. V., Kazin E. M., Kasatkina N. E.** 111
- Leadership in Professional Vocabulary Acquisition at ESL classes in Small Groups of Students Majoring in Management  
**Dashkina A. I.** 123
- Intellectual Abilities of Younger Adolescents with Different Levels of Stress Resistance  
**Kagan E. S., Tupikina G. G., Tsigichko E. A.** 131
- Cross-Cultural Component in the Works of Dagestan Russian-Speaking Authors as a Teaching Subject  
**Yakhiyeva S. Kh.** 139

## Philosophy

- Social Health, Social Pressure, and Social Immunity  
**Pilyushenko A. V.** 146

## Jurisprudence

- Foreign Experience of Legal Support for the Protection of Honor, Dignity, and Business Reputation  
**Abakumova E. B., Komissarov A. V., Tarasov D. Yu.** 153
- Anti-Russian Sanctions as a Prerequisite for Expanding International Scientific and Technical Cooperation with Asian Countries  
**Anichkin E. S., Rezinkin A. Yu.** 163
- Specifics of Legal Regulation of Property Relations of Minor Family Members  
**Voronina S. V.** 172
- Sports Law in the System of Russian Law  
**Kovalenko E. Yu., Tydykova N. V., Shavandina O. A.** 180
- Inheriting the Property of an Individual Entrepreneur  
**Filippova T. A.** 189

оригинальная статья

УДК 371.78

## Педагогическая модель совершенствования здоровьесберегающего и адаптационного потенциала подростков в образовательном пространстве школы

Людмила Вячеславовна Арлашева

Старопестеревская средняя общеобразовательная школа, Россия, Кемеровская область – Кузбасс, с. Старопестерево; <https://orcid.org/0000-0003-2268-0521>

Наталья Эмильевна Касаткина

Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, Россия, г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0002-9136-2247>

Эдуард Михайлович Казин

Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово; [kazin\\_valeol@mail.ru](mailto:kazin_valeol@mail.ru); <https://orcid.org/0000-0003-1462-5282>

Поступила в редакцию 28.04.2021. Принята в печать 09.06.2021.

**Аннотация:** Концепция непрерывного образования и ФГОС общего образования предусматривают применение в образовательном процессе технологий, направленных на формирование у обучающихся позитивного отношения к безопасному и здоровому образу жизни. Постановка перед школьниками все более сложных познавательных и социальных задач требует наращивания здоровьесберегающего ресурса воспитательно-образовательного процесса, направленного на совершенствование здоровьесберегающего и адаптационного потенциала младших и старших подростков. Авторами представлена и описана педагогическая модель совершенствования здоровьесберегающего и адаптационного потенциала подростков в образовательном пространстве школы. В структуре педагогической модели представлены компоненты, каждый из которых имеет определенное функциональное наполнение. Содержательная составляющая модели представляет собой совокупность организационно-педагогических условий, обеспечивающих решение образовательных, развивающих, воспитательных и социально-оздоровительных задач в различных видах урочной, внеурочной и внешкольной образовательной деятельности, что позволяет совершенствовать уровень здоровьесберегающего и адаптационного потенциала подростков. Обосновано, что одним из основных организационно-педагогических условий совершенствования потенциальных возможностей младших и старших подростков в аспектах адаптации и здоровьесбережения является осуществление мониторинга, который включает в себя три основных этапа: аналитический, технологический и корректировочный. В процессе реализации экспериментального исследования были изучены и модифицированы ранее разработанные и апробированные в педагогической литературе критерии формирования здоровьесберегающего и адаптационного потенциала подростков. Представлены экспериментальные данные, позволяющие оценить эффективность разработанной модели.

**Ключевые слова:** организационно-педагогические условия, аналитический мониторинг, технологический мониторинг, корректировочный мониторинг, непрерывное образование, здоровье, адаптация

**Цитирование:** Арлашева Л. В., Казин Э. М., Касаткина Н. Э. Педагогическая модель совершенствования здоровьесберегающего и адаптационного потенциала подростков в образовательном пространстве школы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. Т. 5. № 2. С. 105–113. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-2-105-113>

### Введение

В законе «Об образовании в Российской Федерации» отмечено, что качество образования есть «комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется

образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы»<sup>1</sup>.

Следует согласиться с позицией ученых, указывающих на важность учета данной категории при организации взаимодействия участников образовательных отношений. Мы придерживаемся точки зрения О. Г. Красношлыковой и ее коллег относительно того, что качество образования

<sup>1</sup> Об образовании в Российской Федерации. ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Ст. 2 // Российская газета. 31.12.2012. № 303.

определяет цели и задачи деятельности образовательных организаций [1, с. 55]. Заслуживающей внимания считаем точку зрения С. Г. Молчанова и А. Г. Гостева, подчеркивающих необходимость управления качеством образования [2, с. 32]. Оно должно соответствовать современным требованиям общества и достигается за счет использования информационно-коммуникационных технологий, инновационных подходов к формированию и развитию личности обучающегося [3; 4, с. 63].

Особенно важно, что, обучаясь в современной общеобразовательной школе, ребенок испытывает определенные трудности в процессе решения различных образовательных и личностных задач развития. Если требования образовательных стандартов превосходят адаптивные возможности учащихся, то их успешность зачастую достигается ценой ухудшения здоровья или нарушения адаптации. Деадаптивные проявления наблюдаются в различных аспектах жизнедеятельности школьника [5]. В наших ранних работах мы выявили специфику адаптивных возможностей подростков, имеющих различные типы вегетативной регуляции [6, с. 444]. Проблема изучения адаптивных возможностей обучающихся имеет междисциплинарный характер. А. Г. Маклаков предлагает учитывать индивидуально-психологические характеристики личности [7, с. 16]. По мнению Д. А. Леонтьева, необходимо учитывать способность личности к самодетерминации [8, с. 58].

Данные, полученные коллегами из Новосибирской области, согласуются с результатами наших исследований, что позволяет констатировать значимость обеспечения адаптационных возможностей обучающихся посредством создания безопасной образовательной среды [9, с. 55]. Мы также разделяем взгляды Н. П. Абаскаловой с соавторами [9], Р. И. Айзмана [10], Г. В. Гатальской и А. Е. Журавлевой [11] на то, что воспитание физически здорового, социально и психофизически подготовленного к жизни поколения в современных условиях представляет собой важную задачу, стоящую перед всеми социальными институтами, в том числе и образовательными организациями.

Считаем важным подчеркнуть правомерность утверждений М. В. Сафроновой и ее коллег о необходимости целенаправленной работы по здоровьесбережению [12, с. 154], использования образовательных технологий, обеспечивающих формирование психологической безопасности и устойчивости [13, с. 47], социальной адаптации обучающихся [14, с. 19].

Для определения адаптационных возможностей обучающихся и учета их особенностей в образовательном процессе мы предложили понятие *здоровьесберегающий и адаптационный потенциал* (ЗАП), определив его как совокупность психофизиологических и психических характеристик личности, обеспечивающих оптимальное приспособление к изменяющимся условиям окружающей действительности [15, с. 76].

Согласно данным, представленным в работах А. Б. Усенко, К. А. Кузьминой [16] и Д. И. Фельдштейна [17], подростковый возраст является периодом наиболее интенсивного

развития личности, когда меняется вся структура и содержание психоэмоциональных переживаний. В последние годы в Кузбассе проведены исследования, в ходе которых установлено, что для развития личности обучающегося подросткового возраста, особенно актуальны:

- пробуждение желания заботиться о своей безопасности и здоровье;
- формирование установок на здоровое питание;
- использование оптимальных двигательных режимов с учетом возрастных, психофизиологических особенностей индивида [18, с. 75; 19–21].

Насущной проблемой в связи с этим является использование интегральных характеристик уровня ЗАП для выявления ресурсных возможностей развития личности подростка в зависимости от качества образования. Постановка перед школьниками все более сложных познавательных и социальных задач требует, по нашему мнению, наращивания здоровьесберегающего ресурса воспитательно-образовательного процесса, направленного на совершенствование ЗАП младших и старших подростков, их осознанной саморегуляции в целях интеллектуального развития обучающихся в целом, предполагающего активацию метаболических процессов и энергетических затрат организма и личности.

Вышеизложенное послужило основанием для разработки и апробации педагогической модели совершенствования ЗАП подростков в образовательном пространстве школы. По мнению В. П. Зворыкина, моделирование – это одно из средств педагогических исследований, включающих систему действий, производящихся в определенной последовательности [22, с. 107].

*Методы и материалы.* В исследовании участвовали младшие (10–12 лет) и старшие (12–16 лет) подростки, обучающиеся в Старопестеревской средней общеобразовательной школе Беловского района Кемеровской области. В процессе разработки и апробации педагогической модели совершенствования ЗАП в образовательном пространстве школы нами был использован комплекс автоматизированных программно-технических средств (*Статус-ПФ, Орто+, Школа – адаптация, здоровье*), который позволил оценить уровень сформированности адаптационного потенциала подростка, а также выявить факторы, способствующие или препятствующие его совершенствованию.

### Результаты

При разработке педагогической модели нами была выдвинута гипотеза относительно того, что результативность здоровьесберегающей деятельности в образовательном пространстве школы повысится за счет сформированности ЗАП подростков, если:

- рассмотрено и научно обосновано понятие *совершенствование здоровьесберегающего и адаптационного потенциала подростков в образовательном пространстве школы* в контексте здоровьесберегающей деятельности субъектов образования (педагогов



- и родителей), которая предполагает создание управленческих, организационно-педагогических, социально-оздоровительных условий, способствующих сохранению и укреплению здоровья, повышению уровня физической подготовленности, психологической устойчивости обучающихся к стрессовым воздействиям, укреплению морально-нормативных ценностей социализации личности, созданию межличностных отношений, адекватных возрастным и типологическим особенностям, функциональным возможностям организма, с высокой степенью готовности школьника к социально-профессиональному самоопределению;
- разработана и внедрена программа мониторинга уровня сформированности ЗАП обучающихся;
  - дополнены и расширены критерии и показатели, характеризующие уровень сформированности ЗАП субъектов образования;
  - реализуется урочная и внеурочная деятельность на основе интегрированного и дифференцированного обучения с учетом возрастных и типологических особенностей школьников;
  - на муниципальном уровне осуществляется сетевое взаимодействие образовательных организаций, обеспечивающее интеграцию ресурсов;
  - организована деятельность, направленная на актуализацию ЗАП педагогов и родителей, позволяющая оптимизировать их совместную деятельность.

Разработанная педагогическая модель может быть рассмотрена как в теоретико-методологическом, так и в организационно-педагогическом аспекте (рис.).

Новизна представленной педагогической модели заключается в том, что все ее структурные компоненты и их функции определены в соответствии с содержанием процесса совершенствования ЗАП подростков в образовательном пространстве школы. **Теоретико-методологический аспект** отражает цели, задачи, принципы по совершенствованию ЗАП.

Социально-педагогическая деятельность по совершенствованию ЗАП подростков в образовательном пространстве школы реализуется на базе основных принципов:

- интегрального представления о здоровье и безопасности, формирования универсальных учебных действий на основе метапредметных знаний;
- дифференциации – ориентации на совершенствование когнитивной, мотивационной и деятельностной функций обучающихся в процессе урочной и внеурочной деятельности с учетом регуляторно-поведенческих особенностей подростков;
- адаптивности – реализации субъект-субъектных взаимоотношений с учетом функциональных резервов и приспособительных возможностей подростков на основе использования в педагогической практике соответствующей формы социальных воздействий (программирующих, стимулирующих, тормозящих, активизирующих, предупреждающих) с учетом

возрастных и типологических особенностей субъектов воспитательно-образовательного процесса.

**Организационно-педагогический аспект** модели определяет структуру и функции каждого компонента в направлении совершенствования ЗАП подростков в образовательном пространстве школы. Содержательная составляющая педагогической модели – создание организационно-педагогических условий для интегративного подхода и дифференцированного обучения с целью решения обучающих, воспитательных, развивающих и социально-оздоровительных задач [23]. Это, по нашему мнению, поможет актуализировать ценностные ориентации обучающихся, направленные, с одной стороны, на сохранение и укрепление здоровья, здоровый образ жизни, а с другой – на их социальное и профессиональное развитие с учетом возрастных и регуляторно-поведенческих возможностей организма для совершенствования ЗАП обучающихся основной и средней школы.

Считаем, что одним из основных организационно-педагогических условий совершенствования ЗАП является осуществление мониторинга, под которым понимается «система сбора, обработки, хранения и распространения информации об образовательной системе или отдельных ее элементах, ориентированная на информационное обеспечение, позволяющая судить о состоянии объекта в любой момент времени и дающая прогноз его развития» [2, с. 32]. Он должен быть направлен на прогнозирование изменений приспособительных возможностей, состояния здоровья детей, характера формирования ценностных ориентаций личности с последующим проведением (на основе полученных результатов) соответствующих психолого-педагогических корректировочных медико-физиологических мероприятий.

Нами обоснованы три основных этапа мониторинга (аналитический, технологический и корректировочный), направленные на оценку эффективности созданных в образовательной организации психолого-педагогических условий совершенствования ЗАП.

В педагогическую модель включены разработанные и апробированные педагогами-предшественниками и модифицированные нами критерии сформированности здоровьесберегающего образа жизни, характеризующие уровень личностно-средовых ресурсов:

- когнитивный (идеи, мнения, знания) – сформированность системы знаний и представлений о социально-психологической, социально-педагогической безопасности, здоровье, здоровом образе жизни, сформированность негативного отношения к употреблению алкоголя, психоактивных веществ;
- эмоционально-волевой (чувства, ценности) – характер психоэмоционального самочувствия, степень стрессоустойчивости, психологического благополучия и эмоционального комфорта, удовлетворенности занятиями физической культурой и спортом, ведением безопасного и здорового образа жизни, владение приемами и методами регуляции эмоций и чувств;

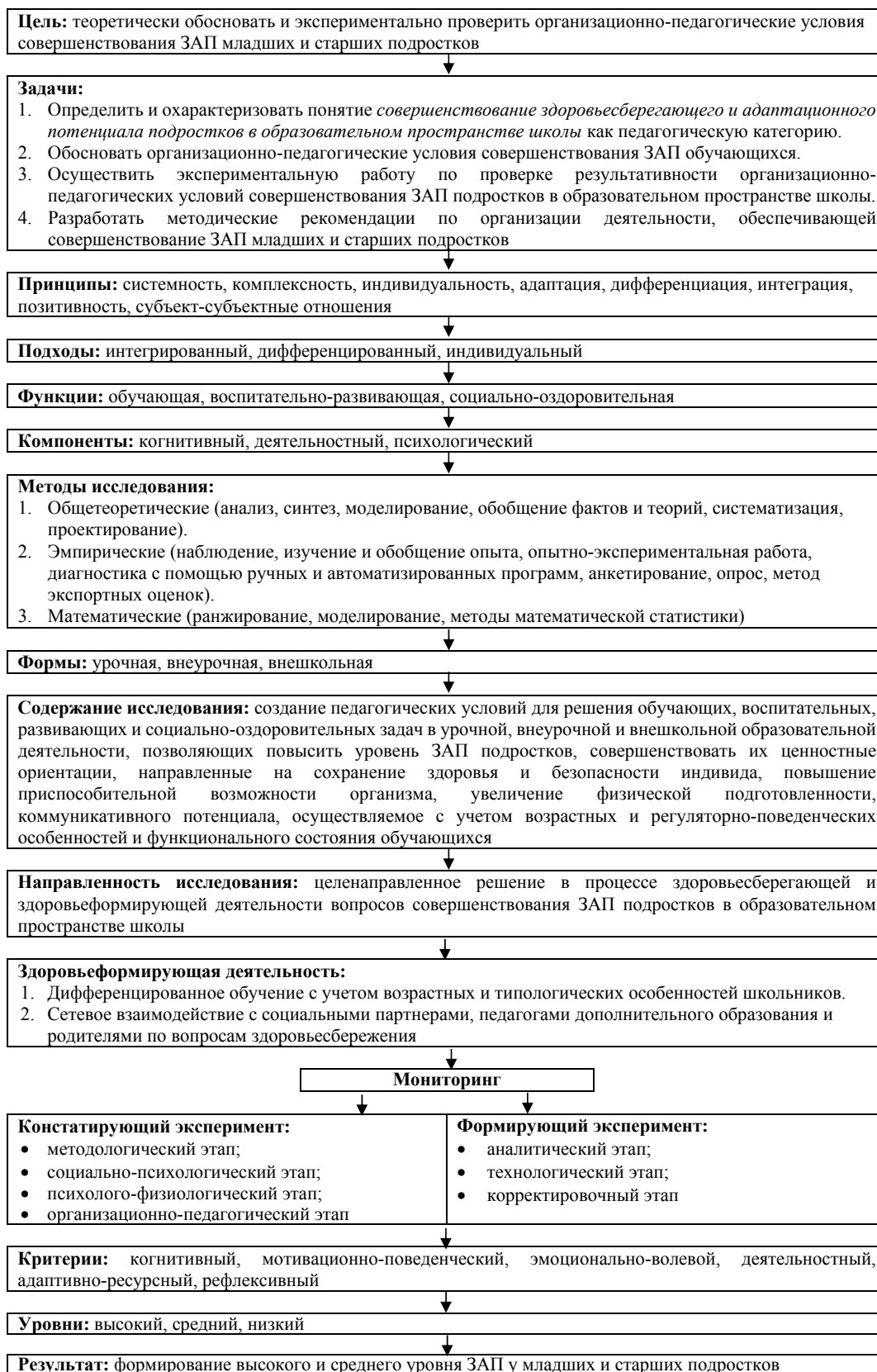


Рис. Педагогическая модель совершенствования ЗАП подростков в образовательном пространстве школы  
 Fig. Pedagogical model of improving the health-preserving and coping potential of adolescents in class

- мотивационно-поведенческий (мотивы, потребности, готовность осуществлять деятельность) – характер социально-психологической адаптации, сформированность навыков регуляции поведения в стрессовых ситуациях, направленного на поддержание рационального режима дня, питания, двигательной активности, закаливания, отказа от вредных привычек, устойчивого интереса к безопасному и здоровому образу жизни;
- деятельностный (действия и деятельность) – успешность обучения ОБЖ, сформированность полезных привычек, способов организации и практических навыков безопасного и здорового образа жизни, владение индивидуальными стратегиями когнитивного поведения, сформированность двигательных умений и навыков;
- адаптивно-ресурсный (функциональное состояние, уровень функционального резерва и стрессоустойчивости) – тип вегетативной регуляции, состояние физиологической адаптации, уровень функционального резерва аппарата кровообращения, уровень функционального состояния центральной нервной системы;
- рефлексивный – склонность к самоанализу, умение сознательно контролировать результаты своей деятельности и личностных достижений, уровень собственного развития, наличие таких качеств, как креативность, инициативность, нацеленность на сотрудничество.

Данные критерии были уточнены и наполнены новым содержанием, что позволило охарактеризовать динамику совершенствования ЗАП школьников и выделить три уровня его сформированности. Полагаем, что **высокий уровень** ЗАП проявляется в сформированной системе знаний о социально-психологической и физиологической адаптации, здоровье, здоровом образе жизни, осознанном негативном отношении к факторам риска, высоком уровне психологического и эмоционального благополучия, организации и использовании навыков безопасного и здорового образа жизни. **Средний уровень** ЗАП характеризуется расхождением между высоким уровнем знаний школьника о культуре здоровья, здоровом образе жизни и недостаточно выраженной мотивацией на осуществление (реализацию) здоровьесформирующей деятельности. **Низкий уровень** ЗАП отражает отсутствие выраженной мотивации к использованию знаний, умений и навыков, направленных на сохранение и укрепление здоровья, реализацию здорового и безопасного образа жизни.

Разработанная педагогическая модель совершенствования ЗАП обучающихся подростков была апробирована в 3 этапа в Старопестеревской средней общеобразовательной школе Беловского района Кемеровской области в 2017–2019 гг. в рамках организации психолого-педагогического сопровождения.

Первый этап включал использование модели интегративной урочной, внеурочной и воспитательной деятельности по направлениям экологического, здоровьесберегающего, патриотического и социального воспитания при работе с обучающимися с различными индивидуальными психосоциальными возможностями и функциональными резервами, анализ уроков с позиций здоровьесбережения по схеме, предложенной Н. К. Смирновым; организацию внеурочных занятий по программе «Культура здоровья» для старших и младших подростков, а также работу с педагогическим коллективом, направленную на повышение уровня личностного потенциала педагога.

Второй этап был реализован с использованием дифференцированного подхода, ориентированного на учет функциональных возможностей обучающихся и особенностей их мотивационной сферы. На этом этапе изучалось влияние различных моделей внеурочной деятельности (инновационно-образовательной, дополнительного образования) на уровень социализации обучающихся. На основании полученных результатов было выделено 3 группы подростков: 1) обучающиеся, которые задействованы во внеурочной деятельности школы; 2) обучающиеся, активно посещающие внешкольные клубы, секции по своим интересам и способностям, 3) школьники-инвалиды и дети с ограниченными возможностями здоровья. Полученная информация активно использовалась для составления рекомендаций педагогам, классным руководителям и родителям в целях повышения эффективности урочной и внеурочной деятельности для организации сетевой модели внеурочной деятельности, реализуемой в тесном сотрудничестве с родителями и социальными партнерами.

Индивидуализация процесса совершенствования ЗАП обучающихся с учетом личностных регуляторно-поведенческих особенностей составляет основу третьего этапа реализации предложенной педагогической модели.

С помощью автоматизированной программы *Орто+* удалось выявить зависимость адаптационного потенциала от регуляторно-поведенческих особенностей, вегетативного статуса (эйтонического, ваготонического, симпатотонического). В рамках психолого-педагогического сопровождения выделенных групп обучающихся психологом разработан комплекс методик, направленных на повышение стрессоустойчивости, адаптивности и социально-профессиональное развитие школьников. Проведен комплексный анализ итоговых срезовых работ (ВПР, мониторинги по итогам четверти и года и т. д.). При разработке сценариев уроков и внеклассных мероприятий учтены особенности вегетативной регуляции обучающихся. Применение в системе мониторинга автоматизированной программы *Школа – адаптация, здоровье*<sup>2</sup> позволило оценить уровень сформированности адаптационного потенциала обучающихся, а также

<sup>2</sup> Свиридова И. А., Казин Э. М., Тарасова О. Л., Федоров А. И., Миллер Н. А. Программный психодиагностический комплекс «Школа – адаптация, здоровье» (ППДК «Школа – АЗ»). Свидетельство о гос. регистрации программ для ЭВМ № 2016611139; заявл. 02.12.2015; опубл. 27.01.2016.



установить факторы, способствующие или препятствующие его формированию. Это становится возможным за счет применения комплекса методик, направленных на выявление мотивации учения и эмоционального отношения к учению, стресс-совладающего поведения, тревожности, различных форм агрессивных и враждебных реакций и др.

Для комплексной оценки уровня сформированности личностного адаптационного потенциала обучающихся 5–9-х классов нами разработана и апробирована методика, в основу которой заложены мониторинговые исследования социальной траектории обучающихся. Эти исследования позволили оценить уровень сформированности личностного и здоровьесберегающего потенциала младших и старших подростков с учетом их мотивационно-ценностных и регуляторно-поведенческих особенностей. По итогам оценки личностного потенциала определяется уровень адаптивно-ресурсных возможностей обучающегося, где высокому уровню соответствует 3 балла, среднему – 2 балла, низкому – 1 балл. Подростки, характеризующиеся высоким уровнем личностного потенциала, имеют суммарный (средний) балл от 45 до 66, средним – от 23 до 44, низким – менее 22. По итогам экспериментальной работы были выявлены уровни личностного потенциала в группах младших и старших подростков, обучающихся в школе. Младшие подростки обладают высоким уровнем личностного потенциала (суммарный (средний) балл – 50,7), старшие – средним (суммарный (средний) балл – 41).

Соотнесение полученных данных с возрастнопсихологическими характеристиками личности подростков

позволило наметить пути совершенствования психолого-педагогического сопровождения личности обучающихся с учетом специфики ЗАП подростков в общеобразовательном пространстве школы.

### Заключение

Рассмотрение теоретико-методологических и организационно-педагогических аспектов педагогической модели совершенствования ЗАП подростков в общеобразовательном пространстве школы позволяет определить широкие возможности ее применения. Структурно-функциональная основа разработанной нами педагогической модели позволяет оптимизировать процесс развития личности подростков. Обеспечение субъектами образования комплекса организационно-педагогических условий в процессе урочной, внеурочной и внешкольной деятельности актуализирует психолого-физиологические и социально-педагогические ресурсы обучающихся, способствует повышению приспособительных возможностей и стрессоустойчивости.

**Конфликт интересов:** Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

**Критерии авторства:** А. В. Арлашева участвовала в разработке педагогической модели, проведении экспериментальной апробации модели и обработке результатов эксперимента; Э. М. Казин, Н. Э. Касаткина участвовали в разработке методологических подходов, написании и представлении к публикации статьи.

### Литература

1. Красношлыкова О. Г., Васильева Т. В., Шефер И. В. Региональная система информационного обеспечения процессов управления качеством образования // Отечественная и зарубежная педагогика. 2018. Т. 2. № 2. С. 55–66.
2. Молчанов С. Г., Гостев А. Г. Понятие «Образовательная программа» в Законе РФ «Об образовании» // Образование. 1998. № 4. С. 32–49.
3. Поташник М. М. Инновационные школы России: становление и развитие. М.: Новая шк., 1996. 317 с.
4. Королев М. Ф. Гарантии качественного профессионального образования // Механизмы обеспечения гарантий качества профессионального образования / под ред. М. Ф. Королева. М.: РАГС, 2008. С. 63–68.
5. Быструшкин С. К., Айзман Р. И. Адаптивные возможности учащихся начальных классов в норме и при нарушениях интеллектуального развития в условиях психоэмоционального воздействия // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 2. С. 218–224.
6. Казин Э. М., Варич Л. А., Тарасова О. Л., Четверик О. Н., Кошко Н. Н., Арлашева А. В., Немолочная Н. В. Комплексный психофизиологический подход к оценке адаптивных возможностей обучающихся подросткового возраста с различными типами вегетативной регуляции // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 444–454. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-2-444-454
7. Маклаков А. Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 1. С. 16–24.
8. Леонтьев Д. А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Ученые записки Кафедры общей психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. 2002. Вып. 1. С. 56–65.
9. Казин Э. М., Абаскалова Н. П., Кошко Н. Н., Шинкаренко А. С., Аверьянова Н. В., Вержицкая Е. Н. Формирование безопасного и здорового образа жизни в образовательной среде // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2014. № 1. С. 50–55.
10. Айзман Р. И. Здоровье участников образовательного процесса как критерий эффективности здоровьесберегающей деятельности в системе образования // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 5. С. 72–82.

11. Гатальская Г. В., Журавлева А. Е. Развитие осознанного отношения к здоровью в юности // Психологический журнал. 2008. № 2. С. 52–59.
12. Сафронова М. В., Гребенникова И. Н., Сафронов И. Д., Салимзянов Р. Р. Влияние занятий спортом на психологическое благополучие и психическое здоровье обучающихся разного возраста // Сибирский педагогический журнал. 2019. № 6. С. 154–162. DOI: 10.15293/1813-4718.1906.14
13. Абаскалова Н. П., Зверкова А. Ю. Современные технологии разработки программы здоровья в образовательной организации // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2015. Т. 1. № 2. С. 42–47.
14. Абаскалова Н. П., Зверкова А. Ю. Научный обзор: системный подход в педагогике здоровья // Научное обозрение. Педагогические науки. 2016. № 2. С. 5–24.
15. Казин Э. М., Красношлыкова О. Г., Автушенко Н. В., Иванова О. Г., Ласкожевская Е. В. Организационно-педагогические условия актуализации здоровьесберегающего и адаптационного потенциала младших школьников // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. № 2. С. 75–83.
16. Усенко А. Б., Кузьмина К. А. Особенности произвольной саморегуляции поведения младших подростков с разными типами вегетативного реагирования // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 24. Режим доступа: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2012v5n24/706-usenko24.html> (дата обращения: 24.03.2021).
17. Фельдштейн Д. И. Социальное развитие в пространстве-времени детства. М.: МПСИ; Флинта, 1997. 158 с.
18. Кириченко В. В. Оптимизация здоровьесберегающего сопровождения учебно-тренировочного процесса в детско-юношеской спортивной школе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 3-1. С. 75–79.
19. Галынская Е. Н. Формирование основ культуры здоровья школьников в учреждениях дополнительного образования детей: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Кемерово, 2015. 24 с.
20. Шинкаренко А. С. Формирование безопасного и здорового образа жизни школьников на современном этапе развития общества: дис. ... канд. пед. наук. Кемерово, 2015. 205 с.
21. Четверик О. Н. Особенности формирования психофизиологического адаптационного потенциала подростков при различных режимах учебной деятельности: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Кемерово, 2018. 20 с.
22. Зворыкин В. П. Морфофункциональные основы индивидуальности, а также духовности человека // Усп. физиол. наук. 1992. Т. 23. № 3. С. 107–124.
23. Иванова И. В. Социализация молодежи в контексте информационных предпочтений // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 61. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n61/1626-ivanova61.html> (дата обращения: 24.03.2021).

original article

## **Pedagogical Model of Health-Preserving and Adaptive Potential in Class Environment**

Lyudmila V. Arlasheva

Staroposterevskaya Secondary School, Russia, Kemerovo region – Kuzbass, Staroposterevo; <https://orcid.org/0000-0003-2268-0521>

Natalia E. Kasatkina

Kuzbass Regional Institute for Advanced Studies and Retraining for Educators, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0002-9136-2247>

Eduard M. Kazin

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; [kazin\\_valeol@mail.ru](mailto:kazin_valeol@mail.ru); <https://orcid.org/0000-0003-1462-5282>

Received 28 Apr 2021. Accepted 9 Jun 2021.

**Abstract:** The concept of life-long education and the Federal State Educational Standard for General Education presupposes teaching technologies that form a positive attitude to a safe and healthy lifestyle in teenagers. The cognitive and social tasks that teenagers have to face grow more and more complex, which means that class environment should develop their coping potential and healthy lifestyle habits. The article features a pedagogical model for improving the health-saving and coping potential of adolescents in class. The model includes functional components that consist of organizational and pedagogical conditions aimed at solving learning, developmental, educational, and social tasks in class and during extracurricular activities. Monitoring proved to be the main organizational and pedagogical condition for improving the potential of adolescents in adaptation and healthy lifestyle habits. Monitoring includes three main stages: analytical, technological, and corrective.

The research involved traditional and modified criteria of the health-saving and coping potential. The experiment proved the effectiveness of the new model.

**Keywords:** organizational and pedagogical conditions, analytical monitoring, technological monitoring, corrective of monitoring, life-long education, health, coping

**Citation:** Arlasheva L. V., Kazin E. M., Kasatkina N. E. Pedagogical Model of Health-Preserving and Adaptive Potential in Class Environment. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2021, 5(2): 105–113. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-2-105-113>

**Conflict of interests:** The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

**Contribution:** L. V. Arlasheva developed the model, performed the experiment, and processed the experimental data. E. M. Kazin and N. E. Kasatkina developed the methodology and wrote the manuscript.

## References

1. Krasnoshlykova O. G., Vasilyeva T. V., Schaefer I. V. Regional system of information support of quality management processes of education. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*, 2018, 2(2): 55–66. (In Russ.)
2. Molchanov S. G., Gostev A. G. The concept of "Educational program" in the law of the Russian Federation "On Education". *Obrazovanie*, 1998, (4): 32–49. (In Russ.)
3. Potashnik M. M. *Innovative schools of Russia: formation and development*. Moscow: Novaia shk., 1996, 317. (In Russ.)
4. Korolev M. F. Guarantees of high-quality professional education. *Mechanisms of ensuring guarantees of the quality of professional education*, ed. Korolev M. F. Moscow: RAGS, 2008, 63–68. (In Russ.)
5. Bystrushkin S. K., Aizman R. I. Adaptive capabilities of primary school students in normal and impaired intellectual development in the conditions of psychoemotional impact. *Siberian pedagogical journal*, 2007, (2): 218–224. (In Russ.)
6. Kazin E. M., Varich L. A., Tarasova O. L., Chetverik O. N., Koshko N. N., Arlasheva L. V., Nemolochnaya N. V. Comprehensive psycho-physiological approach to the assessment of adaptive capacity of teenage schoolchildren with different types of vegetative regulation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 444–454. (In Russ.) DOI: [10.21603/2078-8975-2020-22-2-444-454](https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-444-454)
7. Maklakov A. G. The personal adaptive potential: its mobilization and prognostication in extreme conditions. *Psichologicheskij zhurnal*, 2001, 22(1): 16–24. (In Russ.)
8. Leontiev D. A. Personality personality: personality potential as a basis of self-determination. *Uchenye zapiski Kafedry obshchei psikhologii MGU im. M. V. Lomonosova*, 2002, iss. 1, 56–65. (In Russ.)
9. Kazin E. M., Abaskalova N. P., Koshko N. N., Shinkarenko A. S., Averyanova N. V., Verzhizkaya E. N. Formation of safety and healthy lifestyle in the educational environment. *Professional Education in Russia and Abroad*, 2014, (1): 50–55. (In Russ.)
10. Aizman R. I. Health and safety of participants of educational process is a criterion of health-saving activity efficacy at the educational system. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*, 2015, (5): 72–82. (In Russ.)
11. Gatal'skaia G. V., Zhuravleva A. E. Development of a conscious attitude to health in youth. *Psichologicheskij zhurnal*, 2008, (2): 52–59. (In Russ.)
12. Safronova M. V., Grebennikova I. N., Safronov I. D., Salimzyanov R. R. The influence of sport on psychological well-being and mental health of students of different ages of students. *Siberian pedagogical journal*, 2019, (6): 154–162. (In Russ.) DOI: [10.15293/1813-4718.1906.14](https://doi.org/10.15293/1813-4718.1906.14)
13. Abaskalova N. P., Zverkova A. Yu. Contemporary technologies of developing a program of health in the educational organization. *Research result: Pedagogy and psychology of education*, 2015, 1(2): 42–47. (In Russ.)
14. Abaskalova N. P., Zverkova A. Yu. Scientific survey: systems approach in pedagogy of health. *Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki*, 2016, (2): 5–24. (In Russ.)
15. Kazin E. M., Krasnoshlykova O. G., Avtushenko N. V., Ivanova O. G., Laskozhevskaya E. V. Organizational and pedagogical conditions for actualizing the health-saving and adaptive potential of primary school children. *Professional Education in Russia and Abroad*, 2020, (2): 75–83. (In Russ.)
16. Usenko A. B., Kuzmina K. A. Peculiarities of voluntary self-regulation in junior adolescents with different types of autonomic nervous system response. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2012, 5(24). Available at: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2012v5n24/706-usenko24.html> (accessed 24 Mar 2021). (In Russ.)
17. Feldstein D. I. *Social development in the space-time of childhood*. Moscow: MPPI; Flinta, 1997, 158. (In Russ.)

18. Kirichenko V. V. Optimization of health protection in the educational training process in sports schools for children and youth. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (3-1): 75–79. (In Russ.)
19. Galynskaia E. N. *Formation of the foundations of the culture of health of schoolchildren in institutions of additional education of children*. Cand. Ped. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 2015, 24. (In Russ.)
20. Shinkarenko A. S. *Formation of a safe and healthy lifestyle of schoolchildren at the present stage of society development*. Cand. Ped. Sci. Diss. Kemerovo, 2015, 205. (In Russ.)
21. Chetverik O. N. *Features of the formation of the psychophysiological adaptive potential of adolescents in various modes of educational activity*. Cand. Biol. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 2018, 20. (In Russ.)
22. Zvorykin V. P. Morphofunctional foundations of individuality and human spirituality. *Usp. fiziol. nauk*, 1992, 23(3): 107–124. (In Russ.)
23. Ivanova I. V. Socialization of youth in the context of information preferences. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2018, 11(61). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n61/1626-ivanova61.html> (accessed 24 Mar 2021). (In Russ.)

оригинальная статья

УДК 378+159.9+81'1

## Значение лидерства при изучении иноязычной профессионально-ориентированной лексики (на примере обучения студентов направления Менеджмент)

Александра Игоревна Дашкина

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Россия, Санкт-Петербург; wildroverprodigy@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0081-0604>

Поступила в редакцию 17.05.2021. Принята в печать 14.06.2021.

**Аннотация:** В статье рассматривается, каким образом обучение в малой подгруппе под руководством обучающегося, обладающего лидерскими качествами, может способствовать лучшему усвоению студентами профессионально-ориентированной лексики. Обосновывается необходимость применения указанной формы организации обучения в вузе, в том числе в группах студентов, обучающихся по специализации Менеджмент. Описаны пути формирования малых групп таким образом, чтобы роли, выполняемые в них обучающимися, максимально соответствовали их личностным характеристикам. Для этого применительно к группам обучающихся рассматривается классификация, по которой выделяется три типа групповых ролей: роли, ориентированные а) на действие; б) на людей; в) на мышление. Особое внимание уделяется психологическим характеристикам лидера, преимуществам и недостаткам различных способов выявления обучающихся, обладающих лидерскими качествами. Чтобы определить, насколько совместная учебно-познавательная деятельность под руководством эффективного лидера способствует усвоению учебного материала, среди студентов, обучающихся по направлению Менеджмент, был проведен эксперимент. В начале эксперимента проводился диагностический тест на определение уровня владения английским языком в рамках базового курса и психологический тренинг, выявляющий, кто из студентов склонен выступать в качестве лидера, а кто предпочитает выполнять второстепенные роли. На основании результатов тренинга студенты в экспериментальных группах были разделены на малые подгруппы, которые должны были выполнять задания на усвоение профессионально-ориентированной лексики под руководством лидеров. В контрольных группах малые подгруппы, которые выполняли те же задания, что и экспериментальные, состояли либо из лидеров, либо из подчиненных и не имели руководителя, организующего совместную деятельность. В конце эксперимента был проведен финальный тест, выявляющий уровень усвоения лексики. По его результатам усвоение лексики в экспериментальных группах было на 25 % выше, чем в контрольных, что указывает на высокую эффективность совместной учебной деятельности студентов при наличии лидера, выбранного с помощью психологического тренинга.

**Ключевые слова:** обучение в сотрудничестве, психологический тренинг, малая группа, личностные характеристики, лидерские качества, профессиональная лексика

**Цитирование:** Дашкина А. И. Значение лидерства при изучении иноязычной профессионально-ориентированной лексики (на примере обучения студентов направления Менеджмент) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. Т. 5. № 2. С. 114–124. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-2-114-124>

### Введение

Обучение в сотрудничестве применялось в образовании на разных исторических этапах, но сейчас оно приобрело еще большую актуальность по нескольким причинам. Применение компьютерных технологий в обучении, цифровизация и геймификация образования часто подразумевают использование групповых форм работы при выполнении заданий. Второй образовательной тенденцией, требующей совместной познавательной деятельности учащихся, является возрастание в учебной нагрузке доли исследовательских заданий, связанных со сбором и анализом информации. Перед педагогами вузов стоит задача развития критического мышления студентов, которая может быть решена только путем вовлечения в коллективное обсуждение проблемы.

Обучение в сотрудничестве является необходимым этапом на пути перехода студентов к учебной автономии.

При обучении в сотрудничестве большое внимание должно уделяться психологическим характеристикам студентов, входящих в состав малых подгрупп, в особенности лидерским, поскольку наличие в подгруппе обучающегося, берущего на себя ответственность за организацию совместной учебно-познавательной деятельности, способствует более быстрому и успешному выполнению задания. Студенты, обучающиеся на направлении Менеджмент, могут получить практику межличностного общения, необходимую для их дальнейшей профессиональной деятельности, если будут работать в правильно подобранных по составу малых подгруппах.



Одним из важных аспектов обучения в малых группах является выбор лидера, который сможет правильно распределить задания между студентами, взять на себя ответственность за результаты и сосредоточить внимание всех членов группы на выполнении задания, тем самым повышая эффективность совместной учебно-познавательной деятельности.

Актуальность исследования заключается в том, что обучение в сотрудничестве все чаще применяется в высшем профессиональном образовании, особенно в контексте перехода многих вузов на удаленный или смешанный формат обучения. Новизна состоит в том, что, в отличие от многих исследований в области лидерства в учебных группах, лидер не назначается педагогом на основе личных наблюдений или академической успеваемости обучающегося, а выбирается по итогам психологического тренинга, позволяющего более точно выявить личностные характеристики студентов.

Цель – установить взаимосвязь между эффективностью усвоения учебного материала и правильным выбором лидера малой учебной группы в условиях обучения в сотрудничестве. Для достижения цели были решены следующие задачи:

- проанализированы научные труды, посвященные отдельным аспектам организации обучения в сотрудничестве;
- в контексте обучения в сотрудничестве учтены групповые роли, описанные Р. М. Белбиным;
- изучен механизм психологического управления в учебной группе;
- проведен психологический тренинг с целью выявления лидеров малых групп;
- проведен эксперимент по определению влияния лидеров на эффективность усвоения профессионально-ориентированной лексики в малых группах;
- на основе анализа результатов эксперимента сделаны выводы о повышении продуктивности учебно-познавательной деятельности при наличии лидера в малых подгруппах.

### Обучение в сотрудничестве

В настоящее время обучение в сотрудничестве применяется на всех уровнях образования и направлениях подготовки. Оно определяется как образовательный подход к преподаванию и обучению, подразумевающий групповую работу студентов над решением задачи, выполнением задания или созданием интеллектуального продукта [1, р. 491]. Групповая работа может выполняться студентами как в аудитории, так и дистанционно с использованием средств коммуникации. Одной из задач, стоящих перед педагогом, является правильная организация совместной деятельности студентов и правильный подбор обучающихся, входящих в состав малых подгрупп.

С помощью эксперимента было доказано, что студенты, положительно воспринимающие обучение в сотрудничестве, получают большее удовлетворение от учебного процесса,

чем студенты, негативно относящиеся к совместной учебно-познавательной деятельности [2, р. 318]. При положительном отношении к совместной деятельности обучающиеся настроены не на конкуренцию с другими членами малой подгруппы, а на достижение успеха в выполнении общего задания. Студенты, отрицательно относящиеся к обучению в сотрудничестве, не заинтересованы в том, чтобы внести как можно больший вклад в совместную деятельность. Они часто перекалывают выполнение своей части задания на партнеров по подгруппе, пренебрежительно относятся к их идеям, а иногда даже вступают в конфликты. Таким студентам целесообразно предоставлять возможность работать индивидуально, в то время как другие студенты выполняют задания совместно.

Для формирования правильного отношения к групповой работе, которое жизненно необходимо студентам направления Менеджмент в их дальнейшей карьере, они должны обладать социальным интеллектом, который проявляется в понимании межличностных отношений, социально-психологической наблюдательности и социально-перцептивных умениях, а также в умении адекватно воспринимать и интерпретировать личность и поступки другого человека или какую-либо жизненную ситуацию [3].

При организации обучения в сотрудничестве успех зависит от творческого подхода педагога, поскольку все малые учебные группы отличаются друг от друга. Преподаватель постоянно наблюдает за совместной работой студентов, при необходимости вмешивается в процесс выполнения заданий и направляет его в правильное русло с целью повышения эффективности усвоения материала [4]. При аудиторной работе вмешательство педагога заключается в ответах на вопросы студентов, связанные с заданием, наблюдении за тем, насколько они сосредоточены на выполнении задания, не происходит ли конфликтов в малой подгруппе. Преподаватель должен контролировать процесс выполнения заданий вне аудитории посредством регулярной проверки отчетов или относящейся к заданию и предоставляемой студентами переписки по электронной почте, исправления ошибок, проведения консультаций в режиме телеконференций. Как и при аудиторной работе, педагогу иногда приходится вмешиваться в процесс групповой работы в случае возникновения конфликтов и даже реформировать малые подгруппы.

Для организации обучения в сотрудничестве и контроля над работой в малых учебных подгруппах педагог может использовать социальные сети, которые легки в использовании, способствуют совместной учебно-познавательной деятельности, повышают уверенность студентов при выполнении заданий [5, р. 94]. Это объясняется тем, что в повседневной жизни обучающиеся используют социальные сети в целях коммуникации намного чаще, чем электронную почту. Поэтому они чувствуют себя более естественно, если при выполнении заданий общение между членами малой подгруппы происходит в социальной сети.

### Групповые роли студентов при обучении в сотрудничестве

При обучении в сотрудничестве необходимо сформировать группы таким образом, чтобы роли, выполняемые каждым обучающимся, максимально соответствовали их личностным характеристикам. При правильном распределении ролей улучшается психологический климат, каждый участник совместной учебно-познавательной деятельности вносит наибольший вклад в выполняемое задание, в результате чего малые группы обучающихся могут достичь высоких показателей. Групповые роли в различных социальных сообществах рассматривались психологами, как в контексте организаций, так и применительно к группам обучающихся.

Р. М. Белбин на основе таких факторов, как личностные характеристики, умственные способности, мотивация и опыт, предложил следующую классификацию из восьми командных ролей, основанную на оценке межличностного взаимодействия членов группы и вклада каждого из них в достижение общей цели: генератор идей, исследователь ресурсов, координатор, мотиватор, аналитик-стратег, душа команды, реализатор и контролер. Впоследствии указанная классификация пересматривалась многими исследователями, которые учитывали факторы разграничения функциональных ролей (относящихся к знаниям, умениям и навыкам) и естественных командных ролей (предпочтение вести себя в команде определенным образом), возможность использования модели Р. М. Белбина не только в группе менеджеров, но и в любой области, где требуется принимать решения [6]. Предложенная классификация применима в учебных группах, которые получают творческое задание, предполагающее групповую работу. Как правило, группы студентов разбиваются на малые подгруппы (по 3-5 человек) для выполнения определенного задания, что исключает возможность присвоить каждому участнику одну из восьми командных ролей. Это означает, что в соответствии с классификацией Р. М. Белбина роли участников малой учебной подгруппы можно разделить на три вида: ориентированные а) на действие; б) на людей; в) на мышление. Например, если группа, состоящая из трех человек, получает творческое задание, один участник может осуществлять действия, направленные на поиск информации, подготовку презентации и т. д., другой обучающийся может распределять задания и организовывать слаженную групповую работу, а третий член подгруппы может выполнять операции отбора, анализа и критического осмысления информации.

При формировании малой учебной подгруппы, помимо умственных способностей, мотивации и опыта, необходимо учитывать психологическую совместимость ее участников. Существует взаимосвязь между психологической совместимостью и академической успеваемостью. Это объясняется тем, что психологическая совместимость способствует повышению способности индивида контролировать свои эмоции в процессе обучения. Эмоциональное состояние обучающихся влияет на работоспособность индивида,

и реакция окружающих помогает ему оценить свои способности, что необходимо для совершенствования навыков [7, p. 396]. Часто можно наблюдать, что при неблагоприятной психологической обстановке в малой учебной подгруппе обучающиеся не раскрывают в полной мере свои способности, не высказывают своего мнения в дискуссии или, наоборот, создают конфликтную обстановку, что зачастую отвлекает их от обсуждаемой темы. Напротив, при формировании малых учебных подгрупп с учетом психологической совместимости обучающиеся стремятся выслушать мнения партнеров, оказать помощь студентам с более низким уровнем подготовки по изучаемому предмету и заинтересованы в достижении высоких результатов при выполнении совместной деятельности.

При формировании малой учебной подгруппы необходимо обращать внимание на степень активности ее участников, в зависимости от которой некоторые командные роли могут быть представлены в двух вариантах. Например, студент, поставляющий информацию, может быть активным (проявляющим инициативу при сборе информации, составлении отчетов и инструкций) или пассивным (предоставляющим информацию в ответ на внешнее коммуникационное воздействие) [8]. При отборе студентов в малые подгруппы с целью организации групповой работы целесообразно объединять активных и пассивных участников. Если все участники подгруппы будут активны, конкуренция между ними будет высока, что может привести к конфликтам, препятствующим продуктивной работе. Подгруппа, состоящая из пассивных участников, возможно, не достигнет поставленной цели, поскольку каждый будет ожидать проявления инициативы от партнеров по группе.

Таким образом, межличностная комплементарность является важным фактором, влияющим на успешную работу малой подгруппы. Так, человек, для которого характерно дружелюбное доминирующее поведение хорошо срабатывается с дружелюбным человеком, который, напротив, охотно подчиняется, но несовместим с доминирующим индивидом, ведущим себя враждебно [9]. Поэтому при формировании малых групп целесообразно объединять студентов, основываясь на указанном принципе. Однако в этом случае возникает вопрос о том, в какую подгруппу отнести студентов, ведущих себя враждебно (независимо от того, какое поведение – доминирующее или подчиненное – для них характерно). Опыт показывает, что во многих случаях целесообразно предлагать таким обучающимся выполнять задание индивидуально (не в подгруппах), поскольку их негативное поведение может препятствовать совместной работе и создать стрессовую ситуацию.

При организации работы в малых группах нужно учитывать четырехступенчатую модель формирования коллектива, предложенную Б. В. Такменом [10]. На формирующей стадии определяются ценности и правила, которыми руководствуется учебная группа. На конфликтной стадии педагог должен объяснить студентам, что развитие навыков

групповой работы является частью их основного задания. На нормирующей стадии и на стадии функционирования члены малой группы руководствуются правилами, определенными на первом этапе, возрастает групповая сплоченность, позволяющая достичь синергетического эффекта и более высокой продуктивности [11]. Когда малая подгруппа только сформирована, перед началом выполнения задания студентам может быть предложено сформулировать правила групповой работы (обязательное внимание к мнению партнеров по подгруппе, предоставление возможности всем партнерам предлагать свои идеи, связанные с выполнением задания, не перекладывать свои обязанности на других студентов, проявлять инициативу и т. д.). При возникновении конфликтов на второй стадии педагогу следует выслушать конфликтующие стороны и помочь студентам разрешить проблему, руководствуясь правилами, разработанными на первом этапе. На нормирующей стадии и на стадии функционирования вмешательство педагога не требуется в той же мере, что на первых двух стадиях: достаточно регулярной проверки на различных этапах выполнения задания.

Для достижения высоких результатов при обучении в сотрудничестве необходимо желание всех членов группы достичь общей цели, а также их удовлетворенность условиями совместной деятельности [12]. Действительно, опыт показывает, что, если малая группа состоит из учащихся, для которых цель команды важна, актуальна и соответствует личным стремлениям, и если они располагают необходимыми ресурсами для ее осуществления, то задание выполняется успешно. Так, на занятиях по иностранному языку в группах студенты разбиваются на малые подгруппы по 3-4 человека для выполнения заданий на овладение профессионально-ориентированной лексикой. Обучающиеся различаются по степени мотивации, уровню языковой подготовки и психологическим характеристикам. Если малая подгруппа полностью состоит из студентов, недостаточно владеющих иностранным языком даже на базовом уровне и не желающих участвовать в учебно-познавательной деятельности, то, вероятнее всего, цель не будет достигнута. Например, если такая подгруппа получает задание подготовить диалог или ролевую игру с обязательным использованием новой лексики, то, как правило, они заканчивают выполнение позже всех и успевают составить одно-два предложения.

### Лидерство в учебных группах

Целесообразно формировать лидерские качества у студентов, поскольку у обучающихся, обладающих ими, часто наблюдается более активный подход к обучению в университете и, следовательно, более высокая успеваемость. Студенты должны принимать роли лидеров в процессе выполнения учебных заданий для того, чтобы сформировать в себе ответственность, уверенность и необходимые навыки межличностного общения [13].

Студенты выбирают лидера группы, основываясь на определенных личностных характеристиках, которые не обязательно связаны с доминированием над другими членами группы. В исследовании Е. С. Буровцевой и И. Д. Митиной посредством анкетирования студентов были выявлены такие лидерские качества, как «ответственность, общительность (коммуникабельность), социальная активность, решительность, креативность, целеустремленность, доброжелательность, уверенность, позитивность, чувство юмора» [14, с. 88]. С целью установления мнения о лидерских качествах нами было проведено анкетирование студентов, обучающихся в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого на направлении Менеджмент. Их ответы частично совпали с результатами, полученными Е. С. Буровцевой и И. Д. Митиной. Студенты так же указали среди характеристик умение выслушать собеседника, решительность, властность, авторитетность, но не упомянули в качестве характеристик лидера чувство юмора, креативность и доброжелательность. Мнения студентов по поводу лидерских качеств могут различаться: одни делают акцент на дружелюбии и позитивности, тогда как в представлении других лидер является более авторитарным.

Некоторые исследователи утверждают, что при децентрализованном управлении в малых группах наблюдается более высокий уровень познавательной активности студентов, чем при наличии одного лидера, осуществляющего централизованный контроль над совместной учебной деятельностью [15]. Однако выбор модели управления может зависеть от конкретной ситуации, в которой происходит совместная учебно-познавательная деятельность. Более того, в работе указанных авторов рассматривается ситуация, в которой группа с децентрализованным управлением характеризовалась высоким уровнем сплоченности и все участники были сосредоточены на выполнении задания, тогда как в группе с централизованным управлением лидер ставил собственные интересы выше социальных и эмоциональных потребностей партнеров. Это означает, что при выборе лидера следует руководствоваться не только его лидерскими качествами, но и личностными характеристиками. Именно поэтому лидеры, назначаемые преподавателем, не всегда способствуют успешному выполнению задания малой учебной подгруппой.

### Психологическое управление в малой группе: лидерство и руководство

При организации совместной учебно-познавательной деятельности необходимо выбрать студентов, способных направлять и регулировать работу малых групп. Представляется целесообразным назначить на эту роль обучающихся, реально обладающих лидерскими качествами, нежели формальных руководителей. Для этого необходимо разграничить понятия *лидерство* и *руководство*.

Лидер, который выбирается стихийно на основе определенных личностных характеристик и в зависимости



от определенной ситуации, регулирует в основном межличностные отношения в группе, тогда как назначенный или избранный руководитель осуществляет официальный контроль над группой, члены которой выполняют предписанные им роли. Лидерство характерно для малых групп, а руководство осуществляется, как правило, в формальной группе или организации. Руководитель обладает официальными рычагами воздействия на членов группы и несет ответственность за принятие решений. Лидер, напротив, не имеет возможности формально воздействовать на членов группы, поэтому осуществляет управление на основе своих личностных характеристик. Он не несет ответственность за деятельность группы [16]. Таким образом, поскольку в малых группах контроль, как правило, осуществляется лидерами, преподавателю необходимо выявить студентов, обладающих лидерскими качествами и предложить выбрать для руководства выполнение определенного задания. Это имеет смысл на первом курсе, когда студенты не имеют представления о личностных характеристиках своих партнеров по группе, или на старших курсах, если по каким-либо причинам группа сформирована из студентов, ранее не имевших личных контактов. В случаях, когда студенты давно учатся вместе и хорошо знакомы друг с другом, они без участия преподавателя решают, кого именно выдвинуть на роль лидера.

При выдвижении лидера членами группы лидерство рассматривается как «феномен собственно психологической природы, в его основе – сила влияния одного члена группы на другого» [17, с. 218]. В малой учебной группе студент, выдвинутый на роль лидера на основании его навыков межличностного общения и умения оказывать направляющее воздействие на других обучающихся, может более успешно организовать совместную учебно-познавательную деятельность.

Лидер выдвигается «в результате взаимодействия членов группы для организации группы при решении конкретной задачи в конкретной ситуации» [18, с. 213]. Так, в учебном процессе лидеру поручается организовывать работу малой подгруппы, направленную на создание определенного интеллектуального продукта, например, составление глоссария, подготовка презентации, разработка задания для другой группы и т. д. В этом случае, получив конкретную задачу, лидер распределяет обязанности, мотивирует менее активных членов подгруппы, контролирует выполнение заданий и принимает на себя ответственность за окончательный результат работы. Обучающийся, выдвинутый на роль лидера, не всегда обладает самым высоким уровнем подготовки по предмету, но осуществляет управление за счет своих личностных характеристик.

Опыт показывает, что лидер, назначенный педагогом на основании высокой академической успеваемости, не всегда оказывается эффективным руководителем, поскольку успеваемость зачастую не означает организаторских способностей и умения найти подход к каждому члену

группы. С другой стороны, у обучающегося, обладающего лидерскими качествами, не всегда будет высокая успеваемость. Как правило, преподаватель не имеет представления о лидерских качествах студентов и может оценить их исключительно на основании уровня знаний, причем чаще всего только по его предмету. Именно по этой причине лидер, назначенный педагогом, не всегда может с достаточной эффективностью организовать работу малой группы.

Независимо от того, назначен лидер педагогом или выдвинут студентами, его полномочия иногда приходится брать на себя другому участнику группы. Указанное перераспределение ролей происходит в случае, если по какой-либо причине малая группа перестает направлять совместные усилия на поставленную перед ней задачу. Роль лидера обычно принимает на себя студент, ответственно относящийся к выполнению учебных заданий и осознающий, что он не сможет выполнить весь объем в установленный срок без привлечения к работе партнеров по малой группе [19]. Принятие на себя лидерских функций дает студенту возможность приобрести навыки, позволяющие адаптироваться к любому коллективу. Кроме того, навык работы с малоэффективным лидером помогает обучающимся в будущей профессиональной деятельности.

Можно предположить, что наибольшая эффективность совместной учебно-познавательной деятельности может быть достигнута при назначении преподавателем на руководящую роль студента, лидерские качества которого были выявлены на основании психологического тестирования [20, р. 11]. В этом случае, с одной стороны, они наделяются официальными полномочиями, позволяющими им осуществлять полноценное руководство группой, а с другой – получают возможность организовывать и направлять совместную деятельность благодаря личностным характеристикам.

#### **Способы определения личностных характеристик, соответствующих групповым ролям**

Для оптимальной организации совместной деятельности студентов в малых учебных группах целесообразно выявить их личностные характеристики. Наиболее распространенным способом их определения является психологическое тестирование. Но оно имеет существенный недостаток: респондент «по желанию может сознательно повлиять на получаемые результаты, особенно если он заранее знает, как устроен тест и каким образом по его результатам будут оценивать его психологию и поведение» [16, с. 10]. Например, студент, не обладающий лидерскими характеристиками, но желающий осуществлять контроль над сверстниками, может ответить на вопросы теста таким образом, что будет назначен на роль лидера, что может отрицательно сказаться на результатах выполняемого задания.

Лидер может также определяться путем наблюдения педагога за совместной деятельностью обучающихся. Если студент принимает активное участие в решении групповых задач, его авторитет признается другими членами группы

и он наделяется полномочиями выступать от имени группы при общении с внешней средой, то, по всей вероятности, он обладает лидерскими качествами [21, с. 163]. Однако оценка на основе наблюдений может быть субъективной. Педагог может прийти к ошибочному заключению, поскольку активное участие в решении задач и признание авторитета может объясняться тем, что он является более компетентным, чем другие студенты, в рамках определенной темы.

Традиционно для выявления лидера применяются социометрические методики, но некоторые современные исследователи считают, что и они не дают исчерпывающего психологического портрета обучающихся из-за используемых в них гипотетических конструкций, поэтому они должны сопровождаться вспомогательными методами, например анкетированием [22, с. 262]. Таким образом, объективное определение лидера представляется довольно сложной задачей, требующей применения целого комплекса методов.

Нами предлагается выдвигать студентов на роль лидеров малых групп на основе проведенного в них психологического тренинга.

### Эксперимент по определению влияния лидеров на эффективность усвоения профессионально-ориентированной лексики в малых группах

Эксперимент в группах студентов проводился в течение трех семестров. Количество студентов в трех контрольных группах (КГ) составляло 42 человека, в трех экспериментальных (ЭГ) – 45 человек. Перед началом эксперимента был проведен лексико-грамматический тест, выявляющий исходный уровень владения студентами английским языком. Диагностический тест был составлен на основе лексического материала из базового учебного пособия «Language leader», которое используется студентами экономических направлений в течение первых трех семестров. Ниже приведены примеры предложений из диагностического теста<sup>1</sup>:

1. *One of the issues that designers have to take into account is \_\_\_\_\_ materials.*

- a) *reviving*
- b) *recycling*
- c) *revitalizing*
- d) *reprocessing*

2. *Some students do badly in their exams because they don't start to \_\_\_\_\_ for the exams until the last day.*

- a) *ready*
- b) *get*
- c) *revise*
- d) *score*

3. *If the company \_\_\_\_\_ millions of dollars in their advertising campaign, they \_\_\_\_\_ their fashionable collection last year.*

- a) *didn't spend / wouldn't sell*

b) *wouldn't spend / wouldn't sell*

c) *hadn't spent / wouldn't have sold*

d) *wouldn't have spent / wouldn't have sold*

Как видно из примера, тест состоял из предложений на множественный выбор. Он оценивался по 50-балльной шкале, поскольку содержал пятьдесят предложений. Средний результат в КГ составлял 24,28 балла, в ЭГ – 21,6 балла.

В начале эксперимента в КГ и ЭГ был проведен психологический тренинг для выявления лидеров. В заданной игровой ситуации каждому участнику предлагалось выбрать 3 наиболее близких ему социальные роли, которые соответствовали различной степени реализации лидерских качеств. После тренинга участникам было предложено заполнить анкету, в которой, в частности, было необходимо отметить наиболее и наименее востребованные и наиболее комфортные позиции, которые они занимали в процессе тренинга, а также роль, максимально соответствующую их социальным притязаниям. Таким образом, были выделены лидеры, стремящиеся укрепить свой социальный статус, и «подчиненные», не претендующие на лидерство, а комфортно чувствующие себя «на вторых ролях». Далее все группы, принимавшие участие в эксперименте, были разделены на малые подгруппы по 4-5 человек, причем в КГ малые подгруппы включали либо только лидеров, либо исключительно «подчиненных», т. е. обучающихся, не обладающих лидерскими качествами. Каждая ЭГ была разделена на подгруппы, состоящие из «подчиненных», возглавляемых одним лидером, который был назначен ответственным за работу подгруппы.

В течение 14 недель перед каждым занятием все малые группы, участвовавшие в эксперименте, должны были закреплять изученную лексику, используя электронный ресурс *sentencedict.com*<sup>2</sup>, в котором приводится 10–20 предложений, содержащих слово или устойчивое словосочетание, введенное в поисковое окно. Ниже приведен пример предложений из указанного ресурса со словосочетанием *advertising campaign*:

1. *The Government has launched an **advertising campaign** to encourage people to vote.*

2. *The recent **advertising campaign** has had a marked effect on sales.*

3. *The **advertising campaign** reached a crescendo just before Christmas.*

Работа с лексикой выносилась в качестве домашнего задания, выполняемого путем общения студентов, входящих в каждую малую группу, в Интернете. В среднем после каждого занятия студенты должны были изучить 10 слов или словосочетаний из базового учебного пособия «The Business 2.0 Upper-Intermediate», по которому

<sup>1</sup> Cotton D., Falvey D., Kent S. *Language leader*. Edinburgh: Pearson Education Limited, 2008. 184 p.

<sup>2</sup> Sentencedict.com. Режим доступа: <https://sentencedict.com/> (дата обращения: 26.06.2020).



работают в 4 и 5 семестрах<sup>3</sup>. В ЭГ лидер распределял слова между собой и членами подгруппы. «Подчиненные» должны были скопировать на каждое из полученных ими слов все предложения ресурса *sentencedict.com* и выслать их лидеру, который разделял все полученные и найденные им самим предложения на равные части. Далее он высылал их членам своей подгруппы, оставляя одну часть себе, и все обучающиеся, включая лидера, переводили свою долю предложений с английского языка на русский. «Подчиненные» высылали переведенные предложения лидеру, который проверял часть из них сам, если его уровень языковой подготовки был выше, чем у других членов подгруппы. Остальную часть предложений он передавал на проверку «эксперту», т. е. «подчиненному», владеющему английским языком на более высоком уровне. Если уровень языковой подготовки самого лидера был недостаточен, он высылал одному из «экспертов» свою часть переведенных предложений.

Студенты, осуществлявшие проверку перевода, не исправляли ошибки, а выделяли их цветом и высылали тем членам группы, которые делали эту часть перевода. Исправленные версии перевода повторно проверялись «экспертами» и, если ошибки все же были допущены, они выделялись цветом. Студенты использовали голосовую и видеосвязь в Интернете, например *Skype*, для взаимного опроса лексического материала, причем «эксперты» сначала опрашивали студентов с недостаточным уровнем языковой подготовки, а затем друг друга. Вся переписка, связанная с переводами, их проверкой и исправлением, составлением рассказов, а также аудиозаписи взаимного устного опроса пересылалась по электронной почте преподавателю в качестве подтверждения факта работы в команде. На следующем аудиторном занятии результаты работы подгрупп проверялись во фронтальном режиме. После этого студенты рассказывали по подгруппам и под руководством своих лидеров составляли небольшие рассказы, содержащие 10 изученных лексических единиц. При необходимости «эксперты» исправляли лексические и грамматические ошибки, а лидеры вносили коррективы в сам сюжет рассказа, если он не был творческим и интересным. Составленные рассказы читались вслух и проверялись педагогом.

Как было указано выше, подгруппы в КГ состояли либо из лидеров, либо из «подчиненных» и не имели руководителя. Студенты начинали выполнение домашнего задания со спонтанного распределения между членами подгруппы 10 слов или словосочетаний. Получив свою долю лексики, они находили содержащие ее предложения в *sentencedict.com*, переводили их, обменивались переводами с любым из партнеров по подгруппе по своему выбору, выделяли цветом ошибки, высылали друг другу предложения для повторной проверки и при необходимости вносили окончательные коррективы в переводы. Кроме того, студенты КГ проводили взаимный опрос лексики, используя аудио- и видеосвязь

в Интернете. Они формировали пары для взаимного опроса в зависимости от своих предпочтений.

Сообщения, содержащие переводы, которыми обменивались студенты, и аудиозаписи взаимной проверки лексики, как и в ЭГ, пересылались преподавателю. Предложения проверялись на следующем аудиторном занятии. После этого малые подгруппы рассказывали вместе, чтобы составить рассказ с изученными словами, который проверялся педагогом. Основное различие между работой в КГ и ЭГ состояло в том, что в последних учебно-познавательная деятельность в малых подгруппах управлялась лидером, который распределял нагрузку, назначал «экспертов» и руководил взаимной проверкой лексики.

В конце эксперимента был проведен финальный тест, выявляющий уровень усвоения лексики из базового учебного пособия «The Business 2.0 Upper-Intermediate» в КГ и ЭГ. Он был составлен в том же формате, что и диагностический тест, т. е. состоял из 50 предложений на множественный выбор. Ниже приведены примеры предложений из финального теста.

1. *We asked the Creative Director to develop a print advertising \_\_\_\_\_ in order to increase the brand's visibility.*

- a) *campaign*
- b) *outflow*
- c) *activity*
- d) *company*

2. *The employees who were dissatisfied with the pay and conditions decided to \_\_\_\_\_ their notice within a few weeks.*

- a) *give in*
- b) *take down*
- c) *set up*
- d) *try out*

Средний результат в КГ составил 29,36 балла, в ЭГ – 39,6 балла. Показатели в КГ возросли на 10,16 %, а в ЭГ – на 36 %. Столь значительный перевес в пользу ЭГ указывает на то, что при наличии лидера совместная деятельность, направленная на усвоение и закрепление лексического материала, более продуктивна.

#### **Выводы о повышении продуктивности учебно-познавательной деятельности при наличии лидера в малых подгруппах**

Более высокая продуктивность учебно-познавательной деятельности в малых подгруппах, руководимых лидером, достигается по ряду причин. В подгруппах, где все партнеры претендуют на лидерские позиции, сотрудничество усложняется тем, что личные лидерские амбиции часто преобладают над интересами группы и отодвигают на второй план даже достижение результата совместной деятельности. Именно поэтому в малых подгруппах, состоящих из студентов, претендующих на роль лидеров, возникали внутригрупповые

<sup>3</sup> Allison J., Townend J., Emmerson P. *The Business 2.0. B2 Upper-Intermediate*. Oxford: Macmillan Publishers Limited, 2013. 160 p.

конфликты, которые снижали эффективность совместной учебно-познавательной деятельности.

В малых группах, состоящих из студентов, не обладающих лидерскими качествами, низкая эффективность совместной деятельности объясняется нежеланием брать на себя ответственность за распределение полномочий и решение проблем, стоящих перед группой. Партнеры не ощущали уверенности в своей способности руководить коллективом и, стараясь избежать неудачи, уклонялись от принятия на себя лидерской позиции. Студенты в указанных группах часто разделялись на пары на основе взаимной симпатии, поскольку они были неспособны установить деловые отношения с остальными партнерами, что приводило к отсутствию скоординированной работы и низкому качеству выполнения задания.

В ЭГ в каждой малой подгруппе был единственный лидер, назначенный на основании его личностных характеристик, в то время как остальные члены группы не наделялись руководящими полномочиями. Благодаря этому он имел возможность максимально проявить социальные навыки и такие личностные качества, присущие лидеру, как самосознание, саморегуляция, мотивация, эмпатия [23, с. 54]. Остальные члены малой группы, не стремящиеся к лидерству, не оспаривали его решения и охотно выполняли свою часть работы. Их вполне устраивало отсутствие ответственности за результаты работы всей группы.

Лидеры организовывали работу малой группы таким образом, что все входящие в нее обучающиеся вносили посильный вклад в общую работу при меньших трудозатратах, одновременно значительно повышая свой уровень владения иностранным языком и получая удовлетворение от участия в выполнении задания. Лидер постоянно улучшал общий результат за счет понимания возможностей всех членов группы и распределения заданий в соответствии с ними.

Еще одним фактором, способствовавшим более высоким показателям в ЭГ, явилось преодоление социальной лени, которая определяется как тенденция людей прилагать меньше усилий, когда они объединяются ради достижения общих целей, но при этом нет оценки их вклада [24; 25, с. 23]. Поскольку работа в малых группах распределялась лидером, который требовал, чтобы каждый студент нес полную ответственность за свою часть работы, ни один студент не мог избежать участия в совместной учебно-познавательной деятельности.

Поскольку отсутствие эффективной коммуникации внутри учебной группы является одним из основных факторов, значительно снижающих результаты учебной деятельности, проведение психологических тренингов помогает педагогу

преодолеть указанную проблему [26]. Более высокие результаты в ЭГ были достигнуты благодаря назначению лидера на основании психологического тестирования и тренинга, в результате которых удалось выбрать на руководящую роль студентов с организаторскими способностями.

Использование элемента деловой игры, направленной на выявление психологических характеристик членов малых подгрупп, на занятиях по английскому языку не только повышает эффективность усвоения учебного материала, но и подготавливает студентов, обучающихся на направлении Менеджмент, к последующей профессиональной деятельности.

### Заключение

Выполнение заданий в малых подгруппах способствует не только лучшему усвоению учебного материала, но и формированию личностных характеристик, необходимых выпускникам в их дальнейшей профессиональной карьере. Высокая продуктивность учебно-познавательной деятельности достигается за счет вовлечения всех студентов в учебный процесс. Однако она может быть достигнута только в том случае, если работа в малой учебной группе организуется обучающимся, обладающим лидерскими качествами, поскольку именно он может обеспечить активное участие каждого члена группы в выполнении общей задачи.

Лидер, назначенный педагогом, иногда не способен эффективно организовать работу в малой группе, поскольку не всегда обладает необходимыми для этого личностными характеристиками. С целью выбора лидера целесообразно проводить психологический тренинг или тестирование: только в этом случае он будет соответствовать выполняемой им групповой роли. Различные психологические приемы, направленные на выявление личностных характеристик, соответствующих определенным ролям в группе, традиционно применяемые в менеджменте, могут применяться при организации учебного процесса.

Хотя исследование проводилось в группах студентов, обучающихся на направлении Менеджмент, для которых формирование лидерских качеств определяет успех будущей профессиональной карьеры, совместная учебно-познавательная деятельность может организовываться в малых группах, подобранных на основании личностных характеристик участников, на занятиях по любым предметам среди обучающихся различных направлений подготовки.

**Конфликт интересов:** Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи

## Литература

1. Laal M., Laal M. Collaborative learning: what is it? // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2012. Vol. 31. P. 491–495. DOI: 10.1016/j.sbspro.2011.12.092
2. So H.-J., Brush T. A. Student perceptions of collaborative learning, social presence and satisfaction in a blended learning environment: Relationships and critical factors // *Computers & Education*. 2008. Vol. 51. Iss. 1. P. 318–336. DOI: 10.1016/j.compedu.2007.05.009
3. Щербakov С. В. Комплементарность межличностных отношений и социальный интеллект студентов // *Российский гуманитарный журнал*. 2013. Т. 2. № 5. С. 459–481.
4. Cogburn D. L., Levinson N., Ramnarine-Rieks A. U., Vasques F. E. A Decade of Globally Distributed Collaborative Learning: lessons learned from cross-national virtual teams // *Proceedings of the 2010 43rd Hawaii International Conference on System Sciences (Koloa, 5–8 Jan 2010)*. Koloa, 2010. DOI:10.1109/HICSS.2010.11
5. Al-Rahimi W. M., Othman M. S., Musa M. A. Using TAM model to measure the use of social media for collaborative learning // *International Journal of Engineering Trends and Technology*. 2013. Vol. 5. No. 2. P. 90–95.
6. Aritzeta A., Swailes S., Senior B. Belbin's team role model: development, validity and applications for team building // *Journal of Management Studies*. 2007. Vol. 44. Iss 1. P. 96–118. DOI:10.1111/j.1467-6486.2007.00666.x
7. Al Dababseh M. F., Ay M. K., Abu Altaieb M. H., Hammouri W. Y., Abu Areeda F. S. The relationship between psychological compatibility and academic achievement in swimming // *Journal of Human Sport and Exercise*. 2017. Vol. 12. Iss. 2. P. 396–404. DOI: 10.14198/jhse.2017.122.16
8. Nestsiarovich K., Pons D. Team role adoption and distribution in engineering project meetings // *Behavioral Sciences*, 2020. Vol. 10. Iss. 2. DOI: 10.3390/BS10020057
9. Sadler P., Woody E. Interpersonal complementarity // *Encyclopedia of Personality and Individual Differences* / eds. V. Zeigler-Hill, T. K. Shackelford. Cham: Springer, 2017. DOI: 10.1007/978-3-319-28099-8\_2278-1
10. Tuckman B. W., Jensen M. A. C. Stages of small-group development revisited // *Group & organizational studies*. 1977. Vol. 2. Iss. 4. P. 419–427. DOI: 10.1177/105960117700200404
11. Page D., Donelan J. G. Team-building tools for students // *The Journal of Education for Business*. 2003. Vol. 78. Iss. 3. P. 125–128. DOI:10.1080/08832320309599708
12. Орехова Д. А., Бойцова Е. М., Скиданов В. А. Формирование команды и групповая динамика // XXXVI неделя науки СПбГПУ: мат-лы Всерос. межвуз. науч.-техн. конф. студентов и аспирантов (26 ноября – 1 декабря 2007 г.) СПб., 2009. Ч. XIII. Режим доступа: <https://elib.spbstu.ru/dl/008022.pdf/download/008022.pdf> (дата обращения: 02.04.2021).
13. Kelly A., Azaola M. C. The benefits of student involvement in leadership: an annotated bibliography of underpinning research // *Student involvement in leadership*. 2015. Режим доступа: [https://www.researchgate.net/publication/299428458\\_Student\\_involvement\\_in\\_leadership](https://www.researchgate.net/publication/299428458_Student_involvement_in_leadership) (дата обращения: 26.06.2020).
14. Буровцева Е. С., Митина И. Д. Особенности изучения проблемы лидерства в студенческой группе в социологическом и психологическом аспекте // *Симбирский научный вестник*. 2018. № 3. С. 84–89.
15. Oliveira A., Boz U., Broadwell G. A., Sadler T. D. Student leadership in small group science inquiry // *Research in Science and Technological Education*. 2014. Vol. 32. Iss. 3. DOI: 10.1080/02635143.2014.942621
16. Корытов В. В. Лидерство и руководство: основные тенденции становления и развития проблематики // *Психологическая наука и образование PSYEDU.ru*. 2010. № 3. С. 1–13.
17. Битянова М. Р. Социальная психология. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.: Питер, 2008. 368 с.
18. Андреева Г. М. Социальная психология. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аспект пресс, 2010. 362 с.
19. Xie K., Hensley L. C., Law V., Sun Zh. Self-regulation as a function of perceived leadership and cohesion in small group online collaborative learning // *British Journal of Educational Technology*. 2019. Vol. 50. Iss. 1. P. 456–468. DOI: 10.1111/bjet.12594
20. Matous P., Wang P. External exposure, boundary-spanning, and opinion leadership in remote communities: A network experiment // *Social networks*. 2019. Vol. 56. P. 10–22. DOI: 10.1016/j.socnet.2018.08.002
21. Беспалов Д. В. Диагностика лидерства в учебных группах // *Школьные технологии*. 2015. № 3. С. 160–165.
22. Андриянченко Е. Г. Анализ методов изучения неформального лидерства в отечественной социальной психологии // *Вестник университета*. 2012. № 10. С. 260–264.
23. Карпухина Е. А. Введение в теорию и практику лидерства. М.: Экон-Информ, 2006. 184 с.
24. Raes E., Decuiper S., Lismont B., Van den Bossche P., Kyndt E., Demeyere S., Dochy F. Facilitating team learning through transformational leadership // *Instructional Science*. 2013. Vol. 41. No. 2. P. 287–305. DOI: 10.1007/s11251-012-9228-3
25. Ефремов Е. Г. Психология рабочей группы. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2007. 66 с.
26. Бугакова Е. С. Психолого-педагогическое сопровождение преодоления коммуникативных барьеров у курсантов вузов морского профиля // *Известия Южного федерального университета. Педагогические науки*. 2015. № 5. С. 137–148.

original article

## Leadership in Professional Vocabulary Acquisition at ESL classes in Small Groups of Students Majoring in Management

Alexandra I. Dashkina

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia, St. Petersburg; wildroverprodigy@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0081-0604>

Received 17 May 2021. Accepted 14 Jun 2021.

**Abstract:** The present research featured how learning a foreign language in small groups under the guidance of a student with leadership qualities improves professional vocabulary. Such ESL classes proved useful for students majoring in management. Their work was organized in such a way that students' roles were close to their personal characteristics, i.e. action-, people-, and thinking-oriented. A diagnostic test revealed the students' level of proficiency in English. A psychological training made it possible to identify potential leaders. The students in the experimental group were divided into small subgroups and had to master professional vocabulary under the guidance of the leader. In the control group, the subgroups consisted of either leaders or subordinates. Vocabulary acquisition in the experimental subgroups appeared to be 25 % higher than in the control subgroups. Therefore, teamwork under the guidance of a leader proved quite effective.

**Keywords:** collaborative learning, psychological training, a small group, personality traits, leadership skills, professional vocabulary

**Citation:** Dashkina A. I. Leadership in Professional Vocabulary Acquisition at ESL classes in Small Groups of Students Majoring in Management. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2021, 5(2): 114–124. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-2-114-124>

**Conflict of interests:** The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

### References

1. Laal M., Laal M. Collaborative learning: what is it? *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2012, 31: 491–495. DOI: 10.1016/j.sbspro.2011.12.092
2. So H.-J., Brush T. A. Student perceptions of collaborative learning, social presence and satisfaction in a blended learning environment: Relationships and critical factors. *Computers & Education*, 2008, 51(1): 318–336. DOI: 10.1016/j.compedu.2007.05.009
3. Scherbakov S. V. The complementarity of interpersonal relations and the social intelligence of students. *Liberal Arts in Russia*, 2013, 2(5): 459–481. (In Russ.)
4. Cogburn D. L., Levinson N., Ramnarine-Rieks A. U., Vasques F. E. A Decade of Globally Distributed Collaborative Learning: lessons learned from cross-national virtual teams. *Proceedings of the 2010 43rd Hawaii International Conference on System Sciences*, Koloa, 5–8 Jan 2010. Koloa, 2010. DOI:10.1109/HICSS.2010.11
5. Al-Rahimi W. M., Othman M. S., Musa M. A. Using TAM model to measure the use of social media for collaborative learning. *International Journal of Engineering Trends and Technology*, 2013, 5(2): 90–95.
6. Aritzeta A., Swales S., Senior B. Belbin's team role model: development, validity and applications for team building. *Journal of Management Studies*, 2007, 44(1): 96–118. DOI:10.1111/j.1467-6486.2007.00666.x
7. Al Dababseh M. F., Ay M. K., Abu Altaieb M. H., Hammouri W. Y., Abu Areeda F. S. The relationship between psychological compatibility and academic achievement in swimming. *Journal of Human Sport and Exercise*, 2017, 12(2): 396–404. DOI: 10.14198/jhse.2017.122.16
8. Nestsiarovich K., Pons D. Team role adoption and distribution in engineering project meetings. *Behavioral Sciences*. 2020, 10(2). DOI: 10.3390/BS10020057
9. Sadler P., Woody E. Interpersonal complementarity. *Encyclopedia of personality and individual differences*, eds. Zeigler-Hill V., Shackelford T. K. Cham: Springer, 2017. DOI: 10.1007/978-3-319-28099-8\_2278-1
10. Tuckman B. W., Jensen M. A. C. Stages of small-group development revisited. *Group & organizational studies*, 1977, 2(4): 419–427. DOI: 10.1177/105960117700200404
11. Page D., Donelan J. G. Team-building tools for students. *The Journal of Education for Business*, 2003, 78(3): 125–128. DOI:10.1080/08832320309599708



12. Orekhova D. A., Boitsova E. M., Skidanov V. A. Team formation and group dynamics. *XXXVI Week of Science at St. Petersburg State Pedagogical University: Proc. All-Russian Interuniversity Sci.-Techn. Conf. Students and Postgraduates, 26 Nov – 1 Dec 2007*. St. Petersburg, 2009, pt. XIII. Available at: <https://elibr.spbstu.ru/dl/008022.pdf/download/008022.pdf> (accessed 2 Apr 2021). (In Russ.)
13. Kelly A., Azaola M. C. The benefits of student involvement in leadership: an annotated bibliography of underpinning research. *Student involvement in leadership*, 2015. Available at: [https://www.researchgate.net/publication/299428458\\_Student\\_involvement\\_in\\_leadership](https://www.researchgate.net/publication/299428458_Student_involvement_in_leadership) (accessed 26 Jun 2020).
14. Burovtseva E. S., Mitina I. D. Features of leadership in the student group: sociological and psychological aspects. *Simbirskiy nauchnyj vestnik*, 2018, (3): 84–89. (In Russ.)
15. Oliveira A., Boz U., Broadwell G. A., Sadler T. D. Student leadership in small group science inquiry. *Research in Science and Technological Education*, 2014, 32(3). DOI: 10.1080/02635143.2014.942621
16. Korytov V. V. Leadership and management: problem statement and development. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru*, 2010, (3): 1–13. (In Russ.)
17. Bityanova M. R. *Social psychology*, 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2008, 368. (In Russ.)
18. Andreeva G. M. *Social psychology*, 2nd ed. Moscow: Aspekt press, 2010, 362. (In Russ.)
19. Xie K., Hensley L. C., Law V., Sun Zh. Self-regulation as a function of perceived leadership and cohesion in small group online collaborative learning. *British Journal of Educational Technology*, 2019, 50(1): 456–468. DOI: 10.1111/bjet.12594
20. Matous P., Wang P. External exposure, boundary-spanning, and opinion leadership in remote communities: A network experiment. *Social networks*, 2019, 56: 10–22. DOI: 10.1016/j.socnet.2018.08.002
21. Bepalov D. V. The problems of psychological study of leadership in small groups. *Shkolnye tekhnologii*, 2015, (3): 160–165. (In Russ.)
22. Andriyanchenko E. G. Analysis of methods for studying informal leadership in domestic social psychology. *Vestnik universiteta*, 2012, (10): 260–264. (In Russ.)
23. Karpukhina E. A. *Introduction to the theory and practice of leadership*. Moscow: Ekon-Inform, 2006, 184. (In Russ.)
24. Raes E., Decuyper S., Lismont B., Van den Bossche P., Kyndt E., Demeyere S., Dochy F. Facilitating team learning through transformational leadership. *Instructional Science*, 2013, 41(2): 287–305. DOI: 10.1007/s11251-012-9228-3
25. Efremov E. G. *Psychology of the working group*. Omsk: Izd-vo OmGTU, 2007, 66. (In Russ.)
26. Bugakova E. S. Psychological and pedagogical support of marine institutions students in overcoming communicative barriers. *News-Bulletn of Southern Federal University. Pedagogical Sciences*, 2015, (5): 137–148.



оригинальная статья

УДК 373.51

## Развитие интеллектуальных способностей младших подростков с различными уровнями стрессоустойчивости

Елена Сергеевна Каган

Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

Галина Геннадьевна Тупикина

Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

Елена Александровна Цигичко

Кемеровский государственный университет; Средняя общеобразовательная школа № 80, Россия, г. Кемерово; [lenacigichko@bk.ru](mailto:lenacigichko@bk.ru)

Поступила в редакцию 01.04.2021. Принята в печать 23.04.2021.

**Аннотация:** Цель исследования – выявление и теоретическое обоснование возможностей развития интеллектуальных способностей младших подростков с учетом их уровня стрессоустойчивости. Предмет – особенности интеллектуальных способностей младших подростков с различными уровнями стрессоустойчивости. Проанализированы теоретические подходы к изучению проблемы развития интеллектуальных способностей в психолого-педагогической литературе, определены особенности развития интеллектуальных способностей в младшем подростковом возрасте. Предложен диагностический инструментарий, включающий набор методик, позволяющих оценить уровень умственного развития испытуемых и их индивидуально-психологические характеристики. Выявлена взаимосвязь интеллектуальных способностей и уровня стрессоустойчивости младших подростков, рассмотрены возможности учета специфики стрессоустойчивости личности при организации процесса развития интеллектуальных способностей. Описаны психологические особенности обучающихся с низким уровнем стрессоустойчивости, проявляющиеся в высоком уровне возбудимости, беспечности, совестливости, низком уровне способности к аналитическому мышлению, а также низком уровне вербальных способностей. Представлены характеристики респондентов с высоким уровнем стрессоустойчивости, выражающиеся в низком уровне возбудимости и совестливости, высоком уровне беспечности, способности устанавливать аналогии, а также высоком уровне вербальных способностей. Для педагогов и родителей предложены рекомендации по развитию интеллектуальных способностей обучающихся с учетом специфики уровня стрессоустойчивости.

**Ключевые слова:** индивидуальные особенности обучающихся, стресс, эмоциональная устойчивость, возможности, диагностический инструментарий, индивидуально-психологические характеристики

**Цитирование:** Каган Е. С., Тупикина Г. Г., Цигичко Е. А. Развитие интеллектуальных способностей младших подростков с различными уровнями стрессоустойчивости // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. Т. 5. № 2. С. 125–132. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-2-125-132>

### Введение

Термин *интеллектуальные способности* имеет большое число толкований, однако, как правило, их описывают как мыслительные операции различного уровня и сложности, позволяющие ориентироваться в разнообразных ситуациях, в том числе проблемных, использовать различные стратегии поведения, владеть когнитивными навыками.

Большинство ученых, упоминая интеллектуальные способности, делают акцент на адаптационных возможностях человека. Ж. Пиаже пишет об интеллекте как об «универсальной адаптивности», направленной на равновесие между человеком и средой [1, с. 72]. М. К. Акимова и В. Т. Козлова обращают внимание на активность, которая, по их мнению, является основой интеллекта, а к основным факторам интеллектуальной продуктивности добавляют саморегуляцию и работоспособность [2, с. 74].

По мнению Ю. А. Додоновой и Т. Н. Тихомировой, интеллект следует изучать с учетом динамики когнитивных способностей, имеющих взаимосвязи с факторами образовательной среды [3, с. 5]. Мы опираемся на систематизацию

М. А. Холодной, которая выделила восемь основных подходов к трактовке природы интеллекта: социокультурный, генетический, процессуально-деятельностный, образовательный, информационный, феноменологический, регуляционный, структурно-уровневый [4, с. 46]. Понятие *интеллект* мы рассматриваем в рамках образовательного подхода, определяя его как процесс и результат умственной деятельности, который формируется в ходе индивидуального развития личности.

Значимый вклад в изучение способностей внесли отечественные ученые К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский, С. Л. Рубинштейн и др. К. А. Абульханова-Славская аргументированно предлагает рассматривать феномен способностей как результат развития способов деятельности, формируемых на основе задатков [5, с. 102]. В. В. Знаков подчеркивает вклад А. В. Брушлинского в части определения бессознательных и интуитивных компонентов понимания и постижения сущности изучаемых явлений [6, с. 10]. С. Л. Рубинштейн обосновывает идею о том, что

способность развивается на основе совокупности психофизических функций и психических процессов [7, с. 537].

Представители психофизиологического подхода (Э. А. Голубева [8], В. М. Русалов [9]) под способностями понимают свойства нервной системы человека. По мнению Л. А. Баландиной, отдельные свойства темперамента могут являться биологическими предпосылками эмоционального интеллекта [10, с. 7].

Н. Э. Волкова, опираясь на концепцию В. Н. Дружинина, в основе которой лежит суждение о психике как единой системе, перерабатывающей информацию [11], описывает важные для нашего исследования категории следующим образом: интеллект определяется как способность к применению знаний, креативность – как способность к преобразованию знаний, обучаемость – как способность к приобретению знаний [12].

На основании вышеизложенного считаем возможным понимать интеллектуальные способности как способности, необходимые для выполнения различных видов деятельности (урочной и внеурочной, общения, взаимодействия с окружающими людьми)<sup>1</sup>.

М. В. Браташова, рассматривая интеллектуальные способности младших подростков, подчеркивает их обусловленность мотивацией учебной деятельности [13, с. 94]. Если говорить об интеллектуальных способностях младших подростков (10–14 лет), считается, что этот период является завершающим их развитие. Однако в этом возрасте все же возможна их корректировка посредством занятий, направленных на развитие памяти, восприятия, внимания, мышления.

В подростковом возрасте дети сталкиваются с возрастными проблемами (новое качество отношений между сверстниками, взрослыми, подростковый пубертат, эмоциональные взрывы), с большой учебной и внеучебной нагрузкой, что может привести к нервному истощению и стрессу.

Слово *стресс* в переводе с английского означает «напряжение». Данный термин ввел в научный оборот Г. Селье в 1936 г., понимая под ним приспособительную реакцию организма в ответ на влияние экстремальных факторов [15, с. 6]. По мнению А. Л. Церковского, стрессоустойчивость зависит от стилевых характеристик человека, к числу которых автор относит индивидуальный стиль, а также стили совладающего поведения [16, с. 17]. А. В. Михеева предлагает рассматривать стрессоустойчивость как интегративное свойство личности, обеспечивающее способность управлять своими эмоциональными состояниями, преодолевать излишнее эмоциональное возбуждение [17, с. 86].

М. А. Краснова обращает внимание на то, что именно в подростковом возрасте стрессовые состояния играют важную роль, выступая фактором становления личности [18, с. 103]. Нам импонирует точка зрения С. А. Анохиной, которая определяет стрессоустойчивость подростка

как интегративное свойство личности, характеризующее способность личности противостоять стрессорам в определенный промежуток времени, необходимый для организации новых условий, в которых данный стрессовый фактор не определяется как угрожающий [19, с. 218].

Считаем возможным констатировать наличие у подростков следующих личностных и поведенческих характеристик: проявлений тревожности, противоречивости чувств, нравственной неустойчивости, нестабильности самооценки. В связи с этим можно отметить, что лица младшего подросткового возраста наиболее подвержены стрессу.

В подростковом возрасте особую актуальность приобретает проблема определения взаимосвязи стрессоустойчивости с другими личностными характеристиками [14, с. 1036]. В рамках обозначенного направления интересно исследование А. М. Фёдоровой и Д. В. Фирсовой, выявивших взаимосвязь таких личностных параметров, как стрессоустойчивость, тревожность и агрессивность у подростков, занимающихся музыкально-исполнительской деятельностью, и подростков, обучающихся боевым искусствам [20, с. 68]. Авторы обоснованно доказывают востребованность грамотно организованного психолого-педагогического сопровождения развития личности подростка, занимающегося различными видами деятельности.

Л. Г. Жданова, Н. М. Манахова и М. А. Сухова обнаружили устойчивые положительные взаимосвязи между стрессоустойчивостью и беглостью мышления, гибкостью мышления, общим уровнем креативности обучающихся старших классов [21, с. 71].

Данные о положительных взаимосвязях между стрессоустойчивостью и толерантностью старших подростков получены в исследовании Т. В. Семеновских. Автор отмечает, что если личность стрессоустойчива, то для нее характерен высокий уровень проявлений толерантности, и, наоборот, если личность не стрессоустойчива, то она характеризуется низким уровнем проявлений толерантности. Важно учитывать, что толерантный младший подросток не является безусловно стрессоустойчивым [22].

Несмотря на то, что проблема стрессоустойчивости достаточно широко освещена, все также остается актуальным вопрос развития интеллектуальных способностей младших подростков с различным уровнем стрессоустойчивости в современных социальных, образовательных и психолого-педагогических условиях.

#### Методы и материалы

Проведенный теоретический анализ позволил сформулировать проблемный вопрос исследования: существует ли взаимосвязь между уровнем интеллектуальных способностей младших подростков и уровнем их стрессоустойчивости? Исследование проходило на базе Средней общеобразовательной школы № 80 г. Кемерово. Выборку

<sup>1</sup> Способности // Горбачевич К. С. Краткий словарь синонимов русского языка. М.: Эксмо, 2005. С. 23.

составили 34 обучающихся младшего подросткового возраста: 21 мальчик и 13 девочек (5 класс).

На констатирующем этапе был выбран диагностический инструментарий, включавший набор методик, позволивших оценить уровень умственного развития испытуемых и их индивидуально-психологические особенности (групповой интеллектуальный тест Дж. Вана (ГИТ) и личностный тест Р. Б. Кеттелла). Выполнен количественный и качественный анализ полученных данных.

ГИТ позволяет диагностировать уровень умственного развития младших подростков и содержит 7 субтестов: исполнение инструкций, арифметические задачи, дополнение предложений, определение сходства и различия понятий, числовые ряды, установление аналогий, символы [23]. В тестовых тетрадах субтесты названы тестами. Тест разработан в двух формах, которые проверены на взаимозаменяемость. На выполнение каждого субтеста отводится ограниченное время (от 1,5 до 6 минут).

Личностный тест Р. Б. Кеттелла создан для оценки индивидуально-психологических особенностей личности [24]. Детский вариант теста включает в себя суждения, которые касаются разных сторон жизни ребенка и его взаимодействий с другими людьми. В суждениях имеются прямые и косвенные вопросы, относящиеся к личности испытуемого, включая его социальные установки, самооценку и ряд других качеств. К каждому вопросу теста предлагаются на выбор два ответа в формате возможных альтернативных суждений, с одним из которых опрашиваемый должен согласиться, отклонив другое. Тест включает в себя 12 шкал, которые соответствуют основным чертам личности ребенка: замкнутость / общительность (А), вербальный интеллект (В), неуверенность / уверенность в себе (С), сдержанность / возбудимость (D), склонность к подчиненности / самоутверждению (Е), склонность к осторожности / риску (F), несобранность / обязательность (G), социальная робость / смелость (H), практицизм / чувствительность (I), спокойствие / тревожность (Q), низкий / высокий самоконтроль (Q3), расслабленность / напряженность (Q4).

## Результаты

Показатели интеллектуального развития у обучающихся 5 классов, полученные по методике ГИТ и расположенные в интервале от 80 до 100 баллов, оцениваются как близкие к норме. Если уровень выполнения оценивается в 60–79 баллов, он интерпретируется как индикатор среднего интеллектуального развития. Показатели от 41 до 59 баллов свидетельствуют о низком интеллектуальном развитии, об очень низком уровне говорят показатели ниже 40 баллов.

По тесту ГИТ выявлены следующие тенденции:

1. Уровень интеллектуального развития детей в целом соответствует уровню возрастной нормы. У 14 пятиклассников (41 %) уровень выполнения заданий соответствует высокому, у 17 (50 %) – нормальному, у 3 (9 %) – низкому.

2. Выраженными особенностями интеллектуального развития испытуемых являются способность к сосредоточению внимания, сохранению увиденного в памяти.

3. Выявлены высокие показатели при выполнении тестов по русскому языку (50 % пятиклассников) и математике (20 %), что говорит о высоком уровне способностей к выявлению аналогий, пониманию инструкций, а также о достаточном уровне сформированности умения выносить суждения и об активном словаре учащихся.

4. Выявлен достаточный уровень активности и работоспособности обучающихся.

Если говорить о результатах личностного теста Р. Б. Кеттелла, нами были проанализированы анкеты каждого участника и выявлены результаты по 12 шкалам. Приведем пример интерпретации полученных результатов: обучающийся Виктор часто находится в состоянии возбуждения, чувствует усталость и разбитость, не может совладать с эмоциями, негативное отношение к происходящему проявляется часто. Виктор избирателен в общении, ограничивается маленьким кругом друзей. Испытывает стресс, если общается с большой группой людей. В привычной атмосфере чаще всего чувствует себя комфортно и т. д.

Процедура статистического анализа выполнялась с помощью статистического пакета STATISTICA 10. Методами математико-статистической обработки данных стали корреляционный анализ и статистический метод t-критерия Стьюдента для зависимых выборок, направленный на оценку различий величин средних значений двух выборок, которые распределены по нормальному закону (табл. 1). Показатель стрессоустойчивости рассмотрен нами отдельно.

Представленные данные позволяют констатировать, что, чем выше у респондентов уровень смелости, тем выше способность к выполнению инструкций, скорость понимания предложенных заданий, т. е. младшие подростки, обладающие непринужденностью, решительностью и социальной смелостью, способны браться за выполнение любых задач и реализовывать их. Наличие положительных корреляций свидетельствует о том, что, чем выше у респондентов уровень интеллекта, тем выше способность находить логические закономерности построения математической информации, восполнять числовые ряды. Числовые ряды (определение закономерностей) – это теоретическое индуктивное мышление, вычислительные способности, стремление к упорядоченности, соразмерности отношений, определенному темпу и ритму. Чем выше уровень интеллекта у младших подростков, тем выше способность установления аналогий. Данное обстоятельство свидетельствует о высоком уровне развития мыслительных операций, широте словарного запаса, знании значений слов русского языка. Склонность к чувству вины прямо пропорциональна способности развития внимания, скорости выполнения простой умственной работы, а чем выше уровень интеллекта, тем выше уровень невербальных способностей, т. е. уровень взаимодействия респондентов без использования речевых и языковых средств (с помощью

миимики, жестов, интонации, образов и т. д.). В целом, чем выше уровень интеллекта, тем выше общий уровень интеллектуального развития обучающихся.

На следующем этапе анализа мы сопоставили показатели интеллектуального развития пятиклассников с различными уровнями стрессоустойчивости. Уровень стрессоустойчивости мы определили по фактору уверенности / неуверенности в себе (табл. 2).

Значимые различия выявлены по нескольким личностным характеристикам и исследуемым способностям. Группа респондентов с низким уровнем стрессоустойчивости характеризуется высоким уровнем возбудимости, беспечности, совестливости, низким уровнем способности к аналитическому мышлению, низкими вербальными способностями. Такие показатели свидетельствуют о том, что учащиеся в большинстве ситуаций не могут справиться с тревогой и недостаточно владеют навыками саморегуляции, сложно контролируют эмоции в стрессовой ситуации, не обладают достаточной верой в свои силы, испытывают трудности, вступая во взаимодействие со сверстниками.

Группа респондентов с высоким уровнем стрессоустойчивости характеризуется низким уровнем возбудимости и совестливости, высоким уровнем беспечности, способности установления аналогий, высокими вербальными способностями. То есть у общительных и склонных к сотрудничеству подростков уровень стрессоустойчивости выше, чем у замкнутых. У уступчивых, подчиняемых, зависимых

от других он, конечно, будет ниже. У импульсивных, живых, легкомысленных уровень стрессовой устойчивости будет выше, чем у осторожных, т. к. они легче переключаются на другие виды деятельности, склонны к перемене мест и т. д. Склонные к чувству вины и депрессивные подростки больше будут подвержены стрессам, чем невозмутимые, у которых практически отсутствует чувство угрозы.

Если подростки не научатся справляться со всеми трудностями, если им не помочь сформировать высокий уровень стрессоустойчивости, это может привести к появлению различных аддикций, депрессивных состояний, болезней. Поэтому данные показатели необходимо учесть при разработке и реализации программы развития для младших подростков. По мнению А. А. Ковалевской, необходимо диагностировать данное психологическое явление в реальности школьной жизни, вычленять детерминантные факторы возникновения психологического стресса у подростков [25, с. 300].

Т. Д. Молодцова, изучая возможности организации комплексной работы по профилактике стресса подростков, указывает на важность систематизации знаний о факторах и детерминантах развития стрессов различного характера. Для купирования стрессовых реакций исследователь предлагает применять «Дневник стрессов» и «Календарь радостей» [26, с. 119]. С. А. Анохина предлагает использовать технологии сопровождения, направленные на повышение самооценки подростка и обеспечение равновесия внутренних и внешних паритетов [27, с. 131].

Табл. 1. Взаимосвязи показателей интеллектуального развития и личностных параметров пятиклассников

Tab. 1. Mental development and personal parameters of fifth graders

Показатель	A	B	D	E	F	G	H	I	Q	Q3	Q4
Инструкции	0,20	0,31	-0,15	0,27	0,14	0,16	<b>0,39</b>	0,10	-0,24	0,11	0,00
Числовые ряды	0,11	<b>0,55</b>	-0,17	-0,05	-0,09	-0,11	0,00	-0,20	0,06	0,13	-0,12
Аналогии	-0,19	<b>0,40</b>	0,02	0,12	-0,11	-0,11	-0,04	0,02	0,13	0,04	0,02
Символы	0,09	0,12	-0,33	-0,09	-0,33	0,16	0,19	-0,03	<b>-0,40</b>	0,28	-0,27
Невербальные способности	0,20	<b>0,54</b>	-0,19	-0,05	-0,03	-0,06	0,01	-0,24	-0,03	0,08	-0,14
Общий уровень	0,08	<b>0,40</b>	-0,19	0,14	-0,03	0,06	0,12	0,01	-0,07	0,14	-0,04

Прим.: полужирным курсивом показаны значимые корреляции при  $p < 0,5$ .

Табл. 2. Средние значения изучаемых показателей в группах испытуемых с различными уровнями стрессоустойчивости

Tab. 2. Mean values of intellectual development and individual characteristics in fifth graders with different levels of stress resistance

Показатель	Низкий уровень	Высокий уровень	t	p
Возбудимость	4,82	2,00	2,75	0,00
Беспечность	4,78	2,90	2,18	0,03
Добросовестность	3,60	6,18	-2,37	0,02
Способность к аналитическому мышлению	11,17	16,72	-2,22	0,03
Вербальные способности	36,17	45,36	-1,77	0,08
Общий уровень интеллектуальных способностей	64,78	76,72	-1,89	0,06



Е. В. Лизунова подчеркивает необходимость формирования стрессоустойчивости подростков и убедительно доказывает необходимость введения факультативного курса «Стрессоустойчивость и здоровье», обеспечивающего создание дидактических условий, стимулирующих развитие стрессоустойчивости в нестандартных ситуациях [28, с. 47]. М. А. Блохина определяет социально-психологический тренинг как средство формирования стрессоустойчивости у обучающихся подросткового возраста [29, с. 413].

На основании проведенного анализа считаем необходимым рекомендовать:

1. Ежегодно проводить диагностическое тестирование на определение уровня стрессоустойчивости (данная информация необходима для формирования субъектами образовательного процесса программы развития подростков).

2. В зависимости от выявленного уровня стрессоустойчивости внедрять различные комплексы мероприятий как общих для всех групп (например, беседы, направленные на формирование базовых теоретических знаний о стрессе, навыках позитивного мышления), так и специфических, для подростков со средним и низким уровнем (обучение навыкам самоконтроля, саморегуляции поведения, развития коммуникативных навыков и навыков группового взаимодействия).

Подростки будут иметь представление о стрессе, причинах его возникновения и способах совладания с ним, получат навыки взаимодействия в группе и навыки стрессоустойчивости в различных ситуациях.

Для подростков с низким уровнем стрессоустойчивости педагогам и родителям желательно создать учебную и внеучебную среду, которая должна быть гладкой, не создающей слишком большого эмоционального напряжения. Рекомендуется воспроизведение ситуаций, в которых подросток сможет ощутить свою значимость для других людей, почувствовать состоятельность, достигнуть успеха в деятельности. Включение в активную деятельность должно быть планомерным. Можно начать с небольших индивидуальных поручений, далее привлечь к разработке индивидуального проекта или к выполнению индивидуального задания. Стимулирование и поощрение инициативы, опора на волевые качества повышают уровень стрессоустойчивости подростка. Можно рекомендовать занятия спортом, но без участия в соревнованиях. Для таких подростков подойдут индивидуальная работа с учителем, индивидуальные беседы, встречи, психологические консультации и т. д.

Подростков с высоким уровнем стрессоустойчивости следует активно привлекать к участию в школьных образовательных, культурных и спортивных мероприятиях, социально-полезной деятельности, поручать им исполнение заданий, требующих использования коллективного труда. Для них подойдут такие формы работы, как дискуссии, конкурсы, сюжетно-ролевые игры, деловые игры, работа в группах, круглые столы, конференции и т. д.

В качестве общей рекомендации считаем необходимым привести точку зрения Ю. В. Овчинниковой и ее коллег, предлагающих обеспечивать условия для завершения подростком любого начатого дела, оформления любой идеи посредством актуализации рефлексивных механизмов деятельности [30, с. 185].

### Заключение

Интеллектуальное развитие детей младшего подросткового возраста имеет специфические особенности, определяемые степенью выраженности интеллектуальных способностей, демонстрирующих успешность умственной деятельности. К особенностям умственного развития младших подростков относят разноразностность развития познавательных процессов, недостаточную сформированность самостоятельности мышления, низкий уровень осознанного владения приемами и способами умственной работы, гетерохронность развития высших психических функций, отсутствие адекватной мотивации учения.

Результаты исследования иллюстрируют наличие разноразностных характеристик интеллектуальных способностей. Определено наличие высокого уровня способностей к выявлению аналогий, пониманию инструкций, а также достаточного уровня сформированности умения выносить суждения. При этом получены данные об отсутствии системы знаний в определенных областях, о недостаточной основательности умственных операций по установлению логико-функциональных отношений между понятиями, об определенной ригидности и стереотипности подходов к решению некоторых заданий.

Выявленная взаимосвязь интеллектуальных способностей и уровня стрессоустойчивости младших подростков может быть учтена при организации процесса развития первых. Описаны психологические особенности респондентов с низким уровнем стрессоустойчивости, проявляющиеся в наличии высокого уровня возбудимости, беспечности, совестливости, низкого уровня способности к аналитическому мышлению и низкого уровня вербальных способностей. Представлены характеристики респондентов с высоким уровнем стрессоустойчивости, выраженные в наличии низкого уровня возбудимости и совестливости, высокого уровня беспечности, способности устанавливать аналогии, высокого уровня вербальных способностей. Рекомендации для педагогов и родителей по развитию интеллектуальных способностей обучающихся с учетом специфики их личностных особенностей способствуют оптимизации образовательного процесса.

**Конфликт интересов:** Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

**Критерии авторства:** Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.



## Литература

1. Сухов А. Н. Социальная психология / под ред. А. Н. Сухова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 615 с.
2. Акимова М. К., Козлова В. Т. Учет психологических особенностей учащихся в процессе обучения // Вопросы психологии. 1988. № 6. С. 71–77.
3. Додонова Ю. А., Тихомирова Т. Н. Общий интеллект, социальный интеллект и креативность: структура и динамика в контексте образовательной среды // Теоретическая и экспериментальная психология. 2010. Т. 3. № 2. С. 5–15.
4. Холодная М. А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. М.: Юрайт, 2019. 334 с.
5. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980. 335 с.
6. Знаков В. В. Психология субъекта А. В. Брушлинского и психология человеческого бытия // Вестник Кемеровского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2008. Т. 14. № 4. С. 4–10.
7. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2015. 705 с.
8. Годубева Э. А. Способности. Личность. Индивидуальность. Дубна: Феникс+, 2005. 512 с.
9. Русалов В. М. Биологические основы индивидуально-психологических различий. М.: Наука, 1979. 352 с.
10. Баландина Л. А. Эмоциональный интеллект и его взаимосвязь с темпераментальными свойствами // Вестник Перм. гос. гуманит.-пед. ун-та. Сер. № 1. Психологические и педагогические науки. 2017. № 1. С. 5–14.
11. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. СПб.: Питер, 2007. 368 с.
12. Волкова Н. Э. Соотношение общих (креативность, интеллект) и понятийных способностей у девушек в период ранней взрослости // Акмеология. 2018. № 3. С. 52–57.
13. Браташова М. В. Мотивация учения как фактор развития интеллектуальных способностей младших подростков // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20. № 1. С. 94–99. DOI: 10.18500/1819-7671-2020-20-1-94-99
14. Левицкая Л. В., Чернова А. А. Психологические особенности подросткового возраста и их влияние на переживания стресса // Молодой ученый. 2016. № 9. С. 1036–1039.
15. Селье Г. Стресс без дистресса / общ. ред. Е. М. Крепса. М.: Прогресс, 1982. 124 с.
16. Церковский А. Л. Современные взгляды на проблему стрессоустойчивости // Вестн. ВГМУ. 2011. Т. 10. № 1. С. 6–19.
17. Михеева А. В. Стрессоустойчивость: к проблеме определения // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2010. № 2. С. 82–87.
18. Краснова М. А. Стрессоустойчивость учащихся подросткового возраста // Academy. 2016. № 6. С. 103–105.
19. Анохина С. А. Особенности и тенденции развития стрессоустойчивости в подростковом возрасте // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. 2008. № 1. С. 215–221.
20. Фёдорова А. М., Фирсова Д. В. Сравнительная характеристика стрессоустойчивости подростков, занимающихся музыкально-исполнительской деятельностью и боевыми единоборствами // Вестник кафедры ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование». 2015. № 1. С. 66–75.
21. Жданова Л. Г., Манахова Н. М., Сухова М. А. Стрессоустойчивость старшеклассников с разным уровнем креативности // Балканское научное обозрение. 2019. Т. 3. № 3. С. 70–72. DOI: 10.34671/SCH.BSR.2019.0303.0017
22. Семеновских Т. В. Взаимосвязь толерантности и стрессоустойчивости в старшем подростковом возрасте // Интернет-журнал Науковедение. 2015. Т. 7. № 5. DOI: 10.15862/139PVN515
23. Акимова М. К., Борисова Е. М., Козлова В. Т., Логинова Г. П. Руководство к применению группового интеллектуального теста (ГИТ) для младших подростков. Обнинск: Принтер, 1993. 11 с.
24. Александровская Э. М. Адаптированный модифицированный вариант детского личностного вопросника Р. Кеттелла. М.: Фолиум, 1995. 34 с.
25. Ковалевская А. А. Стрессоустойчивость подростков // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 61-2. С. 298–300.
26. Молодцова Т. Д. Профилактика стрессов у подростков в условиях школьного социума // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2017. № 2. С. 115–120.
27. Анохина С. А. Динамика развития стрессоустойчивости подростков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 2. С. 130–136.
28. Лизунова Е. В. К вопросу о формировании стрессоустойчивости у подростков к опасным ситуациям // Карельский научный журнал. 2015. № 1. С. 45–48.
29. Блохина М. А. Формирование стрессоустойчивости у детей подросткового возраста посредством социально-педагогического тренинга // Студенческая наука и XXI век. 2012. № 9. С. 413–416.

30. Овчинникова Ю. В., Гычев А. В., Грицкевич Н. К. Психолого-педагогические средства развития творческих способностей подростков в условиях учреждения дополнительного образования детей // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2012. № 6. С. 183–189.

original article

## Intellectual Abilities of Younger Adolescents with Different Levels of Stress Resistance

Elena S. Kagan

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Galina G. Tupikina

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Elena A. Tsigichko

Kemerovo State University; Secondary School No. 80, Russia, Kemerovo;  
lenacigichko@bk.ru

Received 1 Apr 2021. Accepted 23 Apr 2021.

**Abstract:** The research featured the intellectual abilities of teenagers with different levels of stress resistance. The research objective was to describe the options for intellectual development of secondary school students depending on their stress resistance level. The authors reviewed various approaches to intellectual development of younger adolescents. They proposed a set of assessment techniques for the level of mental development. The research revealed the effect of stress resistance on the intellectual abilities of teenagers. Teenagers with a low level of stress resistance were excitable and careless, while demonstrating tender conscience and poor analytical and verbal skills. Respondents with a high level of stress showed a low level of excitability and conscientiousness, a high level of carelessness, a good ability to establish analogies, and admirable verbal abilities. The paper contains some useful recommendations for teachers and parents on the development of teenagers' intellectual skills based on their level of stress resistance.

**Keywords:** psychological profile of students, stress, emotional stability, opportunities, diagnostic tools, individual psychological characteristics

**Citation:** Kagan E. S., Tupikina G. G., Tsigichko E. A. Intellectual abilities of younger adolescents with different levels of stress resistance. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2021, 5(2): 125–132. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-2-125-132>

**Conflict of interests:** The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

**Contribution:** All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

### References

1. Sukhov A. N. *Social psychology*, ed. Sukhov A. N. Moscow: YuNITI-DANA, 2012, 615. (In Russ.)
2. Akimova M. K., Kozlova V. T. Accounting for the psychological characteristics of students in the learning process. *Voprosy psikhologii*, 1988, (6): 71–77. (In Russ.)
3. Dodonova Yu. A., Tikhomirova T. N. General intelligence, social intelligence and creativity: structure and dynamics in the context of the educational environment. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya*, 2010, 3(2): 5–15. (In Russ.)
4. Holodnaya M. A. *Psychology of intelligence. Paradoxes of research*. Moscow: Iurait, 2019, 334. (In Russ.)
5. Abulkhanova-Slavskaya K. A. *Activity and personality psychology*. Moscow: Nauka, 1980, 335. (In Russ.)
6. Znakov V. V. A. V. Brushlinsky's individual psychology and psychology of human existence. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsialnaya rabota. Iuvenologiya. Sotsiokinetika*, 2008, 14(4): 4–10. (In Russ.)
7. Rubinstein S. L. *Fundamentals of general psychology*. St. Petersburg: Piter, 2015, 705. (In Russ.)
8. Golubeva E. A. *Abilities. Personality. Individuality*. Dubna: Feniks+, 2005, 512. (In Russ.)
9. Rusalov V. M. *Biological foundations of individual psychological differences*. Moscow: Nauka, 1979, 352. (In Russ.)

10. Balandina L. L. Emotional intelligence and its correlation with temperament features. *Vestnik Perm. gos. humanit.-ped. un-ta. Ser. № 1. Psichologicheskie i pedagogicheskie nauki*, 2017, (1): 5–14. (In Russ.)
11. Druzhinin V. N. *Psychology of general abilities*. St. Petersburg: Piter, 2007, 368. (In Russ.)
12. Volkova N. E. The ratio of general (creativity, intelligence) and conceptual abilities in girls during early adulthood. *Akmeologia*, 2018, (3): 52–57. (In Russ.)
13. Bratashova M. V. Learning motivation as a factor in the development of intellectual abilities of younger adolescents. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser.: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, 20(1): 94–99. (In Russ.) DOI: 10.18500/1819-7671-2020-20-1-94-99
14. Levitskaya L. V., Chernova A. A. Psychological features of adolescence and their effect on stress coping. *Molodoi uchenyi*, 2016, (9): 1036–1039. (In Russ.)
15. Selye H. *Stress without distress*, ed. Krepes E. M. Moscow: Progress, 1982, 124. (In Russ.)
16. Tserkovsky A. L. Modern views on the problem of stress resistance. *Vestn. VGMU*, 2011, 10(1): 6–19. (In Russ.)
17. Mikheeva A. V. Stress stability: the problem of notion. *Vestnik RUDN. Voprosy obrazovaniya: jazyki i special'nost'*, 2010, (2): 82–87. (In Russ.)
18. Krasnova M. A. Stress resistance of adolescent students. *Academy*, 2016, (6): 103–105. (In Russ.)
19. Anokhina S. A. Tendencies in developing teenagers stress resistance. *Vestn. S.-Peterb. un-ta. Ser. 12*, 2008, (1): 215–221. (In Russ.)
20. Fedorova A. M., Firsova D. V. The comparative features of forming stress resistance at adolescents involved in musical performance and martial arts. *Vestnik kafedry UNESCO "Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie"*, 2015, (1): 66–75. (In Russ.)
21. Zhdanova L. G., Manakhova N. M., Sukhova M. A. Stress resistance of high school students with different level of creativity. *Balkan Scientific Review*, 2019, 3(3): 70–72. (In Russ.) DOI: 10.34671/SCH.BSR.2019.0303.0017
22. Semenovskikh T. V. Interrelation of tolerance and resistance to stress at the advanced teenage age. *Internet-zhurnal Naukovedenie*, 2015, 7(5). (In Russ.) DOI: 10.15862/139PVN515
23. Akimova M. K., Borisova E. M., Kozlova V. T., Loginova G. P. *A guide to the use of the group intelligence test (GIT) for younger adolescents*. Obninsk: Printer, 1993, 11. (In Russ.)
24. Aleksandrovskaya E. M. *Adapted modified version of R. Kettell's children's personality questionnaire*. Moscow: Folium, 1995, 34. (In Russ.)
25. Kovalevskaya A. A. Stress stability of adolescents. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2018, (61-2): 298–300. (In Russ.)
26. Molodtsova T. D. Prophylaxis of stresses for teenagers in the conditions of school society. *Vestnik Taganrogskegogo instituta imeni A. P. Chekhova*, 2017, (2): 115–120. (In Russ.)
27. Anokhina S. A. Dynamics of the development of stress resistance of adolescents. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2007, (2): 130–136. (In Russ.)
28. Lizunova E. V. To the question about the formation of stress tolerance in adolescents dangerous situations. *Karelskii nauchnyi zhurnal*, 2015, (1): 45–48. (In Russ.)
29. Blokhina M. A. Formation of stress resistance in adolescent children through socio-pedagogical training. *Studencheskaia nauka i XXI vek*, 2012, (9): 413–416. (In Russ.)
30. Ovchinnikova Ju. V., Gychev A. V., Grickevich N. K. Psychological and pedagogical means for development of creative abilities of adolescents at institutions of extended education for children. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2012, (6): 183–189. (In Russ.)

оригинальная статья

УДК 372:882

## Кросс-культурный компонент в произведениях дагестанских русскоязычных авторов как предмет преподавания

Саидат Хизбулаевна Яхияева

Дагестанский государственный университет, Россия, г. Махачкала; Республиканский многопрофильный лицей для одаренных детей, Россия, г. Махачкала; saidat58@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4341-7469>

Поступила в редакцию 06.04.2021. Принята в печать 26.04.2021.

**Аннотация:** Кросс-культурный анализ занял прочное место в лингвистике, при этом сам термин относительно нов: мы имеем дело с новым обозначением того, что понималось под этнолингвистикой и лингвострановедением. В литературоведении кросс-культурный анализ – новое наименование культурологической компаративистики, анализ с точки зрения диалога культур, позволяющий выделить национальные образы мира. Цель работы – исследование кросс-культурного компонента в произведениях национальных авторов Дагестана, пишущих на русском языке. Предпринята попытка комплексного анализа поэтических произведений дагестанских авторов в литературоведческом и лингвокультурологическом аспектах. Кросс-культурный анализ, опирающийся на положения о существовании универсальных культурных моделей, позволил исследовать дагестанскую русскоязычную литературу как совокупность национальных произведений на русском языке. На обсуждение выносятся проблема отражения национальной идентичности в творчестве. Литературный текст играет фундаментальную роль при обучении языку, поскольку считается образцом для подражания. Чтение художественной литературы позволяет отойти от стандартизированных учебных текстов и познакомить учащихся с «живым» языком. Изучение зарубежного художественного произведения охватывает лингвострановедческий аспект: дает информацию о социальном и культурном устройстве иноязычного общества. Положительным моментом использования художественных произведений в учебных целях является знакомство с культурой народа, так как в них отражается язык в его историческом, общественном и культурном контексте.

**Ключевые слова:** национальная литература, двуязычное творчество, кросс-культурный анализ, поэзия, проза, национальный писатель, образование в Дагестане, педагогический курс, образовательный процесс

**Цитирование:** Яхияева С. Х. Кросс-культурный компонент в произведениях дагестанских русскоязычных авторов как предмет преподавания // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. Т. 5. № 2. С. 133–140. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-2-133-140>

### Введение

В ходе освоения языка важно создать условия для максимальной гармонизации и созидательности образовательного процесса, способствуя сохранению культурного многообразия и взаимообогащения. Одним из таких условий является формирование у молодого поколения кросс-культурной компетенции, которая позволила бы представителям культур вести диалог на разных уровнях коммуникации: от международного и межнационального до межличностного общения. Изучение художественного произведения охватывает лингвострановедческий аспект: дает информацию о социальном и культурном устройстве иноязычного общества. Термин *двуязычные авторы* исследовался Г. Г. Гамзатовым [1] и Ш. А. Мазанаевым [2] на материале произведений дагестанских авторов, пишущих на родном и русском языках. Литературоведы признают эстетическую ценность творчества русскоязычных дагестанских писателей и их принадлежность к культуре своей республики.

Национальную принадлежность писателя принято определять по языку его литературного творчества. И наоборот, родной язык, понимаемый как язык этноса, определяет

отнесенность автора к той или иной литературе. Однако практика развития национальных литератур показывает, что наряду с языком, наследуемым от родителей, сложилась традиция определения языка как родного и в том случае, если человек освоил другой язык и творит на нем. Он считает этот язык родным, может создавать свои произведения на двух языках, в равной мере владея ими.

Кросс-культурный компонент – это культура народа, ее отдельного носителя на уровне осознания различий между своей и чужой культурами: готовность их понять, проявление уважения и терпимости к разным привычкам, взглядам, нормам жизни.

Литературный текст играет фундаментальную роль при обучении языку, поскольку считается образцом для подражания. Чтение художественной литературы позволяет отойти от стандартизированных учебных текстов и познакомить учащихся с «живым» языком. В системе литературных жанров достойное место занимают те, цель которых – служить проводниками памяти: мемуары, записные книжки, автобиографии, дневники. Дневники соприкасаются



с мемуарами, повествуя о событиях внешней и внутренней жизни, имеющих место в прошлом, с исповедью, рассказывающей о тайном и глубоко личном, с письмами, сообщающими о текущем, с летописью, отличаясь более точной датировкой. Записные книжки творческих людей, где в той или иной форме фиксируется материал художественных произведений, представляют интерес с точки зрения психологии творчества.

Изучением жанра дневников, как известно, занимаются литературоведение, лингвистика, социология, история, философия, культурология. Часть работ этой тематики посвящена общетеоретическому рассмотрению дневников, большинство же – анализу дневников конкретных авторов зарубежной и русской литературы [3; 4]. Представители разных областей знания находят свой аспект исследования, свой угол зрения на одно и то же явление. Все они отмечают роль исторических событий (революции и становления советской власти) в формировании мировоззрения советских писателей и характере их творчества, изучают разные грани литературного творчества.

Следует отметить, что комплексных литературоведческих исследований, посвященных дневникам, нет. Это не удивительно, т. к. многие дневники не опубликованы до сих пор, об их существовании знают только члены семьи автора, между которыми и разбросаны материалы. Дневники позволяют получить новые знания о биографии писателя, его отношении к событиям новейшей истории, об особенностях литературного процесса, эволюции авторского Я и др. [5–8].

Чаще всего спорят о своеобразии дневника: может он считаться жанром литературы или же это «междужанровое явление»? Обычно дневниковую литературу рассматривают как жанр мемуарной прозы. В определении понятия *дневники* серьезных разночтений между учеными нет. В последнее время их склонны рассматривать как форму публицистики – пограничной переходной сферы, объединяющей литературу, политику, журналистику и др.

*Методы и материалы.* Цель исследования – изучение дагестанской русскоязычной литературы как совокупности национальных литературных произведений на русском языке. Необходимым видится освещение проблем отражения национальной идентичности в творчестве и развития национальных литератур. В последнее время наблюдается рост популярности русскоязычной национальной литературы, что вызывает интерес к изучению ее специфики. Дано обоснование роли кросс-культурного анализа при изучении творчества двуязычных авторов или представителей этносов республики, пишущих только на русском языке.

В качестве метода использовался кросс-культурный анализ – сравнительный метод исследования культур, опирающийся на положения о существовании универсальных культурных моделей. Материалом послужили русскоязычные тексты дагестанских авторов, в том числе поэтические, обладающие национально-культурной и эмоционально-экспрессивной окраской. Эти произведения, включенные в курс изучения русского языка, развивают у обучающихся

способность уместного и подсказанного коммуникативными намерениями применения эмоционально-экспрессивной лексики, использования разнообразных синтаксических конструкций.

### Кросс-культурный анализ в литературе

Расширение междисциплинарных подходов в современной науке обусловило использование терминов одной области знания в рамках другой и определенное их переосмысление. Понятие *кросс-культурного анализа* связано с динамическим развитием отраслей психологической науки, выявляющих психологические механизмы формирования позитивной этнической и культурной идентичности. Психологи исследуют связи между культурой, человеческим сознанием и поведением, изучают личность в контексте культуры, выявляют культурную обусловленность познавательных процессов, общения. Эстетическое осмысление и отражение этих процессов в художественной литературе представляют не меньший интерес, поскольку позволяют выявить внутренний мир двуязычной личности или влияние культур на традиционное сознание личности, на соотношение стихийного и закономерного в этом процессе, на преимущества и риски данного явления. Анализ носит двунаправленный характер с концентрацией на раскрытии темы, проблемы, идеи и на том, что невольно отразилось в стилистике автора, способе отражения реальности и др. Для исследователя в области литературы и для психолога есть как свои области рассмотрения проблем, так и области совпадения [9].

Кросс-культурная психология, изучающая поведение и опыт человека в зависимости от культуры, становится востребованной и в практике анализа литературных произведений. Область методологии кросс-культурного анализа растет, синтез культурологии и психологии позволяет проникать в такие тонкости психологии литературных героев или стилистики автора, которые позволяют углубить анализ и сделать предметом исследования в художественном тексте проблемы психологической науки.

Кросс-культурный анализ прочно занял свое место в лингвистике, при этом термин относительно нов: мы имеем дело с новым обозначением того, что понималось под этнолингвистикой, лингвострановедением. В литературоведении кросс-культурный анализ – новое наименование культурологической компаративистики, анализ с точки зрения диалога культур, позволяющий выделить национальные образы мира. Яркий пример – работы Г. Д. Гачева [10].

Метод кросс-культурного анализа предполагает сравнение существенно различающихся фактов различных культур, определение влияния культурных условий на поведение. Интерес для кросс-культурных исследований представляют те изменения, которые происходят в различных культурах в результате межкультурных контактов. В русском языке понятию *кросс-культурный* близок термин *межкультурный*. Кросс-культурный анализ в условиях пограничья позволяет обосновать ценностное содержание собственной культуры

и аргументированно сопоставлять ее с иными культурами, дает возможность выявить их взаимопроникновение и лучше понять сознание героя, живущего в потоках и пересечениях различных этномиров.

Кросс-культурный анализ представляет интерес и для педагогов, поскольку обращен к тексту. В преподавании главной задачей является не сам анализ как таковой, а его возможности для постижения национальных образов мира. Традиционный целостный анализ нужен для осознания авторской концепции произведения, точки зрения, а кросс-культурный предполагает извлечение знаний с точки зрения автора: не первостепенно значимых, но позволяющих читателю вычитывать не прямо сказанное, а опосредованное слово героя или меру выраженности авторского Я. Именно этот путь позволяет увидеть в действии роль теоретико-литературных понятий как инструментария постижения произведения в единстве формы и содержания.

### Национальная литература Дагестана

Поэзия имеет познавательное и воспитательное значение для молодежи. Знакомство с творчеством поэта было бы неполным без чтения и анализа его произведений. Перед началом работы с русскими переводами необходимо объяснить студентам слова, вызывающие трудности в понимании содержания текста. По нашему мнению, работа с художественным текстом позволяет развивать лексические и грамматические навыки, стимулирует речевую деятельность. Положительным моментом использования литературных текстов в учебных целях является знакомство с культурой народа, т. к. в них отражается язык в его историческом, общественном и культурном контексте [11; 12].

К сожалению, носителей родных языков коренных народов становится все меньше. За последние два десятилетия творчество двуязычных авторов тоже сошло на нет: ушли из жизни Ахмедхан Абу-Бакар и Магомед-Расул Расулов, а новые поколения авторов, этнически не являющихся русскими, за редким исключением пишут только на русском языке [13; 14]. Русскоязычные авторы не владеют своим национальным языком или владеют только на бытовом уровне, по-настоящему родным становится второй язык. Произведения таких авторов не уступают сочинениям русских писателей. В литературоведении по отношению к ним принято употреблять термин *русские писатели нерусского происхождения*, который нередко отождествляется с термином *двуязычный национальный писатель*. Как синонимичное им активно используется понятие *русскоязычные авторы*. Эти авторы дифференцируются для разграничения с русскими по происхождению, создающими русскую литературу. При упоминании о русской литературе в целом по умолчанию могут подразумеваться либо именно эти авторы, либо все авторы, живущие и пишущие в России. Употребляется по отношению к ним и термин *российская литература* как более корректный.

Под национальной литературой традиционно понимается литература на национальных языках. В постперестроечное

время русскую литературу тоже стали определять как одну из национальных. Хотя в широком сознании такого объединения не произошло, традиция противопоставления, сопоставления, разграничения существует. Терминологическая размытость понятий, слабая исследованность процессов, происходящих в современной литературе в целом и в отдельных национальных литературах, препятствуют формированию целостного взгляда на литературный процесс и актуализируют задачу его изучения [3; 15; 16].

Рассмотрим особенности развития литературы Дагестана, создаваемой представителями коренных народов республики на русском языке в силу незнания или плохого знания родного языка, восприятия русского языка, играющего значимую роль в регионе, как родного. Литературный язык – это не только средство межнационального общения, но и неотъемлемая часть Я человека, его прямой непередаваемой способ общения с миром, собой и другими. Каков он в условиях эстетической деятельности? Как в нем преломляются как минимум два национальных образа мира? Как отражается это явление на уровне сознательно конструируемого мира художественного текста и стихийно отражаемого влияния в стилистической организации текста, в иных формах его явления? Исследование творчества русскоязычных авторов необходимо для того, чтобы определить не только общие закономерности целостной поэзии, но и частные особенности, в том числе выпадающие из обнаруженных закономерностей, представляющих интерес для историков и теоретиков литературы и в той или иной мере для психологов, социологов, этнологов, философов.

Русскоязычная поэзия и проза в Дагестане развиваются активно в последние два десятилетия (Ф. Ш. Джафировым, М. А. Хуршиловым, Ж. Н. Абуевой, М. Шейховой, Э. Г. Битаевой, Т. У. Раджабовым, А. Кишевым, М. М. Бисалиевым и др.). Особняком стоит творчество аварки А. А. Ганиевой – единственной из северокавказских авторов, получившей признание в России и за рубежом. Как отмечают исследователи, в ее творчестве, в частности в романе «Праздничная гора», стилевое богатство создается за счет сочетания многоязычных голосов: это колоритный, кипучий, разноязыкий, подвижный мир, книга звучит, как Вавилонская башня, как симфония [17; 18].

К группе кросс-культурных компонентов можно отнести способность описывать образную структуру художественного этикета. Восприятие, интерпретацию и описание образов, возникающих после прочтения, можно совмещать с изучением грамматики текста. С целью развития навыков создания устных монологических высказываний и коммуникативных ситуаций следует задавать студентам вопросы о том, как формируется национально-культурный компонент в приведенных отрывках, есть ли в них символы России, какие ассоциации вызывают эти символы, есть ли связь с их страной, помогают ли им воспоминания о Родине. Целесообразно, по нашему мнению, предложить студентам рассказать о Родине, о любимом времени года

и записать слова и словосочетания, которые им для этого потребуются. На занятиях можно использовать и другие формы работы, например конкурс выразительного чтения. Методика связана с формированием у студентов нормативного произношения, обязательного для взаимопонимания говорящих при межкультурной коммуникации [19; 20].

Творческий потенциал представителей русскоязычной литературы авторов высок, как высоко все, что рождается при гармоничном влиянии различных культур на поэзию. Необходимо подчеркнуть, что время, когда советская литература задавала развивающимся национальным литературам тон и формировала их, пестовала, прошло. Русскоязычная литература шагнула вперед и сама уже задает вектор движения, обретая самоценность. В этом смысле знаковый характер имеет повесть кабардинки М. А. Хакушевой «Дорога домой», безупречная с точки зрения языка и стиля. Осмысление своего пути, судьбы отдельной личности и народа, наличие собственных выстраданных ответов, художественное мастерство – все это иллюстрирует мысль об абсолютной самостоятельности литературы, сложившейся в регионе. Высокий уровень литературного мастерства автора, в творчестве которого намеренно или бессознательно отражаются черты национального космоса, вызывает особый интерес. К таким произведениям литературы целесообразно применять кросс-культурный анализ языка, соприродного данному художественному тексту. Лирическая взволнованность, возвышенная и нетерпеливая порывистость, чуткость восприятия жизни отражаются во всех записях, позволяя увидеть личность начинающего талантливого писателя.

При анализе поэтического текста можно использовать метод построения ассоциаций – способ организации деятельности студентов, который предусматривает аудирование в целях восприятия художественных образов, в том числе экспрессивно-эмоционального содержания текста. Кроме того, следует иметь в виду, что у студентов небольшой лексический запас, поэтому для применения данного метода необходимо сосредоточиться на тех фрагментах текстов, которые вызывают понятные для обучающихся ассоциации [21].

Как отмечал В. Н. Топоров, художественное произведение – это сложное, многомерное образование, допускающее различные подходы к его изучению: с точки зрения теории текста, лингвистики текста, герменевтики, поэтики и стилистики. Выступая в качестве языкового материала, художественный текст эксплицирует выраженную в языковых знаках и текстовых структурах систему национальных ценностей, соответствующую русскому менталитету, и соотносим поэтому с национальной картиной мира. Под картиной мира понимается «сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах» [22, с. 677; 23; 24]. По замечанию В. А. Доманского, в художественных произведениях запечатлеваются все формы социальной памяти, сознательное

и бессознательное человеческой психики, действующие как на уровне архетипов в нем самом, так и вне его самого [25; 26]. Являясь самосознанием культуры, произведения литературы отражают тип художественного сознания, характеризуют определенный культурно-исторический тип человека. Ни одна культура не охватывает всего культурного пространства, и в одном человеке начинают уживаться разные типы сознания. Современная гуманитарная мысль стремится стать школой понимания другого, возвращая вкус к различению подлинного и мнимого.

Нередко в сознании людей существует соблазн использовать стандарты своей группы для оценки других. Этноцентризм и есть восприятие интерпретации поведения других через призму своей культуры [27; 28]. Чтобы уменьшить этноцентризм, нужно научиться ценить лучшее из того, что производится людьми, независимо от того, где это делается. «Нам следует научиться анализировать культуры, поэтому мы нуждаемся в культурном изучении, чтоб выполнять механизмы социального поведения в других культурах и овладеть навыками, которые способствуют успешности взаимодействия представителей разных культур», – отмечает Н. М. Лебедева [23; 29, с. 98]. В художественном творчестве национальный культурный универсум шире, чем этничность. Как справедливо отмечает К. К. Султанов, «попытка редуцировать сложность и историко-культурную динамику национального до этнического привела к тому, что проблема национального своеобразия осмысливается не столько как проблема художественного своеобразия, сколько как актуализация этноспецифики, обретающей значение критериев ценности произведения. На деле же этнокультурная маркировка текста, сужая пространство эстетически ориентированного анализа, нередко становится способом оправдания или сокрытия художественной несостоятельности произведения» [30, с. 20; 31]. Учет этих подходов к анализу произведения русскоязычной литературы позволит точнее и глубже определить меру его художественной ценности и новаторства. Русскоязычная литература Северного Кавказа пока остается неизученным явлением, и ее обретения еще не стали предметом внимания исследователей.

Богатейшее наследие оставил М.-С. Я. Яхъяев, запечатлев в своих произведениях и дневниках практически вековую историю страны. Он показал образец достойно прожитой жизни. Его труды требуют изучения, представляют ценность и с точки зрения истории развития дагестанской литературы, и с точки зрения воспитательного потенциала. Обобщая данные анализа текстов М.-С. Я. Яхъяева, мы приходим к следующим выводам:

- дневники писателя имеют биографическую, историческую и историко-литературную ценность, они позволяют увидеть преломление эпохи в творчестве и мировоззрении писателя-классика дагестанской литературы советского периода. События новейшей истории Дагестана осмысливаются человеком, профессиональная компетенция которого тесно связана



с необходимостью и умением оценивать масштаб и значение исторических событий в жизни страны, народа, воспринимать их с точки зрения интересов государства и с точки зрения отдельного человека, народа;

- дневниковые записи позволяют увидеть современную эпоху глазами человека старшего поколения, неравнодушного и взыскательного гражданина, писателя, посвятившего всю жизнь написанию исторических романов на русском языке, человека, умеющего подходить к событиям и их оценке с точки зрения эпического хода времени;
- дневники имеют все типичные черты жанра: исповедальный характер, фиксацию деталей и дат, самоанализ;
- традиционные дневники – это изложение событий личной жизни автора на фоне современной ему действительности. Дневники народного писателя Дагестана отвечают этому параметру до 1989 г., а далее в них происходит перелом: судьба страны проживается как личная судьба, частная жизнь нередко становится фоном для свидетельства о жизни народа и страны. События из личной и семейной жизни, занимавшие прежде немалое место, выходят на первый план. Само время – переломное, кризисное. Меняется масштаб видения, но неизменными остаются увлеченность историей дней, неравнодушие, боль и переживания за происходящее;
- дневники носят ярко выраженный публицистический характер и не имеют границы между дневником и записной книжкой. Автор не ставит задачи написать произведение о переживаемых событиях своего времени, более того, на многих страницах история идет в ногу с горьким рефреном: «не пишется», «не могу и не хочу писать». Связана эта особенность именно с переживаемым стрессом: это время распада того, что он собирал, лепил, кристаллизовал. Фиксировать новое время он отказывается, т. к. это значит перечеркнуть идеалы и смысл своей жизни;
- тексты полемичны по отношению к описываемой действительности, т. е. подчинены определенной авторской идее. Они, скорее, близки журналистике, жанру публицистической статьи;
- в дневниках даны оценки и характеристики выдающихся современников (политиков и деятелей культуры), что представляет интерес для исследователей смежных наук, биографов;
- эмоциональность, откровенность, искренность как характерные черты автора повышают доверие к написанным ранее произведениям, свидетельствуя о цельности личности автора как частного человека и как творца, убеждая, что его исторические романы – это не заказная литература, а произведения, написанные в полном согласии с сердцем гражданина, мыслью историка и художника.

Чем можно объяснить полувековую преданность жанру? Конечно, это и его универсальность, позволяющая вместить все разнообразие форм (тезисная запись, развернутый монолог, воспоминание, возможность непосредственного выражения своих эмоций). На страницах раскрывается облик неравнодушного страстного бойца и просветителя; человека, остро чувствующего свою причастность к судьбе страны и ответственность за нее, народ и будущее; человека, умеющего ценить труд многих поколений, их судьбы и жизни, желающего жить во имя людей; человека справедливого, порой горячего, не боящегося власти, сохраняющего связь с народом, обеспокоенного его жизнью и наследием. В трудные критические минуты жизни, в период конфликта, одиночества и потерь дневник – его преданный друг и опора, его собеседник.

### Заключение

Художественные произведения, обладающие национально-культурной и эмоционально-экспрессивной окраской, вносят в курс изучения русского языка ряд положительных моментов. У обучающихся развивается способность уместного и подсказанного коммуникативными намерениями применения эмоционально-экспрессивной лексики, синтаксических конструкций. Повышается интерес к чтению художественных произведений, формируется представление об использовании языка в эмоционально-экспрессивных и эстетических целях, появляется ответственность за соблюдение норм русского литературного языка на разных уровнях. Русскоязычная литература Северного Кавказа еще остается неизученным явлением, и ее обретения пока не стали предметом внимания исследователей.

Произведения литературы отражают определенный тип художественного сознания, характеризуют культурно-исторический тип индивидуума. Ни одна культура не охватывает всего культурного пространства, в человеке начинают уживаться разные типы сознания. Современная гуманитарная мысль стремится стать школой понимания «другого», возвращая вкус к различению подлинного и мнимого. Поиски духовного самоопределения часто проходят через этнокультурную составляющую, где пересекаются психология и культура. Для снижения этноцентризма нужно научиться ценить лучшее из того, что производится людьми, независимо от того, где это происходит. Мы нуждаемся в изучении культур для освоения механизмов социального поведения в них. Важно сформировать навыки, которые способствуют успешности взаимодействия представителей разных культур.

**Конфликт интересов:** Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.



**Литература**

1. Гамзатов Г. Г. Дагестан: историко-литературный процесс. Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. 309 с.
2. Мазанаев Ш. А. Двуязычное художественное творчество в системе национальных литератур. Махачкала: Юпитер, 1997. 263 с.
3. Рабенко Т. Г. Аксиологические доминанты дневникового жанра (на материале личных дневников) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 2. С. 302–313. DOI: 10.17223/18137083/71/25
4. Дворяшина В. С. Особенности композиции «Русского дневника» Джона Стейнбека // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 8. С. 63–67. DOI: 10.30853/filnauki.2020.8.13
5. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. 3-е изд. М.: Флинта; Наука, 2000. 246 с.
6. Тюпа В. И. Аналитика художественного. М.: Лабиринт; РГГУ, 2001. 189 с.
7. Дубнякова О. А., Кашина Т. А. Коммуникативно-прагматические особенности личного дневника // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 1. С. 42–49.
8. Салханова Ж. Х., Утебекова А. С. Дневник как литературный жанр // Нефилология. 2020. Т. 6. № 22. С. 368–376. DOI: 10.20310/2587-6953-2020-6-22-368-376
9. Вербицкий А. А. Кросс-культурный контекст образования и становление новой педагогической парадигмы // Высшее образование сегодня. 2008. № 8. С. 28–31.
10. Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М.: Эксмо; Алгоритм, 2008. 541 с.
11. Попадайкина И. Художественный текст на занятиях по русскому языку как иностранному // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного / под ред. И. Попадайкиной, Р. Чахора. Вроцлав: Фонд «Русско-польский институт», 2012. С. 136–144.
12. Волков В. В. Синергия и синергетичность в системе атрибутов художественного текста // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2020. № 1. С. 95–108.
13. Капиева Н. В. Жизнь, прожитая набело: о творчестве Эффенди Капиева. М.: Сов. писатель, 1969. 280 с.
14. Магомедов М. И. Гуманитарный Дагестан: язык, культура, образование. Махачкала: Aleph, 2013. 558 с.
15. Довлаткиреева Л. М. Молодые голоса Кавказа // Культурная жизнь Юга России. 2013. № 4. С. 116–117.
16. Магомедов М. И. Художественный билингвизм в дагестанской литературе. Махачкала: Aleph, 2015. 145 с.
17. Художественная речь русского зарубежья: 20–30-е годы XX века / под ред. К. А. Роговой. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2002. 326 с.
18. Мусаев К. М. Межнациональные связи и развитие национальных литератур. Баку: Элм, 1989. 180 с.
19. Муслимова М. Ш. Диалог культур на уроках литературы. Махачкала: Изд-во ДГУ, 1994. 54 с.
20. Есин А. Б. Литературоведение. Культурология. М.: Флинта; Наука, 2002. 350 с.
21. Джурицкий А. Н. Сравнительная педагогика. Взгляд из России. М.: МПГУ; Прометей, 2013. 159 с.
22. Топоров В. Н. Модель мира // Мифы народов мира / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Директ-Медиа, 2008. С. 677–679.
23. Рамонов С. Д. «Русскоязычие» как проблема национальных литератур // Дарьял. 1996. № 1. С. 91–98.
24. Султанов К. К. Национальная самобытность и художественная ценность: к вопросу о взаимодополняемости этнокультурного дискурса и аксиологического подхода // Studia Litterarum. 2018. Т. 3. № 2. С. 230–251. DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-230-251
25. Доманский В. А. Литература и культура. М.: Наука; Флинта, 2002. 366 с.
26. Шарашидзе Ж. Индоевропейская память Кавказа / пер. с фр. Т. Камболов. Владикавказ: Ир, 2004. 79 с.
27. Овсянникова Т. В. Педагогические условия формирования межкультурной компетентности студентов // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2011. № 2. С. 152–155.
28. Синягина Н. Ю., Геворкян М. М. Поликультурная образовательная среда как условие преодоления этноцентризма // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2014. Т. 20. № 2. С. 24–27.
29. Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Ключ-С, 1999. 223 с.
30. Султанов К. К. От Дома к Миру. Этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. М.: Наука, 2007. 301 с.
31. Ильясова З. К. Особенности выражения культурных кодов (на материале духовной культуры народов Дагестана) // Общество: философия, история, культура. 2019. № 7. С. 46–50. DOI: 10.24158/fik.2019.7.8

original article

## **Cross-Cultural Component in the Works of Dagestan Russian-Speaking Authors as a Teaching Subject**

Saidat Kh. Yakhiyaeva

Dagestan State University, Russia, Makhachkala; Republican Multidisciplinary Lyceum for Gifted Children, Russia, Makhachkala; saidat58@mail.ru;  
<https://orcid.org/0000-0002-4341-7469>

Received 6 Apr 2021. Accepted 26 Apr 2021.

**Abstract:** Cross-cultural analysis has firmly taken its place in linguistics, while the novelty of the term is relative: we are dealing with a new definition of what was meant by the concept of ethnolinguistics, linguistics, and cultural studies. In literary studies, cross-cultural analysis is a new term for culturological comparative studies, i.e. an analysis from the point of view of the "dialogue of cultures", which makes it possible to single out the national images of the world. The aim of the present research was to study the cross-cultural component in the works of the national authors of Dagestan who write in Russian. The study featured Russian-language poetic texts created by Dagestan authors and how they reflect the national identity of the author. Cross-cultural analysis relies on the idea about universal cultural patterns. As a result, Dagestan Russian-language literature can be interpreted as a set of national works written in Russian. Literary text as a role model plays a fundamental role in language acquisition. Reading fiction allows language learners to move away from standardized teaching texts and immerse into the "living" language. While studying a foreign work of art, the learner touches upon both linguistics and culture: it provides information about the social and cultural structure of a foreign community. A positive aspect of using literary texts for educational purposes makes it possible to learn more about the culture of the people, since the texts always reflect the language in its historical, social, and cultural context.

**Keywords:** national literature, bilingual creativity, cross-cultural analysis, poetry, prose, national writer, educational of Dagestan, pedagogical course, educational process

**Citation:** Yakhiyaeva S. Kh. Cross-Cultural Component in the Works of Dagestan Russian-Speaking Authors as a Teaching Subject. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2021, 5(2): 133–140. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-2-133-140>

**Conflicting interests:** The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

### **References**

1. Gamzatov G. G. *Dagestan: historical and literary process*. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1990, 309. (In Russ.)
2. Mazanaev Sh. A. *Bilingual artistic creativity in the system of national literatures*. Makhachkala: Iupiter, 1997, 263. (In Russ.)
3. Rabenko T. G. Axiological dominants of the diary genre (based on personal diaries). *Siberian Journal of Philology*, 2020, (2): 302–313. (In Russ.) DOI: [10.17223/18137083/71/25](https://doi.org/10.17223/18137083/71/25)
4. Dvoryashina V. S. Compositional features of John Steinbeck's "A Russian journal". *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2020, 13(8): 63–67. (In Russ.) DOI: [10.30853/filnauki.2020.8.13](https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.8.13)
5. Esin A. B. *Principles and methods of analysis of a literary work*, 3rd ed. Moscow: Flinta; Nauka, 2000, 246. (In Russ.)
6. Tyupa V. I. *Analytics of the artistic*. Moscow: Labirint; RGGU, 2001, 189. (In Russ.)
7. Dubnyakova O. A., Kashina T. A. Communicative and pragmatic particularities of personal diary. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie*, 2017, (1): 42–49. (In Russ.)
8. Salkhanova Zh. Kh., Utebekova A. S. Diary as a literary genre. *Neofilologiya*, 2020, 6(22): 368–376. (In Russ.) DOI: [10.20310/2587-6953-2020-6-22-368-376](https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-22-368-376)
9. Verbitsky A. A. Cross-cultural context of education and the formation of a new pedagogical paradigm. *Higher education today*, 2008, (8): 28–31. (In Russ.)
10. Gachev G. D. *The mentality of the peoples of the world*. Moscow: Eksmo; Algoritm, 2008, 541. (In Russ.)
11. Popadeykina I. Fiction text in the classroom on Russian as a foreign language. *Theory and practice of teaching Russian as a foreign language*, eds. Popadeykina I., Czachor R. Wroclaw: Fond "Russko-polskii institut", 2012, 136–144. (In Russ.)
12. Volkov V. V. Synergy and synergisticity as an attributes of literary work. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*, 2020, (1): 95–108. (In Russ.)
13. Kapieva N. V. *A life lived completely: about the work of Effendi Kapiev*. Moscow: Sov. pisatel, 1969, 280. (In Russ.)

14. Magomedov M. I. *Humanitarian Dagestan: language, culture, and education*. Makhachkala: Aleph, 2013, 558. (In Russ.)
15. Dovletkireeva L. M. Young voices of the Caucasus. *Kulturnaya zhizn Yuga Rossii*, 2013, (4): 116–117. (In Russ.)
16. Magomedov M. I. *Artistic bilingualism in Dagestan literature*. Makhachkala: Aleph, 2015, 145. (In Russ.)
17. *Fiction speech of the Russian diaspora: 1920s–1930s*, ed. Rogova K. A. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta, 2002, 326. (In Russ.)
18. Musaev K. M. *Interethnic relations and the development of national literatures*. Baku: Elm, 1989, 180. (In Russ.)
19. Muslimova M. Sh. *Dialogue of cultures in literature lessons*. Makhachkala: Izd-vo DGU, 1994, 54. (In Russ.)
20. Esin A. B. *Literary criticism. Culturology*. Moscow: Flinta; Nauka, 2002, 350. (In Russ.)
21. Dzhurinskii A. N. *Comparative pedagogy. View from Russia*. Moscow: MPGU; Prometei, 2013, 159. (In Russ.)
22. Toporov V. N. Model of the world. *Myths of the peoples of the world*, ed. Tokarev S. A. Moscow: Direkt-Media, 2008, 677–679. (In Russ.)
23. Ramonov S. D. "Russian-speaking" as a problem of national literatures. *Darial*, 1996, (1): 91–98. (In Russ.)
24. Sultanov K. K. National specificity and artistic value: at the crossroads of ethnocultural discourse and axiological critique. *Studia Litterarum*, 2018, 3(2): 230–251. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-230-251
25. Domanskii V. A. *Literature and culture*. Moscow: Nauka; Flinta, 2002, 366. (In Russ.)
26. Sharashidze G. *Indo-European memory of the Caucasus*, tr. Kambolov T. Vladikavkaz: Ir, 2004, 79. (In Russ.)
27. Ovsyannikova T. V. The pedagogical conditions of formation of intercultural competence of students. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya*, 2011, (2): 152–155. (In Russ.)
28. Sinyagina N. Yu., Gevorgyan M. M. Multicultural educational environment as a condition for overcoming ethnocentrism. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsialnaia rabota. Iuvenologiya. Sotsiokinetika*, 2014, 20(2): 24–27. (In Russ.)
29. Lebedeva N. M. *An introduction to ethnic and cross-cultural psychology*. Moscow: Kliuch-S, 1999, 223. (In Russ.)
30. Sultanov K. K. *From Home to the World. Ethno-national identity in literature and intercultural dialogue*. Moscow: Nauka, 2007, 301. (In Russ.)
31. Ilyasova Z. K. The distinctive features of cultural codes (by a case study of the spiritual culture of the peoples of Dagestan). *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura*, 2019, (7): 46–50. (In Russ.) DOI: 10.24158/fik.2019.7.8

оригинальная статья  
УДК 316.6

## Социальное здоровье личности, социальная нагрузка и проблема социального иммунитета

Александра Валерьевна Пилюшенко

Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова, Россия, г. Ижевск; che-pi@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2265-9634>

Поступила в редакцию 18.04.2021. Принята в печать 30.04.2021.

**Аннотация:** Статья посвящена проблеме социального здоровья личности как базового фактора формирования здоровой социокультурной среды в условиях глобализации основополагающих параметров социальной жизни. Цель – определение содержания социального здоровья личности через призму категорий *социальный иммунитет* и *социальная нагрузка*. Исследование произведено в рамках методологии философского анализа с использованием диалектического метода и системного подхода, что позволило раскрыть феномен социального здоровья в системе отношений *человек – общество* с учетом их динамичного и многомерного содержания. Обосновывается роль социокультурных обстоятельств жизненного пути личности (объективных факторов) и ее личных установок, имеющих духовно-нравственную природу (субъективных факторов), в формировании социального здоровья. Рассматривается одна из атрибутивных характеристик внешней стороны социальной жизни – социальная нагрузка. Проанализированы негативные последствия ее качественного усложнения и количественного увеличения. Представлены направления увеличения социальной нагрузки. Раскрыто содержание понятия *социальный иммунитет*, изучены закономерности его формирования. Произведен анализ генезиса просоциальных девиантных форм поведения различных групп населения. Выявлена зависимость становления социального иммунитета личности от возрастных характеристик человека, особенностей образа жизни семьи и социокультурных обстоятельств. Содержание социального здоровья личности определено как сбалансированность и соразмерность социальной нагрузки и социального иммунитета. Обосновано, что соответствие социального иммунитета и форм и методов его воспитания текущей социальной нагрузке – определяющий фактор формирования социального здоровья.

**Ключевые слова:** социокультурная среда, социальное взаимодействие, здоровое общество, антисоциальное поведение, просоциальное поведение, личное благополучие

**Цитирование:** Пилюшенко А. В. Социальное здоровье личности, социальная нагрузка и проблема социального иммунитета // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. Т. 5. № 2. С. 141–147. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-2-141-147>

### Введение

Проблема здоровья человека – неотъемлемая составляющая современного гуманитарного знания. Междисциплинарный ракурс решения данной проблемы с учетом ее глобального характера и многомерного содержания представляется в современной науке наиболее предпочтительным [1, р. 545]. Сегодня становится более очевидной тенденция перехода от узких биологизаторских трактовок к комплексному многогранному пониманию феномена здоровья человека: рассмотрение в рамках современной медицины преимущественно вопросов причин и природы физического здоровья сейчас в значительной степени дополняется положениями философии, психологии, социологии, затрагиваются вопросы здоровья в контексте антропосоциальной и экзистенциальной тематик.

Необходимость обращения к данной проблематике в социально-философской плоскости определяется следующими моментами.

Во-первых, мировоззренческая позиция, оформившаяся в России в 90-е гг. XX в. в связи с переходом на рыночную

экономику, при которой личное и социальное благополучие определяются преимущественно уровнем материального благосостояния, все в большей степени утрачивает свое значение. Сегодня вопросы экономического развития отходят на второй план: актуальными становятся проблемы антропосоциальной тематики, человекообразности целей и направленности социального развития. Такая ситуация обуславливает необходимость обращения к вопросам формирования личного и социального благополучия, что, в свою очередь, порождает интерес к проблеме социального здоровья как ключевого компонента благополучия человека.

Во-вторых, проблема социального здоровья раскрывает механизм активного двустороннего обмена в системе *человек – общество*, комплексное рассмотрение которого невозможно без обращения к методологической процедуре философского анализа. Социальная среда является для человека одновременно и пространством, и инструментом реализации потребностей, имеющих, прежде всего, социальную природу. В этом смысле она и определяет отдельные



стороны его жизнедеятельности, и преобразовывается в процессе ее реализации.

В-третьих, проблема становления социального здоровья личности как ключевого компонента социального благополучия не может быть в полной мере изучена без обращения к данному феномену как к объекту управления, изучения механизмов и инструментов его целенаправленного воспитания.

### Методы и материалы

Наша цель – изучение содержания социального здоровья личности через призму категорий *социальный иммунитет* и *социальная нагрузка*.

Методологические основы исследования связаны с его проблемным полем. В процессе достижения цели и решения задач представляется необходимым обращение к комплексной общенаучной методологии, в частности к методам анализа, синтеза, индукции, дедукции и абстрагирования.

Применение диалектического метода позволяет рассмотреть взаимоотношения *человек – общество* как сложную динамичную систему, противоречивое единство его составляющих. Исследование соотношения социального иммунитета и социальной нагрузки в структуре социального здоровья личности предполагает использование методологии системного подхода, способствующей формированию целостного представления о социальной жизни человека, изучению ее комплексного характера, определению содержания взаимоотношений ее элементов.

Сегодня проблема генезиса просоциальных девиантных форм поведения различных групп населения получила активную проработку. Особое внимание уделяется детям и подросткам как самым чувствительным и уязвимым группам с точки зрения интенсивности влияния социокультурных обстоятельств на их поведение. О. Cutrin с соавторами определяют механизм обусловленности антисоциальных форм поведения подростков в системе отношений *подросток – родители – сверстники*, анализируя такие параметры, как уровень образования родителей, их поддержка и участие в жизни подростка, форма и интенсивность конфликтов в отношениях *родитель – подросток*, присутствие в кругу общения подростка сверстников, осуществляющих девиантные формы поведения. В ходе исследования выявляется прямой или косвенный характер влияния каждого параметра на поведение подростка [2].

Д. В. Ненгу и его коллеги изучают характер влияния ряда провоцирующих и охранительных факторов на оформление у подростков жестокости как личной черты, проявления которой зачастую носят антисоциальный характер. Все факторы, влияние которых подтверждено в исследовании, являются факторами социокультурной среды [3]. Наряду с этим необходимо отметить работы по изучению генезиса антисоциальных (в том числе преступных) действий молодежи в контексте семейных отношений [4; 5].

Отдельный класс исследований посвящен разработке и уточнению понятия *социальный иммунитет*, его рассмотрению как социального феномена. О. А. Казурова [6], Н. В. Баблюян и М. А. Василенко [7], В. В. Комлева [8], Н. Х. Гафиатулина и др. [9–11] и А. В. Круглов [12] рассматривают различные социальные факторы формирования социального иммунитета, в том числе при разных социальных обстоятельствах.

Обзор исследований позволяет утверждать, что социальный иммунитет приобретает человеком не сразу, а с течением жизни и получением соответствующего опыта. В детском и подростковом возрасте социальный иммунитет еще не оформлен должным образом, а значит, и степень социальной детерминации в поведении детей и подростков имеет выраженный характер. Это, в свою очередь, подтверждает потребность в поиске форм и способов организации социальной жизнедеятельности личности, обеспечивающей баланс между социальной нагрузкой и социальным иммунитетом, как приоритетного направления профилактики социальных патологий и антисоциального поведения.

### Результаты

Социальное здоровье личности находит свое выражение, прежде всего, в социальной жизнедеятельности, которая одновременно выступает и его индикатором, и обуславливающим фактором. Проживаемая человеком социальная жизнь представляет собой уникальную линию индивидуального социального опыта, определяющего во многом личные качества человека, которые вне данного опыта оформить не могли. Путь человеческой жизнедеятельности – это процесс непрерывного обмена между духовной ее составляющей (личными социальными качествами) и их приложением в предметной деятельности (практической их реализации в объективной социальной среде в виде конкретных социальных действий и поступков).

Сами социокультурные обстоятельства требуют от человека определенных социальных действий и необходимости реагирования на них, при этом сама реакция является одновременно отражением текущих личных социальных качеств и установок и формирующим их ресурсом. Опыт, сформированный новыми обстоятельствами, генерирует новые личностные социальные качества, подавляет или раскрывает уже имеющиеся. Более того, определенные личные качества человека могут быть неожиданно обнаружены при определенных обстоятельствах или не проявляться в условиях отсутствия того или иного опыта социальной деятельности.

Это определяет социальное здоровье личности как категорию динамичную, многокомпонентную, а ее формирование – как непрерывный процесс, в который вовлечены как сама личность в качестве носителя установок, ценностей, черт характера, так и социокультурные обстоятельства, в которых протекает ее жизнедеятельность. Социальная жизнедеятельность человека не детерминирована исключительно внутренними факторами, она всегда вытекает из объективных

социокультурных обстоятельств, требующих соответствующего поведения. Следовательно, и социальное здоровье не может рассматриваться вне связи с ними.

В историческом плане развитие человеческой цивилизации всегда сопровождалось нарастанием интенсивности и сложности социального взаимодействия. Особая в этом отношении историческая ситуация сложилась в условиях перехода к капиталистическому производству, сопровождавшемуся значительным ростом темпов урбанизации, усложнением социальной жизни, интенсификацией социального взаимодействия. Научно-технический прогресс усиливал эту тенденцию, трансформируя социальное пространство и социальные отношения. Социальная жизнедеятельность человека, непрерывно адаптируясь под новые социокультурные обстоятельства, все в большей степени становилась объектом управления со стороны различных социальных институтов в угоду общесоциальным потребностям и ожиданиям. Это сказывалось на социальной нагрузке человека – ключевом параметре его социального здоровья. Под социальной нагрузкой в данном контексте следует понимать совокупность социальных ролей и функций человека, осуществляемых им в процессе его социальной жизнедеятельности. Очевидно, что социальная нагрузка распределяется неравномерно среди населения, однако сохраняется общая тенденция увеличения социальной нагрузки по мере развития общественных отношений.

Основными факторами повышения социальной нагрузки в современном обществе являются:

- значимость человеческого капитала и высококвалифицированных кадров в экономическом производстве, определяющая необходимость длительного периода обучения и профессиональной подготовки;
- трансформация культурного пространства с выраженной тенденцией к глобализации и формированию активной интеркультурной коммуникации;
- высокие темпы социальных изменений, превосходящие адаптивные возможности человека.

Вышеперечисленные процессы способствуют повышению социальной нагрузки в двух направлениях. Первое связано с увеличением количества социальных функций, диктуемых современными социокультурными обстоятельствами, или их усложнением в техническом или содержательном отношении. Второе – с некоторой дезориентацией в системе регуляторов социальных отношений ввиду их многообразия и несогласованности установок. И если первое направление количественно усложняет социальную жизнедеятельность человека, то второе ввергает его в бесконечные парадоксы и обрекает на постоянный поиск моральных и экзистенциальных оснований выбора и действий. Первое преимущественно затрагивает вопросы практической реализации социальных функций, второе – процесс предварительной теоретической подготовки их осуществления. И то, и другое являются индикаторами социального здоровья.

Очевидно, что чем выше социальная нагрузка, тем выше шансы развития социальной патологии. Здесь действует механизм социального инфицирования. Уместно провести аналогию с механизмом заражения инфекционными болезнями: чем выше инфекционная нагрузка (общая масса воздействующего на организм человека возбудителя), тем выше вероятность, что заражение произойдет. Однако необходимо отметить значение защитного механизма человека – его иммунитета как главной силы, противостоящей негативным факторам, воздействующим на организм, имеющей при этом явные индивидуальные различия. Иммунитет с течением жизни может снижаться и повышаться, отчасти поддаваться сознательному управлению со стороны его носителя.

Говоря о социальной стороне жизнедеятельности человека, важно отметить, что качество социальной жизни определяется помимо прочего совокупностью личных установок, где находят свое отражение система ценностей человека, его интересы и моральные ориентиры. Установки противостоят негативным обстоятельствам внешней среды и способствуют сохранению социального здоровья личности. Назовем их социальным иммунитетом.

Социальный иммунитет имеет выраженные индивидуальные различия: особенности воспитания, образа жизни, социальной среды, личные качества человека и черты его характера – все это прямым образом отражается на его качестве. Он также является динамичной характеристикой, поддающейся сознательному управлению, как на индивидуальном, так и на социальном уровне. Социальный иммунитет личности – главный ее ресурс в сохранении социального здоровья в условиях возрастающей социальной нагрузки.

Социальный иммунитет имеет духовно-нравственную природу. Он и есть по своей сути совокупность духовных и моральных оснований деятельности человека, обеспечивающих ему продуктивные социальные отношения и придающих им ценностно-смысловую форму. Вопросы морали и духовного развития человека всегда обращены не к нему самому как результату собственных действий, а к внешней среде – другим людям, объектам природы, окружающему миру, в том числе социальному. Мораль – регулятор социальных отношений, и ее вопросы связаны с оценкой (в первую очередь, личной) действий человека по отношению к другим. Как указывал З. Фрейд: «Примечательно, что, как бы мало ни были способны люди к изолированному существованию, они, тем не менее, ощущают жертвы, требуемые от них культурой ради возможности совместной жизни, как гнетущий груз» [13, с. 167].

Социальный иммунитет раскрывает не внешнюю сторону жертв, связанных с вхождением в человеческое общество, а внутреннюю – сознательное желание корректировки собственных действий в сторону потребностей группы и отказа от форм поведения, нежелательных для других. Это даже не жертва как таковая, она лишена негативного смысла и является неотъемлемой составляющей социальной системы, условием ее устойчивого функционирования и развития,

механизмом ее саморегуляции. Как утверждал Т. Парсонс: «Социальная система любого масштаба предполагает наличие некоторых разделяемых всеми его членами ценностей» [14, с. 86]. Корректировка собственных действий в сторону общесоциальных ценностей и потребностей – одна из базовых ценностей личности как социального субъекта, атрибутивная для всей его социальной жизнедеятельности.

Социальное здоровье определяется сбалансированностью социального иммунитета и социальной нагрузки, их оптимальным соотношением. Совершенно очевидно, что человек, обладающий развитым социальным иммунитетом, реализуя базовые принципы продуктивных социальных отношений, способен управлять социальной нагрузкой посредством разумной избирательности в социальной жизни.

Но здесь справедливо и следующее положение: высокая социальная нагрузка негативно отражается на социальном иммунитете. Перегруженность внешней стороны социальной жизни человека, интенсивная реализация социальных функций, детерминированных требованиями социокультурной среды, подавляют внутреннюю – духовно-нравственные основания этой деятельности. Изнеможенный активной социальной жизнью современный человек реже обращается к духовным основаниям своей жизни, к тому, что определяет качество его социального иммунитета. С. А. Франк, указывая на духовное обнищание современного ему общества, утверждал: «Так старики, глядя на образ возлюбленной своей юности, думают: "Как мог я так увлекаться и безумствовать? Как мог я не замечать пустоты, глупости, ординарности этого хорошенького личика? Как мог я считать божеством слабое, обычное человеческое существо, затрачивать на него свою душу?" Какая-то любовь, какой-то наивный пыл безвозвратно потухли в душе» [15, с. 286]. За внешней бурной деятельностью все больше скрываются хладнокровие, цинизм, равнодушие, приобретенные вследствие усталости, связанной с высоким уровнем социальной нагрузки.

«Мы видим духовное варварство народов утонченной умственной культуры, черствую жесткость при господстве гуманитарных принципов, душевную грязь и порочность при внешней чистоте и благопристойности, внутреннее бессилие внешнего могущества», – пишет С. А. Франк [15, с. 286]. Так не это ли самое «внешнее могущество» является причиной «внутреннего бессилия»? Не вложение ли всех человеческих ресурсов на преобразование внешнего вынуждает нас игнорировать воспитание внутреннего?

Сегодня большая группа исследователей в решении проблемы выявления причин антисоциального поведения – главного индикатора социальной патологии – называют различные характеристики в структуре личности, являющиеся факторами риска для развития социальных болезней [16–20]. Анализируя проявления антисоциального поведения и связывая их с психофизиологическими особенностями человека, исследователи в своих выводах в той или иной степени затрагивают вопросы социальной среды и интенсификации социальной жизни человека.

### Заключение

Социальная нагрузка играет особую роль в формировании в структуре личности качеств-провокаторов социальной патологии. Высокая социальная нагрузка неизбежно приводит к снижению социального иммунитета личности, провоцируя негативные изменения в социальной жизни человека. Таким образом, снижение социальной нагрузки на индивидуальном или общесоциальном уровне является первостепенной задачей в решении проблем антисоциального поведения и предотвращения развития социальной патологии, одним из слагаемых социального здоровья личности.

Совершенно очевидно, что социальная нагрузка не может безмерно увеличиваться, не нанося человеку никакого ущерба. Это еще один «побочный эффект» научно-технического прогресса и связанной с ним трансформации социальных отношений, ставящий под удар жизнеспособность общества как такового. Именно поэтому вопросы социального иммунитета человека как индикатора его духовно-нравственного развития и ключевого компонента социального здоровья представляются весьма актуальными при попытке осмысления фундаментальных проблем современного общества.

Под социальной нагрузкой понимается совокупность социальных ролей и функций человека, осуществляемых им в процессе социальной жизнедеятельности. Для социальной нагрузки человека определена тенденция ее увеличения по мере развития общественных отношений, их усложнения в структурном и содержательном плане. Увеличение социальной нагрузки происходит в двух направлениях. Первое связано с увеличением количества социальных функций, диктуемых современными социокультурными обстоятельствами, или же с их усложнением в техническом или содержательном отношении. Второе – с дезориентацией в системе регуляторов социальных отношений ввиду их многообразия и несогласованности установок, ввергающих человека в бесконечные парадоксы и обрекающих на постоянный поиск моральных и экзистенциальных оснований своего выбора, своих действий.

Социальный иммунитет – это совокупность установок личности, определяющих качество ее социальной жизни, где находят свое отражение система ценностей человека, его интересы и моральные ориентиры. Эти установки противостоят негативным обстоятельствам внешней среды. Социальный иммунитет имеет духовно-нравственную природу и представлен духовными и моральными основаниями деятельности человека, обеспечивающими ему продуктивные социальные отношения, придающими им ценностно-смысловую форму.

Социальное здоровье определяется сбалансированностью социального иммунитета и социальной нагрузки, их оптимальным соотношением, а значит, поиск форм и методов регулирования данного баланса можно считать приоритетным направлением профилактики социальных патологий и антисоциального поведения. В условиях глобальных трансформационных процессов, характерных



для современного общества, данная потребность проявляется все более отчетливо: усложнение социальной жизни человека происходит не только в количественном, но и в качественном выражении, что, в свою очередь, требует выработки новых форм и методов организации социальной жизнедеятельности личности.

**Конфликт интересов:** Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

### Литература

1. Oldenburg B., Cocker F., Schüz B. Public health as social science // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences* / ed. J. D. Wright. 2nd ed. Amsterdam: Elsevier, 2015. P. 545–551. DOI: 10.1016/B978-0-08-097086-8.14035-8
2. Cutrín O., Gómez-Fraguela J. A., Maneiro L., Sobral J. Effects of parenting practices through deviant peers on nonviolent and violent antisocial behaviours in middle- and late-adolescence // *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*. 2017. Vol. 9. Iss. 2. P. 75–82. DOI: 10.1016/j.ejpal.2017.02.001
3. Henry D. B., Tolan P. H., Gorman-Smith D., Schoeny M. E. Risk and direct protective factors for youth violence: results from the Centers for Disease Control and Prevention's Multisite Violence Prevention Project // *American Journal of Preventive Medicine*. 2012. Vol. 43. Iss. 2-1. S. 67–75. DOI: 10.1016/j.amepre.2012.04.025
4. Smith J. D., Knoble N. B., Zerr A. A., Dishion T. J., Stormshak E. A. Family check-up effects across diverse ethnic groups: reducing early-adolescence antisocial behavior by reducing family conflict // *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*. 2014. Vol. 43. Iss. 3. P. 400–414. DOI: 10.1080/15374416.2014.888670
5. Silva T. C., Stattin H. The moderating role of parenting on the relationship between psychopathy and antisocial behavior in adolescence // *Development and Psychopathology*. 2016. Vol. 28. Iss. 2. P. 505–515. DOI: 10.1017/S0954579415001121
6. Казурова О. А. Родительская грамотность как основа устойчивого социального иммунитета ребенка // *Муниципальное образование: инновации и эксперимент*. 2018. № 2. С. 28–32.
7. Баблюян Н. В., Василенко М. А. Социальный иммунитет и пути преодоления социального неравенства // *Инженерный вестник Дона*. 2018. № 2. Режим доступа: <http://www.ivdon.ru/ru/magazine/archive/%20n2y2018/4875> (дата обращения: 12.02.2021).
8. Комалева В. В. Развитие социального иммунитета как задача внутренней политики и условие обеспечения общественно-политической стабильности // *Внутренняя политика: проблемы и технологии управления: мат-лы конф. и семинаров (Москва, 1–30 апреля 2019 г.)* М., 2019. Т. 2. С. 19–30.
9. Гафиатулина Н. Х., Касьянов В. В., Самыгин С. И. Социальный иммунитет российского общества в условиях угрозы коронавируса: риски социокультурной травматизации // *Гуманитарий Юга России*. 2020. Т. 9. № 2. С. 147–158. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.2.10
10. Гафиатулина Н. Х., Голобородько А. Ю., Самыгин С. И. Социальное здоровье российской молодежи в контексте системы современной социальной защиты // *Успехи современной науки и образования*. 2017. Т. 7. № 2. С. 122–126.
11. Гафиатулина Н. Х., Загутин Д. С., Самыгин С. И. Социальное здоровье в контексте обеспечения социально-психологической безопасности российской молодежи // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*. 2017. № 2. С. 159–163. DOI: 10.22394/2079-1690-2017-1-2-159-163
12. Круглов А. В. Социальная толерантность и социальная нетерпимость: теоретико-методологическая концептуализация // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2020. Т. 20. № 1. С. 40–42. DOI: 10.18500/1818-9601-2020-20-1-40-42
13. Фрейд З. *Будущее одной иллюзии*. М.: АСТ, 2011. 251 с.
14. Парсонс Т. *О социальных системах* / под общ. ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. М.: Акад. проект, 2002. 831 с.
15. Франк С. Л. *Сочинения*. М.: Правда, 1990. 607 с.
16. Vaughn M. G., DeLisi M. Criminal energetics: a theory of antisocial enhancement and criminal attenuation // *Aggression and Violent Behavior*. 2018. Vol. 38. P. 1–12. DOI: 10.1016/j.avb.2017.11.002
17. Baglivio M. T., Wolff K. T., DeLisi M., Vaughn M. G., Piquero A. R. Effortful control, negative emotionality, and juvenile recidivism: an empirical test of DeLisi and Vaughn's temperament-based theory of antisocial behavior // *Journal of Forensic Psychiatry and Psychology*. 2016. Vol. 27. Iss. 3. P. 376–403. DOI: 10.1080/14789949.2016.1145720
18. Garofalo C., Velotti P. Negative emotionality and aggression in violent offenders: the moderating role of emotion dysregulation // *Journal of Criminal Justice*. 2017. Vol. 51. P. 9–16. DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2017.05.015
19. Wolff K. T., Baglivio M. T., Piquero A. R., Vaughn M. G., DeLisi M. The Triple Crown of antisocial behavior: effortful control, negative emotionality, and community disadvantage // *Youth Violence and Juvenile Justice*. 2015. Vol. 14. Iss. 4. P. 350–366. DOI: 10.1177/1541204015599042



20. Young S., Moss D., Sedgwick O., Fridman M., Hodgkins P. A meta-analysis of the prevalence of attention deficit hyperactivity disorder in incarcerated populations // *Psychological Medicine*. 2015. Vol. 45. Iss. 2. P. 247–258. DOI: 10.1017/S0033291714000762

original article

## Social Health, Social Pressure, and Social Immunity

Aleksandra V. Pilyushenko

Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Russia, Izhevsk; che-pi@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2265-9634>

Received 18 Apr 2021. Accepted 30 Apr 2021.

**Abstract:** The article addresses the problem of social health as a basic factor of positive sociocultural environment in the context of globalization. The research objective was to define the content of social health as a balance of such categories as social immunity and social pressure. The study relied on the methodology of philosophical analysis, dialectical method, and system approach. The phenomenon of social health was described as part of the system of dynamic and multidimensional social relations. The article featured the role of sociocultural environment of one's life and attitudes of spiritual and moral nature that make up one's social health formation. Social pressure is an attributive characteristic of social life, which is getting increasingly complex in all areas of human life. The article also introduces the term of social immunity as a set of spiritual foundations of one's activity that provides one with productive social relationships. Social immunity depends on one's age, lifestyle, and sociocultural environment. The author also analyzed various prosocial deviant forms of behavior. The decisive factor of social health formation is that social immunity should correspond with the current social pressure.

**Keywords:** sociocultural environment, social interaction, healthy society, antisocial behavior, prosocial behavior, personal well-being

**Citation:** Pilyushenko A. V. Social Health, Social Pressure, and Social Immunity. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2021, 5(2): 141–147. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-2-141-147>

**Conflict of interests:** The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

## References

1. Oldenburg B., Cocker F., Schüz B. Public health as social science. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*, ed. Wright J. D., 2nd ed. Amsterdam: Elsevier, 2015, 545–551. DOI: 10.1016/B978-0-08-097086-8.14035-8
2. Cutrín O., Gómez-Fraguela J. A., Maneiro L., Sobral J. Effects of parenting practices through deviant peers on nonviolent and violent antisocial behaviours in middle- and late-adolescence. *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*, 2017, 9(2): 75–82. DOI: 10.1016/j.ejpal.2017.02.001
3. Henry D. B., Tolan P. H., Gorman-Smith D., Schoeny M. E. Risk and direct protective factors for youth violence: results from the Centers for Disease Control and Prevention's Multisite Violence Prevention Project. *American Journal of Preventive Medicine*, 2012, 43(2-1): 67–75. DOI: 10.1016/j.amepre.2012.04.025
4. Smith J. D., Knoble N. B., Zerr A. A., Dishion T. J., Stormshak E. A. Family check-up effects across diverse ethnic groups: reducing early-adolescence antisocial behavior by reducing family conflict. *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*, 2014, 43(3): 400–414. DOI: 10.1080/15374416.2014.888670
5. Silva T. C., Stattin H. The moderating role of parenting on the relationship between psychopathy and antisocial behavior in adolescence. *Development and Psychopathology*, 2016, 28(2): 505–515. DOI: 10.1017/S0954579415001121
6. Kazurova O. A. Parental literacy as the basis of a child's sustainable social immunity. *Municipalnoe obrazovanie: innovacii i eksperiment*, 2018, (2): 28–32. (In Russ.)
7. Babloyan N. V., Vasilenko M. A. Social immunity and ways to overcome social inequality. *Inzhenernyj vestnik Dona*, 2018, (2). Available at: <http://www.ivdon.ru/ru/magazine/archive/%20n2y2018/4875> (accessed 12 Feb 2021). (In Russ.)
8. Komleva V. V. The development of social immunity as a task of domestic policy and a condition for ensuring socio-political stability. *Internal policy: problems and management technologies*: Proc. Conf. and Seminars, Moscow, 1–30 Apr 2019. Moscow, 2019, vol. 2, 19–30. (In Russ.)

9. Gafiatulina N. Kh., Kasyanov V. V., Samygin S. I. Social immunity of the Russian society under conditions of the coronavirus threat: risks of sociocultural injury. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 2020, 9(2): 147–158. (In Russ.) DOI: 10.18522/2227-8656.2020.2.10
10. Gafiatulina N. Kh., Goloborodko A. Yu., Samygin S. I. Social health of Russian youth in the context of the system of modern social protection. *Uspekhi sovremennoj nauki i obrazovaniya*, 2017, 7(2): 122–126. (In Russ.)
11. Gafiatulina N. Kh., Zagutin D. S., Samygin S. I. Social health in the context of the socio-psychological security of the Russian youth. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS*, 2017, (2): 159–163. (In Russ.) DOI: 10.22394/2079-1690-2017-1-2-159-163
12. Kruglov A. V. Social tolerance and social intolerance: theoretical and methodological conceptualization. *Izvestiia Saratovskogo Universiteta. (Novaia Seriya), Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*, 2020, 20(1): 40–42. (In Russ.) DOI: 10.18500/1818-9601-2020-20-1-40-42
13. Freud S. *Die Zukunft einer Illusion*. Moscow: AST, 2011, 251. (In Russ.)
14. Parsons T. *The social system*, eds. Chesnokova V. F., Belanovskii S. A. Moscow: Akad. proekt, 2002, 831. (In Russ.)
15. Frank S. L. *Essays*. Moscow: Pravda, 1990, 607. (In Russ.)
16. Vaughn M. G., DeLisi M. Criminal energetics: a theory of antisocial enhancement and criminal attenuation. *Aggression and Violent Behavior*, 2018, 38: 1–12. DOI: 10.1016/j.avb.2017.11.002
17. Baglivio M. T., Wolff K. T., DeLisi M., Vaughn M. G., Piquero A. R. Effortful control, negative emotionality, and juvenile recidivism: an empirical test of DeLisi and Vaughn's temperament-based theory of antisocial behavior. *Journal of Forensic Psychiatry and Psychology*, 2016, 27(3): 376–403. DOI: 10.1080/14789949.2016.1145720
18. Garofalo C., Velotti P. Negative emotionality and aggression in violent offenders: the moderating role of emotion dysregulation. *Journal of Criminal Justice*, 2017, 51: 9–16. DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2017.05.015
19. Wolff K. T., Baglivio M. T., Piquero A. R., Vaughn M. G., DeLisi M. The Triple Crown of antisocial behavior: effortful control, negative emotionality, and community disadvantage. *Youth Violence and Juvenile Justice*, 2015, 14(4): 350–366. DOI: 10.1177/1541204015599042
20. Young S., Moss D., Sedgwick O., Fridman M., Hodgkins P. A meta-analysis of the prevalence of attention deficit hyperactivity disorder in incarcerated populations. *Psychological Medicine*, 2015, 45(2): 247–258. DOI: 10.1017/S0033291714000762

оригинальная статья

УДК 347.1

## Зарубежный опыт правового обеспечения защиты чести, достоинства и деловой репутации

Екатерина Борисовна Абакумова

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации; Институт философии и права СО РАН, Россия, г. Новосибирск; civilization1981@mail.ru

Дмитрий Юрьевич Тарасов

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Россия, г. Новосибирск

Алексей Валерьевич Комиссаров

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Россия, г. Новосибирск

Поступила в редакцию 19.05.2021. Принята в печать 17.06.2021.

**Аннотация:** Исследуется понятийная основа, процесс становления и динамика развития отношений по защите чести, достоинства и деловой репутации в зарубежных странах, где данные правоотношения рассматриваются в рамках правового института диффамации. Методологическим базисом работы послужили формально-юридический и сравнительно-правовой приемы, применяемые с учетом принципов историзма и объективности. Используемая методология позволяет на основе анализа норм зарубежных законодательств и направлений прецедентного правоприменения сделать ретроспективное с точки зрения разности правопорядков и смены исторической периодизации обобщение теоретических, нормативных и практических подходов к понятийному применению института диффамации в странах англо-саксонской и континентальной правовых семей. Установлено, что англо-американское диффамационное право складывается в рамках как общего, так и статутного права. Специальные законодательные акты Великобритании и односемейных правопорядков определяют условия (критерии) отнесения рассматриваемых правоотношений к сущностно-диффамационным. К особенностям континентального диффамационного права можно отнести его преимущественно уголовно-правовую регулятивную составляющую, нежели цивилистическую, или напротив – административно-правовую. Считаем сравнительно-правовое рассмотрение зарубежного опыта правового обеспечения защиты чести, достоинства и деловой репутации актуальным и практически значимым для совершенствования теоретической проработки и развития нормативного регулирования исследуемых правоотношений.

**Ключевые слова:** диффамация, англо-американское диффамационное право, континентальное диффамационное право, моральный вред, распространение порочащих сведений, привилегии в диффамационном праве, свобода слова, Anti-SLAPP законы

**Цитирование:** Абакумова Е. Б., Комиссаров А. В., Тарасов Д. Ю. Зарубежный опыт правового обеспечения защиты чести, достоинства и деловой репутации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. Т. 5. № 2. С. 148–154. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-2-148-154>

### Введение

В условиях серьезного роста числа споров о защите нематериальных благ в РФ все еще недостаточным является нормативное регулирование соответствующих правоотношений, судами не сформированы единообразные правоприменительные подходы, а учение о защите чести, достоинства и деловой репутации не разработано в отечественной цивилистической доктрине. Справедливо отметить имеющиеся различия в теоретическом восприятии, нормативном дефинировании рассматриваемого института в иностранных правопорядках, особенно в динамической ретроспективе разных исторических эпох развития общества,

государства и права. Несмотря на то, что в действующих нормах ГК РФ не используется термин *диффамация*, закон фактически регулирует общественные отношения, связанные с противоправным деянием, включающим в себя соответствующее содержание, сразу с несколькими вариантами правовых интерпретаций. Настоящее сравнительно-правовое исследование зарубежного опыта правового обеспечения защиты чести, достоинства и деловой репутации направлено на расширение теоретических подходов, дальнейшее определение нормативных основ и уточнение правоприменительных аспектов в данной сфере.

## Юридическая сущность понятий *честь, достоинство и деловая репутация*

Идея защиты чести, достоинства и деловой репутации получила неоднозначное развитие в различных правовых системах. Более того, в каждом отдельном государстве из числа стран англосаксонской, континентальной и других правовых семей имеются особенности понимания указанных юридических категорий, отраженные в нормативных и судебных актах.

Англосаксонское право не фокусируется отдельно на защите именно чести или достоинства, обобщая данные понятия посредством использования термина *репутация* (*reputation*). В английском и американском законодательстве репутация идентифицируется в различных категориальных измерениях, основными из которых выступают репутация как собственность (*reputation as property*), репутация как честь (*reputation as honor*) и репутация как достоинство (*reputation as dignity*) [1].

В основе понимания репутации как собственности лежит концепция *гудвилл*, подразумевающая возможность денежного выражения ценности репутации, поскольку в рыночных отношениях она является формой капитала и создает потенциал экономического благополучия и роста. Навредить такой репутации – значит несправедливо уничтожить нематериальные результаты деятельности физического или юридического лица. Такой вред может наносить вполне материальные (имущественные) убытки, компенсацию которых пострадавшее лицо имеет право потребовать посредством гражданско-правового иска.

Защита репутации как чести имеет более глубокие исторические корни, ведущие к статусной самоидентификации личности в доиндустриальной Англии: аристократы претендовали на защиту своей чести в силу особого статуса, которым они были наделены и которому должны были соответствовать. Если репутация как собственность предполагает, что ценность репутации колеблется в зависимости от индивидуальных усилий и рыночных условий, то репутация как честь фиксирована рамками определенной социальной позиции. Указание на несоответствие человека занимаемому социальному положению дискредитирует его в глазах общественности и ведет к утрате чести, что выражается в ограничении или отказе других лиц от деловых контактов с ним.

Функция защиты чести не может состоять только в том, чтобы обеспечить компенсацию за ущерб. Утрата чести – это потеря статуса и личной идентичности, что не измеряется в деньгах. Поэтому основная цель защиты чести состоит в ее восстановлении и наказании «обидчика»-причинителя. При этом защита чести является не только частным делом, но и общественным, поскольку служит поддержанию в общественном сознании приоритета соблюдения морально-этических

принципов в рамках признанных социальных ролей. Указанные причины обусловили установление правил защиты чести путем уголовного преследования во многих странах.

Понимание репутации как достоинства связано с проблемой обеспечения должного уважения к личности и частной жизни. Достоинство не является результатом индивидуальных достижений или выполнения социальной роли, оно признается за каждым человеком, независимо от каких-либо внешних факторов. Юридическая сущность достоинства является конститутивной, поскольку определяет характер базовых отношений в обществе (между человеком и человеком, между человеком и государством, между человеком и социальными группами и т. д.). Охрана человеческого достоинства гарантируется конституциями всех правовых государств и многими актами международного права.

Само достоинство в случае его умаления не может быть прямо восстановлено, т. к. является внутренним самоощущением индивида. Поэтому цель защиты достоинства состоит в возмещении душевных и физических страданий потерпевшего лица, которого, надо заметить, в судах англосаксонских юрисдикций довольно сложно добиться. Так, наличия только душевных страданий от неосторожного правонарушения недостаточно для присуждения возмещения морального вреда. Такой вред подлежит возмещению только в случае параллельного причинения физического вреда или при доказанности «злого умысла», несоблюдения «должной предосторожности», возможности «предвидения причинения вреда»<sup>1</sup>. Но стоит отметить, что при положительном решении суда о компенсации морального вреда с ответчиков в Великобритании и США взыскиваются более значительные суммы, чем в странах континентального права.

## Англо-американское диффамационное право

Англосаксонское право связывает концепт защиты рассмотренных видов репутации с понятием диффамации (англ. *defame* от лат. *diffamo* – «порочу»), которое подразумевает распространение порочащих сведений. Дела о диффамации известны английскому праву еще с XIII столетия, когда споры о клевете рассматривались церковными судами<sup>2</sup>. Дальнейшее активное развитие диффамационного права было обусловлено, во-первых, ужесточением государственных мер против дуэлей и принятием в начале XVII в. акта о защите чести в специализированном суде (*Court of Chivalry*) [2], во-вторых, изобретением печатного станка и распространением практики газетных публикаций и, в-третьих, становлением капиталистических отношений и ростом класса предпринимателей. Постепенно иски по делам о диффамации с требованиями денежной компенсации стали более востребованными, чем санкции церковных

<sup>1</sup> Манукян В. И. «Страдания» в англосаксонском праве // Юридична практика. 19.06.2007. № 25. Режим доступа: <https://pravo.ua/articles/stradanija-v-anglosaksonskom-prave/> (дата обращения: 11.03.2021).

<sup>2</sup> Early statute law // Encyclopædia Britannica. Режим доступа: <https://www.britannica.com/topic/common-law/Early-statute-law> (дата обращения: 11.03.2021).



судов или кровная месть [3, с. 42]. При этом сформировался институт репутации («доброе имени»), и акцент от лично неотделимого понятия чести сместился в сторону общественной оценки, обеспечивающей определенный социальный статус, который, в свою очередь, гарантировал определенный имущественный достаток [4, с. 16].

Диффамационное право в Великобритании складывалось в рамках как общего, так и статутного права и претерпело за время своего существования множество реформ. Существенный уголовный акцент правового регулирования этой сферы сохранялся вплоть до начала XXI в., когда в 2008–2009 гг. были декриминализованы такие преступления как уголовная дискредитирующая клевета (*criminal libel*), крамольная клевета (*sedition libel*), богохульная клевета (*blasphemous libel*), непристойная клевета (*obscene libel*)<sup>3</sup>. Последним принятым актом, направленным на регулирование рассматриваемых правоотношений, является Закон о диффамации 2013 г.<sup>4</sup>, который изменил ряд положений предыдущих законов<sup>5</sup> и заменил некоторые правила прецедентной практики (в частности «Reynolds defence»<sup>6</sup>). Закон о диффамации 2013 г. действует в Англии и Уэльсе и применяется к делам, возникшим после 1 января 2014 г.

Правовые новеллы Закона о диффамации 2013 г. направлены на защиту свободы слова и прав частных лиц на выражение своего мнения, а также на предотвращение т. н. судебного туризма – намеренного переноса разбирательств в суды Англии и Уэльса из более лояльных к ответчикам юрисдикций.

Традиционная позиция общего права состоит в том, что заведомая для ответчика ложность утверждения не является элементом состава данного деликта, поэтому истцу не вменяется в обязанность доказывать, что ответчик распространял ложные сведения умышленно или проявил недостаточную тщательность при их проверке. При этом ответчик будет нести ответственность за диффамацию, даже если ему удастся доказать, что он проверял истинность распространяемых сведений<sup>7</sup>.

Закон о диффамации 2013 г. предполагает несколько более гибкий подход, позволяя судам определять то, что является разумным в каждом конкретном случае. Статья 4 указанного

Закона предоставляет защиту от обвинений в диффамации в случаях, когда ответчик обоснованно полагал, что опубликованная информация представляет общественный интерес.

Следует отметить, что англо-американское диффамационное право различает два вида диффамации – устную (*slander*) и письменную (*libel*). Первая, называемая еще простой клеветой, подразумевает оговор, т. е. сообщение, выраженное в устной форме, придающей распространенным сведениям временный (преходящий) характер. Вторая – пасквиль (квалифицированная клевета), т. е. нечто, выраженное в письменной форме или в форме изображения, сообщения, сделанного по радио, телевидению, через Интернет или в иной форме, обращенное к неопределенно большой группе людей и подразумевающее постоянное распространение сведений. Исторически данные виды диффамации развивались в законодательстве отдельно, но в XX в. они были объединены в один, сохранив, однако, некоторые различия в регулировании.

Для того чтобы иск о защите репутации был принят к рассмотрению английским судом, он должен соответствовать определенным критериям. Один из таковых – требование к серьезности ущерба (*requirement of serious harm*). Для пасквиля это требование ограничивается вероятностной оценкой возможного причинения ущерба, в то время как при оговоре истцу необходимо документально показать фактический ущерб, который был ему нанесен [5, с. 18]. Отметим, что критерии для установления серьезности ущерба четко не определены в английской судебной практике. Этот вопрос в 2019 г. был поставлен перед Верховным судом Великобритании при рассмотрении дела «Bruno Lachaux vs Independent Print Limited, Evening Standard Limited и AOL (UK) Limited»<sup>8</sup>. Истцом по делу являлся аэрокосмический инженер Б. Лашо, а ответчиками сразу несколько крупных медийных компаний, опубликовавших сообщения о совершенном им домашнем насилии в отношении его бывшей жены. Данное судебное разбирательство, длившееся несколько лет, привело к созданию новых правил о способах доказывания вреда, причиненного диффамацией.

Верховный суд постановил, что Закон о диффамации 2013 г. изменил общепринятую презумпцию общего ущерба при диффамации. Теперь для наложения ответственности

<sup>3</sup> Coroners and Justice Act 2009 // [legislation.gov.uk](http://legislation.gov.uk). Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2009/25/section/73/enacted> (дата обращения: 11.03.2021).

<sup>4</sup> Defamation Act 2013 // [legislation.gov.uk](http://legislation.gov.uk). Режим доступа: [http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2013/26/pdfs/ukpga\\_20130026\\_en.pdf](http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2013/26/pdfs/ukpga_20130026_en.pdf) (дата обращения: 11.03.2021).

<sup>5</sup> Defamation Act 1952 // [legislation.gov.uk](http://legislation.gov.uk). Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6and1Eliz2/15-16/66/contents> (дата обращения: 11.03.2021); Defamation Act 1996 // [legislation.gov.uk](http://legislation.gov.uk). Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/31/contents> (дата обращения: 11.03.2021).

<sup>6</sup> По делу Рейнольдса в 1999 г. Палата лордов выработала 10 критериев, которые должны приниматься во внимание судами при оценке того, занимаются ли журналисты ответственной журналистикой и имеют ли они защиту от заявлений о диффамации, даже если то, что они сообщают, оказывается ложным. См.: Judgements – Reynolds v. Times Newspapers Limited and Others // UK Parliament. Режим доступа: <https://publications.parliament.uk/pa/ld199899/ldjudgmt/jd991028/reyn01.htm> (дата обращения: 11.03.2021).

<sup>7</sup> Будылин С. А. This is America: Дело о чести, достоинстве и недоказанной взятке // Закон. 05.06.2017. Режим доступа: [https://zakon.ru/blog/2017/6/5/this\\_is\\_america\\_delo\\_o\\_chesti\\_dostoinstve\\_i\\_nedokazannoj\\_vzyatke](https://zakon.ru/blog/2017/6/5/this_is_america_delo_o_chesti_dostoinstve_i_nedokazannoj_vzyatke) (дата обращения: 11.03.2021).

<sup>8</sup> Lachaux v Independent Print Ltd (2015) // BAILII. Режим доступа: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/QB/2015/2242.html> (дата обращения: 11.03.2021).

уже недостаточно того факта, что заявление по своей сути вредно для репутации истца или возможно нанесет ей ущерб (имеет тенденцию к нанесению ущерба). Формулировка ст. 1 Закона требует, чтобы публикация уже нанесла серьезный ущерб репутации, прежде чем она будет признана судом порочащей<sup>9</sup>. Таким образом, Верховный суд Великобритании пришел к выводу о повышении порога серьезности после принятия Закона о диффамации 2013 г. по сравнению с тем, что был предусмотрен в прецедентном праве. Это означает, что теперь требуются ссылки на факты о воздействии на истца опубликованной информации, а не только его устные заявления.

Особенностью англосаксонского диффамационного права выступает институт привилегий, в основе которого лежит идея парламентского индемнитета (англ. *indemnity* от лат. *indemnitas* – «безущербность»), т. е. иммунитета депутатов парламента, состоящего в их неответственности за высказывания и действия, связанные с выполнением депутатских функций. Парламентский индемнитет защищает свободу политической дискуссии в Англии с 1689 г., когда был принят «Билль о правах».

Суть привилегий в диффамационном праве состоит в том, что при определенных обстоятельствах общественные интересы признаются более важными, чем право личности на защиту репутации [6, с. 171]. Английское право различает сообщения, пользующиеся абсолютной (*absolute privilege*) и квалифицированной (*qualified privilege*) привилегией. К абсолютно привилегированным относятся заявления, сделанные в парламенте или под присягой в суде. При квалифицированных привилегиях суд решает вопрос о балансе общественных интересов и интересов правосудия, т. е. они являются относительными. Квалифицированными привилегиями обладают отчеты о заседаниях парламента, сообщения о судебных процессах в прессе и т. д. К таким публикациям выдвигается требование быть честными и точными, а если будет доказано, что сообщение было сделано со злым умыслом, то привилегия не предоставляется.

Говоря о привилегиях, необходимо отметить различающееся отношение английских и американских судов к искам о диффамации со стороны политических деятелей или других публичных фигур. Расхождением в этом вопросе положило начало дело «New York Times Co. v. Sullivan», по которому в 1964 г. Верховный суд США принял революционное решение<sup>10</sup>. В деле изначально рассматривался миллионный иск комиссара полиции к газете за публикацию

недостовверной информации о жестоком обращении полицейских Монтгомери по отношению к протестующим за гражданские права. Полицейский выиграл дело на уровне штата, но газета подала апелляцию в Верховный суд США, который постановил, что решение суда штата нарушает Первую поправку к Конституции США о свободе слова. В заключении по данному делу Верховный суд США установил новый повышенный стандарт для удовлетворения иска от общественного деятеля (*public figure*): истец должен доказать, что ответчик действовал со злыми намерениями (*actual malice*), т. е. либо знал о ложности сообщаемых им сведений, либо догадывался о их вероятной ложности.

Дальнейшее развитие американского прецедентного права сформировало принцип, согласно которому свобода слова может ограничиваться только в очень редких случаях, обеспечив почти абсолютный примат свободы слова над другими правами и интересами [7, с. 261]. И хотя право на защиту репутации исторически считается одним из фундаментальных прав, после еще одного значимого дела («Paul v. Davis»), по которому суд решил, что репутация сама по себе не выражает интерес «свободы» или «собственности», защищаемый Четырнадцатой Поправкой к Конституции США, конституционная важность права на защиту репутации была понижена<sup>11</sup>.

Дело «New York Times Co. v. Sullivan», а также последовавшие за ним дела определили облик США как страны с неограниченной свободой слова. В современной американской судебной практике диффамационные иски от политиков, кинозвезд, известных бизнесменов – большая редкость, несмотря на обилие критики и оскорбительных высказываний в их адрес. Это связано с тем, что у данной категории истцов фактически нет шансов выиграть дело. Более того, на сегодняшний день в 31 штате США действуют т. н. *Anti-SLAPP* законы (*SLAPP* – *Strategic lawsuit against public participation* – стратегический иск против участия общественности)<sup>12</sup>, которые позволяют обвиняемым в диффамации подать ходатайство об отклонении иска *SLAPP* до начала судебного разбирательства и взыскать с истца компенсацию расходов на адвоката, если суд примет решение в их пользу<sup>13</sup>.

Заметим, что испытавший на себе массивную критику в СМИ президент США Д. Трамп предпринимал безуспешные попытки возвращения американского диффамационного права к уровню британского в части защиты свободы слова. Однако даже если бы Конгресс США вдруг принял подобный

<sup>9</sup> Lachaux (Respondent) v Independent Print Ltd and another (Appellants) // The Supreme Court. Режим доступа: <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2017-0175-judgment.pdf> (дата обращения: 11.03.2021).

<sup>10</sup> New York Times Co. v. Sullivan // Justia. Режим доступа: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/376/254/> (дата обращения: 11.03.2021).

<sup>11</sup> Paul v. Davis // Justia. Режим доступа: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/424/693/> (дата обращения: 11.03.2021).

<sup>12</sup> Речь идет о том, что богатые и влиятельные люди могут использовать судебные разбирательства для давления на своих оппонентов. Иск *SLAPP* имеет цель заставить замолчать критиков, обременяя их расходами на юридическую защиту до тех пор, пока они не уступят и не откажутся от своих высказываний.

<sup>13</sup> Vining A., Matthews S. Overview of Anti-SLAPP laws // Reporters Committee for Freedom of the Press. Режим доступа: <https://www.rcfp.org/introduction-anti-slapp-guide/> (дата обращения: 11.03.2021).

закон, такой акт вряд ли мог быть признан конституционным в смысле распределения полномочий между штатами и федеральным центром, поскольку деликтное право в США находится в ведении штатов.

### Особенности защиты чести, достоинства и деловой репутации в странах континентального права

В странах континентальной правовой семьи распространение сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, является прежде всего основанием для применения норм уголовного права [8, с. 15]. При этом в большинстве стран оскорбление, диффамация и клевета квалифицируются как преступления небольшой степени тяжести [9, с. 170]. Исключением является Германия, где за данные деяния может быть назначен немалый срок.

Так, согласно параграфу 186 «Злобные сплетни» (*Üble Nachrede*) Уголовного кодекса Германии (*Strafgesetzbuch*), любое лицо, утверждающее или распространяющее о другом лице факт, который может опорочить его или отрицательно повлиять на общественное мнение о нем, если этот факт не может быть доказан, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок до одного года или штрафа, а если преступление было совершено публично или путем распространения письменной информации – к лишению свободы на срок до двух лет или штрафу. Если же эти сведения распространялись как заведомо ложные, то применяется параграф 187 «Клевета» (*Verleumdung*), устанавливающий за намеренное причинение вреда репутации и кредитоспособности лица лишение свободы на срок до пяти лет (или более высокий, по сравнению с санкцией параграфа 186, штраф). Отдельной статьей предусматривается санкция за диффамацию лиц, занимающихся политической деятельностью. Параграф 188 «Злобные сплетни и клевета на лиц политической арены» (*Üble Nachrede und Verleumdung gegen Personen des politischen Lebens*) предусматривает в таком случае наказание исключительно в форме лишения свободы сроком от трех месяцев до пяти лет<sup>14</sup>.

Защита экономических интересов, сопряженных с деловой репутацией, возможна в Германии также в гражданско-правовом порядке. Согласно параграфу 824 «Кредитная опасность» (*Kreditgefährdung*) Гражданского уложения Германии (*Bürgerliches Gesetzbuch*), лицо, которое утверждает или распространяет не соответствующие действительности сведения, подрывающие кредитоспособность другого лица либо наносящие иной вред его предпринимательской деятельности или источнику средств существования, обязано возместить ему причиненный вред, если оно знало или

не знало, но должно было знать, о ложности распространяемых сведений. От обязанности возместить вред лицо освобождается, если оно само или адресат его сообщения были правомерно заинтересованы в получении такого сообщения<sup>15</sup>.

При рассмотрении дел о диффамации немецкие суды в дополнение к установлению того, соответствует ли какое-либо выражение истине и имеет ли оно непосредственное отношение к истцу, оценивают степень влияния этого выражения на формирование общественного мнения. Кроме того, важным является определение оценочного характера суждения, т. е. выражение собственного мнения не запрещается [10, с. 335; 11].

### Заключение

Правовое обеспечение защиты чести, достоинства и деловой репутации в зарубежных правовых порядках характеризуется неоднородностью правовых подходов. С точки зрения зарубежного опыта нормативного обеспечения и правоприменения, можно установить определение следующих видов диффамации:

- диффамация как умышленная клевета: субъект распространяет заведомо недостоверную информацию;
- диффамация как «клевета по неосторожности»: субъект распространяет неподтвержденную информацию;
- «достоверная диффамация»: субъект распространяет порочащие сведения, соответствующие действительности.

Для каждого из перечисленных случаев зарубежное законодательство и прецедентная практика предусматривают различные правовые последствия, размер возможных санкций, процедурные особенности рассмотрения требований потерпевших. Одно из основных отличий состоит в том, что в странах англосаксонского права регулирование диффамации осуществляется преимущественно в рамках гражданского законодательства, в то время как в странах континентального права существенный акцент сделан на уголовно-правовой защите. Особенно ярко данное отличие проявляется в вопросе защиты репутации политических деятелей.

**Конфликт интересов:** Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

**Критерии авторства:** Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

<sup>14</sup> StGB, Inhaltsverzeichnis – Strafgesetzbuch // StGB.de. Режим доступа: <http://www.stgb.de/gesetzestexte.html> (дата обращения: 11.03.2021).

<sup>15</sup> Bürgerliches Gesetzbuch // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. Режим доступа: <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> (дата обращения: 11.03.2021).



## Литература

1. Post R. C. The social foundations of defamation law: reputation and the Constitution // *California Law Review*. 1986. Vol. 74. P. 691–742. DOI: 10.15779/Z389XSF
2. Banks S. *Duels and duelling*. Oxford: Shire Publications, 2012. 56 p.
3. Самородов Д. А. Понятие неприкосновенности чести и достоинства в законодательствах Великобритании, Франции, США, Германии и России // *Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки*. 2016. № 2. С. 40–47.
4. Арямов А. А., Пономаренко В. С. Исторический экскурс в проблему защиты чести (юридическое наследие европейских народов) // *Известия высших учебных заведений. Уральский регион*. 2010. № 1. С. 14–22.
5. Бумажкина А. В., Мордохов Г. Ю. Защита чести, достоинства и деловой репутации субъектов политики по российскому и английскому законодательству // *Юридическая мысль*. 2019. № 2-3. С. 15–23. DOI: 10.25839/MATGIP.2019.15.03.024
6. Орешкина М. Г. Ответственность за диффамацию по праву США // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. Реферативный журнал*. 1998. № 4. С. 171–174.
7. Перова Н. А. Ограничения свободы слова и защита права на достоинство и репутацию в судебной практике Великобритании и США // *Вестник МГИМО-Университета*. 2011. № 4. С. 261–267.
8. Архиреев Н. В. Гражданско-правовая защита деловой репутации юридических лиц в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. 34 с.
9. Кирилленко В. П., Алексеев Г. В. Проблемы гармонизации европейского и российского законодательства о диффамации // *Lex Russica*. 2019. № 9. С. 168–182. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.154.9.168-182
10. Егорова М. А., Крылов В. Г., Романов А. К. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве / отв. ред. М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2017. 374 с.
11. Бехметьев А. Е. Защита чести и достоинства от публикаций типа Панамского скандала // *Коммерческие споры*. 2016. № 2. Режим доступа: <https://www.top-personal.ru/komsporissue.html?23> (дата обращения: 11.03.2021).

original article

## Foreign Experience of Legal Support for the Protection of Honor, Dignity, and Business Reputation

Ekaterina B. Abakumova

Novosibirsk military Institute named after general of the Army  
I. K. Yakovlev of National Guard Troops of the Russian Federation;  
Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Russia,  
Novosibirsk; civilization1981@mail.ru

Dmitry Yu. Tarasov

Novosibirsk military Institute named after general of the Army  
I. K. Yakovlev of National Guard Troops of the Russian Federation, Russia,  
Novosibirsk

Alexey V. Komissarov

Novosibirsk military Institute named after general of the Army  
I. K. Yakovlev of National Guard Troops of the Russian Federation, Russia,  
Novosibirsk

Received 19 May 2021. Accepted 17 Jun 2021.

**Abstract:** The article examines the concept and development of legal relations in the field of the protection of honor, dignity, and business reputation in foreign legislation, where they are part of the legal institution of defamation. The research involved the formal-legal and comparative-legal techniques based on the principles of historicism and objectivity. The article features a retrospective summary of theoretical, normative, and practical approaches to the conceptual application of the institute of defamation in the countries of the Anglo-Saxon and continental law. The Anglo-American defamation law is formed both within the general and statutory framework. Special legislative acts of the United Kingdom define the conditions (criteria) for classifying these legal relations as essentially defamatory. The peculiarities of the continental defamation law can be attributed to its mainly criminal-legal regulatory component, rather than civil or administrative law. The comparative legal review of the foreign experience of legal support for the protection of honor, dignity, and business reputation proved relevant and practically significant.

**Keywords:** defamation, Anglo-American defamation law, continental defamation law, moral harm, dissemination of defamatory information, privileges in defamation law, freedom of speech, Anti-SLAPP laws



**Citation:** Abakumova E. B., Komissarov A. V., Tarasov D. Yu. Foreign Experience of Legal Support for the Protection of Honor, Dignity, and Business Reputation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2021, 5(2): 148–154. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-2-148-154>

**Conflict of interests:** The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

**Contribution:** All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

## References

1. Post R. C. The social foundations of defamation law: reputation and the Constitution. *California Law Review*, 1986, 74: 691–742. DOI: 10.15779/Z389X5F
2. Banks S. *Duels and duelling*. Oxford: Shire Publications, 2012, 56.
3. Samorodov D. A. The concept of the inviolability of honor and dignity in the laws of Great Britain, France, USA, Germany and Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S. Yu. Witte. Seriya 2. Yuridicheskie nauki*, 2016, (2): 40–47. (In Russ.)
4. Aryamov A. A., Ponomarenko V. S. The historical excursion into the problem of safety of personal honour (juridical legacy of European people). *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Uralskii region*, 2010, (1): 14–22. (In Russ.)
5. Bumazhkina A. V., Mordokhov G. Yu. Protection of honor, dignity and business reputation subjects of politics in Russian and English legislation. *Legal thought*, 2019, (2-3): 15–23. (In Russ.) DOI: 10.25839/MATGIP.2019.15.03.024
6. Oreshkina M. G. Responsibility for defamation under the law of the USA. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo. Referativnyi zhurnal*, 1998, (4): 171–174. (In Russ.)
7. Perova N. A. Restrictions on freedom of speech and protection of the right to dignity and reputation in the judicial practice of Great Britain and the USA. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2011, (4): 261–267. (In Russ.)
8. Arkhιεreev N. V. *Civil-legal protection of business reputation of legal entities in the Russian Federation*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Abstr. Ekaterinburg, 2017, 34. (In Russ.)
9. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Problems of harmonization of European and Russian legislation on defamation. *Lex Russica*, 2019, (9): 168–182. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2019.154.9.168-182
10. Egorova M. A., Krylov V. G., Romanov A. K. *Tort obligations and tort liability in the English, German and French law*, ed. Egorova M. A. Moscow: Iustitsinform, 2017, 374. (In Russ.)
11. Bekhmetev A. E. Protection of honor and dignity from publications type the Panama scandal. *Kommercheskie spory*, 2016, (2). Available at: <https://www.top-personal.ru/komsporissue.html?23> (accessed 11 Mar 2021). (In Russ.)

оригинальная статья

УДК 341.01

## Антироссийские санкции как предпосылка расширения международного научно-технического сотрудничества с азиатскими странами

Евгений Сергеевич Аничкин

Алтайский государственный университет, Россия, г. Барнаул;

trd231@rambler.ru

Алексей Юрьевич Резинкин

Алтайский государственный медицинский университет, Россия,

г. Барнаул

Поступила в редакцию 13.05.2021. Принята в печать 04.06.2021.

**Аннотация:** Рассматривается сфера международного научно-технического сотрудничества РФ с зарубежными государствами в условиях действия антироссийских санкций. Предмет исследования – политические и экономические санкции, которые определяют выстраивание современного сотрудничества в научно-технической области. Описывается категория *санкции*, выделяются их основные виды, причины введения, дается их общая характеристика. Отмечается секторальная и избирательная основа санкций, опосредованный характер их влияния на сферу международного научно-технического сотрудничества России. В санкционной парадигме установлено отсутствие научно-технологических санкций как особого вида. Указываются отражающиеся на сфере международного научно-технического сотрудничества последствия введенных политико-экономических санкций, проявляющиеся, в частности, в ограничении возможности покупки и доставки реактивов и высокотехнологичного оборудования для проведения научных исследований; в сокращении источников финансирования из зарубежных фондов ввиду сокращения их количества; в сужении тематического разнообразия научно-исследовательских проектов и программ; в снижении академической мобильности из-за ужесточения визового режима. Выделяются два направления с соответствующими механизмами противодействия санкционной политике: политико-правовое и правовое. В рамках первого предлагаются разработка диверсифицированной государственной политики развития международного научно-технического сотрудничества, выбор конкретного вектора развития, публичная научная дипломатия. Обосновывается необходимость фокусировки выстраивания сотрудничества в приоритетном порядке между партнерскими государствами – членами Шанхайской организации сотрудничества. К правовому направлению авторы относят такие механизмы противодействия санкционной политике, как нормативное регулирование в виде издания соответствующих нормативно-правовых актов, приостановление действия международных соглашений и договоров в сфере международного научно-технического сотрудничества или их аннулирование, введение контрсанкций, международный арбитраж (судебное оспаривание санкций).

**Ключевые слова:** контрсанкции, международное публичное право, Шанхайская организация сотрудничества, публичная научная дипломатия, правовое регулирование

**Цитирование:** Аничкин Е. С., Резинкин А. Ю. Антироссийские санкции как предпосылка расширения международного научно-технического сотрудничества с азиатскими странами // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. Т. 5. № 2. С. 155–164. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-2-155-164>

### Введение

В отношении России с 2014 г. рядом западных государств проводится активная санкционная политика. Вводимые санкции, с одной стороны, носят политико-экономический характер, с другой – косвенно отражаются почти на всех сферах общественной жизни внутри страны. Санкции оказывают влияние и на развитие международных связей в различных областях, в том числе в сфере международного научно-технического сотрудничества.

Понятие *санкции* благодаря возможностям широкого и разностороннего толкования в последние годы стало все чаще употребляться в политическом, экономическом и международно-правовом дискурсах. Что касается правового дискурса, общеизвестно, что структура правовой нормы включает три взаимосвязанных элемента: гипотезу,

диспозицию, санкцию. Как указывает М. Г. Ахметов применительно к международным актам, гипотеза – это описание нарушения норм международного права, например, по территориальным вопросам и вмешательству во внутренние дела другого государства, диспозиция – правила поведения участников конфликта, международно-правовые санкции – коллективные или односторонние принудительные меры, применяемые государствами или международными организациями к государству-правонарушителю [1, с. 28]. Как видно, в правовом дискурсе санкция трактуется, прежде всего, как структурная часть правовой нормы, которая содержит указание на возможные меры государственного воздействия на нарушителя. Санкция является государственно-предохранительной мерой, применяемой

к правонарушителю и влекущей для него определенные неблагоприятные последствия, и выступает юридической гарантией достижения целей правового регулирования, предотвращения и искоренения правонарушений.

По утверждению Н. А. Ушакова, проблема юридической природы международно-правовых (международных) санкций является весьма острой и актуальной, поскольку они призваны обеспечить поддержание должного международного правопорядка, строгое и неуклонное соблюдение международно-правовых предписаний, эффективность регулирования международных отношений [2, с. 146, 147]. В международном публичном праве отсутствует договорное или обычно-правовое определение понятия *санкции*. Под санкциями в большинстве случаев понимают различные меры политического воздействия, которые одно государство оказывает на другое государство.

В доктрине международного публичного права обычно выделяют такие типовые виды санкций, как сатисфакция, реституция, репарация, репрессалии, реторсии [2, с. 142, 143]. Е. В. Охотский отмечает довольно обширную номенклатуру международных санкций, которые бывают законными и односторонне надправовыми, не предусмотренными нормами международного права; процессуально легитимными и установленными в обход действующему порядку введения и реализации; секторальными, точечными и индивидуальными. По содержанию санкции подразделяются на политические, юридические, экономические, финансово-банковские, коммерческо-торговые, научно-культурные [3, с. 206].

При этом следует отметить, что в юридической науке пока не выработано единого общепризнанного понятия *международная санкция*. В трактовке ООН это принудительные меры политического, торгово-экономического, управленческого, пропагандистско-идеологического характера, принимаемые Советом Безопасности в установленной процессуальной форме по отношению к государству (части его территории, определенным отраслям и компаниям, физическим лицам), которое отказывается исполнять обязанности, вытекающие из правоотношений международной ответственности<sup>1</sup>.

Ограничительные меры в отношении РФ со стороны США и их европейских союзников, вводимые с 2014 г. по настоящее время, касаются вопросов присоединения Крыма и ситуации на Украине, участия России в трагических событиях на Донбассе, уничтожения в июле 2014 г. малайзийского самолета *Boeing 777* над Донбассом, нарушения Минских соглашений, применения химического оружия в Сирии, отравления семьи Скрипалей в г. Солсбери, газовых трубопроводных проектов, нераспространения оружия массового уничтожения, нарушения прав человека, режима санкций против третьих стран (Венесуэла, КНДР и др.), кибербезопасности и российского влияния на президентские выборы в США в 2016 г. [4]<sup>2</sup>.

Санкции принимают различные формы, которые постоянно расширяются и затрагивают практически все сферы жизнедеятельности государства и общества. Исследователями выделяются шесть основных разновидностей международных санкций:

- коммерческие, или торговые (эмбарго);
- финансовые (ограничение в совершении финансовых операций, вложении инвестиций);
- дипломатические (аннулирование дипломатических виз, отстранение сотрудников дипломатических представительств);
- спортивные и культурные (запрет на участие в мероприятиях);
- процессуальные (наложение запрета на право голоса, исключение из международных организаций);
- в отношении перемещения граждан (запрет на въезд в страну) [5, с. 41, 42].

Е. Н. Смирнов указывает, что с государством, находящимся под санкциями, может происходить полное прекращение или ограничение научно-исследовательских, образовательных, гуманитарных, религиозных, культурных и других контактов [4].

#### Теоретические основы

Санкционная политика так или иначе влияет практически на все сферы общественной жизни, в том числе вызывает риски и часто негативно сказывается на внутреннем научно-технологическом развитии страны, а также на выстраивании международного научно-технического сотрудничества (МНТС) не только с западными партнерами, но и с партнерами самой широкой географии. Санкции политического и экономического характера, уже на постоянной основе вводимые против России, затрагивают в определенной мере и развитие ее научно-технологического и производственного комплексов, включая технологическую базу и участие нашей страны в МНТС как таковом.

В современных условиях научно-технологическое развитие государств не может быть изолированным. Как нами уже отмечалось в других работах, одним из важных факторов выстраивания МНТС между государствами является политический фактор. Говоря о его внешней стороне, необходимо подчеркнуть сложившуюся в современном мире общую геополитическую напряженность, санкционную политику и «торговые войны», что, несомненно, вызывает отрицательный «деформирующий» эффект в развитии МНТС [6, с. 104]. Хотя в своей сущности данные меры имеют экономическую природу, они выступают геополитическим средством борьбы за мировые ресурсы и глобальное влияние.

МНТС, бесспорно, является существенным фактором прогрессивного развития научно-технологического и производственного комплекса любой страны, но оно

<sup>1</sup> Устав ООН. Ст. 5, 6, 40, 41 // ООН. Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 28.01.2021).

<sup>2</sup> Тимофеев И. Н. Санкции против России: взгляд в 2021 г.: доклад 65/2021. М.: НП РСМД, 2021. С. 10.

не свободно от воздействия геополитических факторов, вносящих определенные затруднения и приводящих к его частичной деформации. События последних лет, нашедшие проявление в волне санкций и контрсанкций, в которую вовлечена Россия, побуждают к переосмыслению закономерностей МНТС в целом и МНТС с участием России в частности.

Следует указать, что вводимые в отношении России санкции политического и экономического характера практически всегда носят опосредованный характер, т. е. по своей природе зачастую косвенно влияют на МНТС России. Можно отметить латентное функциональное «перетекание» экономических и политических санкций в сферу МНТС. В санкционном перечне, однако, отсутствует конкретный вид научно-технологических санкций. Подтверждением тому является ряд экспертных мнений. Так, президент РАН А. М. Сергеев в интервью неоднократно заявлял, что «западные санкции не распространяются на сотрудничество России с другими странами в области науки, кроме "особо чувствительных мест", наподобие национальных лабораторий США»<sup>3</sup>. По его мнению, «за границей понимают, что не надо распространять санкции на исследовательскую деятельность. Наука, культура должны быть вне санкций, это "мосты" для сотрудничества, которые укрепляют связи между странами»<sup>4</sup>. Экс-министр науки и высшего образования М. М. Котюков в одном из интервью Парламентской газете утверждал, что, несмотря на санкции, международное научное сотрудничество расширяется<sup>5</sup>.

И. Г. Дежина считает, что с начала введения санкций в 2014 г. до сегодняшнего дня нет достоверных данных о том, действительно ли санкции существенным образом сказались на ученых, привели ли они к осложнениям и явным ограничениям в развитии МНТС. Исследователь отмечает, что к последствиям введенных политико-экономических санкций можно отнести ограничения в возможности покупки и доставки реактивов для проведения научных исследований, а также высокотехнологичного оборудования, ранее закупавшихся в странах, которые ввели санкции. При этом санкции вряд ли серьезно сказались на самом предмете исследования, на формулировании исследовательской задачи и описании ее результатов [7].

В свою очередь в результате контрсанкций и после вступления в силу законов об иностранных агентах<sup>6</sup> и нежелательных организациях<sup>7</sup>, представительства целого ряда зарубежных фондов (в первую очередь американских) вынуждены были уйти из России. За этим последовало сокращение источников финансирования из зарубежных фондов, что в некоторой степени привело к сужению тематического разнообразия научно-исследовательских проектов и программ. Сократилось участие в международных научных и практических конференциях, несколько изменилась психологическая атмосфера внутри международных научных коллабораций [7]. С ужесточением визового режима осложняются возможности академической мобильности для ученых с целью проведения исследований за рубежом, а также обмена опытом и лучшими практиками с зарубежными коллегами, в том числе в рамках участия в разноформатных научных мероприятиях (форумах, съездах, симпозиумах, конференциях и т. п.).

Вводимые против России санкции имеют секторальную основу и в сфере, например, российско-американских и российско-европейских отношений носят избирательный характер, что говорит о частичной деформации МНТС. Примерами продолжающегося сотрудничества выступают Соглашение о сотрудничестве в области научных, инженерных и медицинских исследований между Российской академией наук и Национальной академией США<sup>8</sup> и Соглашение о сотрудничестве в различных областях исследований, связанных с COVID-19<sup>9</sup>. Предусматривается сотрудничество в сфере космических исследований, медицины, энергетики и т. д.

Санкции ЕС практически не оказывают существенного влияния, на участие России в проектах класса Мегасайенс. РФ вносит существенный интеллектуальный, организационный и финансовый вклад в реализацию важнейших международных исследовательских проектов, таких как Большой адронный коллайдер Европейской организации ядерных исследований, Европейский рентгеновский лазер на свободных электронах, Центр по исследованию ионов и антипротонов в Европе, Европейский центр синхротронных исследований, Международный термоядерный экспериментальный реактор. Во многих из них Россия является ключевым участником.

<sup>3</sup> Санкции не мешают международному научному сотрудничеству, заявил глава РАН // РИА Новости. 13.10.2017. Режим доступа: <https://ria.ru/20171013/1506780049.html> (дата обращения: 07.02.2021).

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Филиппова Е. Котюков: международное научное сотрудничество в условиях санкций продолжает расширяться // Парламентская газета. 11.09.2019. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/social/kotyukov-mezhdunarodnoe-nauchnoe-sotrudnichestvo-v-usloviyakh-sankciy-prodolzhaet-rasshiryatsya.html> (дата обращения: 07.02.2021).

<sup>6</sup> О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. ФЗ от 20.07.2012 № 121-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

<sup>7</sup> О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации. ФЗ от 28.12.2012 № 272-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

<sup>8</sup> РАН и Нацкакадемия наук США подписали соглашение о сотрудничестве // ТАСС. 13.03.2019. Режим доступа: <https://nauka.tass.ru/nauka/6210819> (дата обращения: 07.02.2021).

<sup>9</sup> Беленицкая О., Пензина А. Новое соглашение между РАН и Академией наук США – подписание // Научная Россия. 30.07.2020. Режим доступа: <https://scientificrussia.ru/news/novoe-soglashenie-o-sotrudnichestve-mezhdu-ran-i-nan-ssha> (дата обращения: 07.02.2021).



Таким образом, вводимые в отношении России санкции не являются по своей сути санкциями научно-технологического характера. Это касается и контрсанкций со стороны России. Так, в законе «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств»<sup>10</sup>, употребляются термины *экономические санкции* и *политические санкции* (п. 1 ст. 1) и не указаны научные или технологические санкции. В ст. 2 Закона среди устанавливаемых мер воздействия (противодействия) отсутствуют как вид научно-технологические санкции. Подходящей по смыслу санкцией в этой связи может выступать только общее положение п. 1 ст. 2, предполагающее прекращение или приостановление международного сотрудничества РФ, к которому можно отнести и научно-техническое сотрудничество.

Все же следует отметить, что санкции, хотя и опосредованно и косвенно, но все же негативно могут сказываться на развитии МНТС России. А некоторые категории санкций (ограничение импорта технологий и др.) могут являться существенным способом как замедления научно-технологического развития и подрыва технологического потенциала тех государств, против которых они направлены, так и сильным тормозом в развитии МНТС. В данном контексте актуальным становится вопрос о системном противодействии со стороны России многовекторной санкционной политике ряда зарубежных государств. На этом основании считаем необходимым выделить два направления с соответствующими механизмами противодействия санкционной политике: политико-правовое и правовое.

#### **Политико-правовое направление противодействия санкционной политике**

К политико-правовому направлению мы относим диверсифицированную государственную политику развития МНТС, выбор конкретного вектора развития (в частности азиатский вектор), научную дипломатию. Для выстраивания качественной диверсифицированной государственной политики развития МНТС необходимо изначально на концептуальном уровне осмыслить санкции как фактор, осложняющий сотрудничество по тем или иным тематическим направлениям в рамках тех или иных его форм, и выделить специальное направление государственной политики России, которое будет призвано обеспечить высокую динамику и глубину МНТС с учетом возможного негативного воздействия санкций. В дальнейшем следует определить концептуальную модель государственной политики России в сфере МНТС, адаптированную к условиям санкций в разрезе блока взаимосвязанных вопросов, касающихся ее природы, концептуальных, стратегических, политико-правовых основ, механизма формирования

и реализации, вопросов определения содержания санкций и контрмер, установленных особенностей санкционных барьеров как особой категории препятствий в МНТС и т. п.

В условиях турбулентности глобальной политики происходит изменение подхода к государственной политике в сфере МНТС. Последняя должна быть проактивной (инновационной), т. е. предполагающей на основе опережающего прогнозирования (форсайта) последствий санкционных ограничений в международных отношениях в сфере науки, технологий и инноваций своевременное и адекватное использование целого спектра имеющихся или новых средств.

Важно выработать концепцию системы государственной политики России в сфере МНТС, направленную на обеспечение устойчивых международных связей в сфере науки, технологий и инноваций в контексте разнообразных неблагоприятных факторов, связанных с санкциями. Необходим и соответствующий сценарий преодоления и (или) ослабления международных санкционных ограничений, затрагивающих сферы международного научно-технического сотрудничества, в качестве совокупности возможных мер государственной политики России в сфере МНТС. Диверсифицированная государственная политика в сфере МНТС должна предполагать выбор вектора сотрудничества, выстраивание партнерских отношений с конкретными акторами с ориентацией на геополитический, экономический, исторический, географический и другие факторы.

Е. В. Охотский подчеркивает происходящую в последнее время смену приоритетов международного сотрудничества России, появление многовекторного партнерства [3, с. 212]. В этой связи можно отметить, что после введения западных антироссийских санкций в 2014 г. перед Россией и другими странами открылись новые горизонты, что привело к «восточному повороту» российской политики и резкому потеплению отношений. Особую актуальность, на наш взгляд, приобретает ставший в последние десятилетия трендом азиатский вектор международного сотрудничества России в самых разных областях, включая МНТС. В азиатском регионе у РФ имеются хорошие перспективы международного сотрудничества как в двустороннем формате, так и по линии межгосударственных объединений.

В Концепции международного научно-технического сотрудничества РФ подчеркивается, что на межрегиональном и региональном уровне МНТС осуществляется в приоритетном порядке с государствами-членами экономических и политических интеграционных объединений на постсоветском пространстве (СНГ, ЕАЭС, ОДКБ и Союзное государство России и Белоруссии), в рамках организаций, участницей которых она является (ШОС, БРИКС, АТЭС, АСЕМ, СБЕР), а также во взаимодействии с другими международными

<sup>10</sup> О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств. ФЗ от 04.06.2018 № 127-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

структурами и торгово-экономическими форматами (ЕС, АСЕАН, МЕРКОСУР, Африканским союзом и др.)<sup>11</sup>. Цель такого сотрудничества – гармонизация правовых норм и координация научно-технических мероприятий ради обеспечения целей, задач и приоритетов МНТС России и реализации глобальной научно-технической повестки, связанной с преодолением «больших вызовов», к числу которых сегодня можно отнести и санкции.

Представляется, что для эффективного противодействия западной санкционной политике России необходимо сфокусировать выстраивание МНТС в приоритетном порядке между партнерскими государствами-членами ШОС, сотрудничество с которыми обладает сильным потенциалом и базируется на Соглашении о научно-техническом сотрудничестве<sup>12</sup>. Это взаимодействие может поддерживаться и по другим направлениям (экономическому, финансовому, гуманитарному, в сфере безопасности и др.) по линии «родственных по духу» интеграционных объединений, в которые входят некоторые страны-участницы ШОС (СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, БРИКС, АСЕАН и др.). Для этого требуется усилить координацию в сфере научного и научно-технического сотрудничества и разработать механизм консолидированного противодействия попыткам третьих стран нарушить имеющуюся и формирующуюся новую научную и научно-техническую коллаборацию в ШОС.

Перспективными партнерами для России в сфере МНТС в рамках ШОС могут выступать Китай и ставшая в 2017 г. полноправным членом ШОС Индия. С этими странами у России на постоянной основе проходят встречи как в двустороннем формате, так и на международных площадках ООН, ШОС, БРИКС, АТЭС. Данные государства в своих регионах, а в последнее время и в мире, бесспорно, являются крупными активно развивающимися инновационными экономиками.

Разноформатное сотрудничество России с Китаем и Индией в различных областях постоянно растет. Работают комплексные программы сотрудничества в области науки, техники и инноваций. Активно реализуются многомиллиардные проекты по самым разным направлениям (энергетика, сельское хозяйство, военное дело и др.), в основе которых лежит научное и технологическое взаимодействие. Если на начальном этапе введения санкций (условно в 2014–2017 гг.) санкции вводились непосредственно в отношении различных российских акторов, то в дальнейшем они стали распространяться на партнеров России, в том числе на Китай и Индию, что стало негативно отражаться

на заключении новых и исполнении уже действующих соглашений, меморандумов, договоров в разных сферах сотрудничества между Россией и зарубежными партнерскими государствами, а также негативно влиять на выстраиваемое сотрудничество в сфере МНТС.

Для России наибольший интерес на современном этапе может иметь научное и технологическое сотрудничество в рамках ШОС с Китаем, которое может поспособствовать стимулированию формирования крупных отечественных инновационных компаний. Как указывает И. Н. Тимофеев, в американских доктринальных источниках Китай и Россия рассматриваются в одном ряду в качестве ключевой угрозы безопасности США, которые пытаются сдерживать развитие КНР, вводя различные торговые пошлины на импорт товаров из Китая. Поэтому отдельные режимы санкций против КНР могут применяться и в отношении России и наоборот<sup>13</sup>. Санкции в отношении одной страны могут рикошетом отражаться на другой.

О том, что поток санкций не только не прекратится в ближайшее время, но и будет нарастать, свидетельствует тезис президента США Дж. Байдена, озвученный им в ходе визита 5 марта 2021 г. в Государственный департамент: «мы не будем стесняться увеличивать давление на Россию, защищая наши ценности и наш народ»<sup>14</sup>. И это не только слова: 21 декабря 2020 г. Министерство торговли США ввело дополнительные экспортные ограничения против ведомств и компаний из России и Китая, связанных с оборонной промышленностью, в целях контроля за привлечением американских технологий в реализацию военных программ США. Отныне для экспорта, реэкспорта или передачи отдельных товаров будет необходимо получение лицензии.

Несмотря на постепенное снижение интенсивности торговой войны между США и Китаем и подписание первой фазы т. н. торговой сделки, американская сторона продолжает активно применять санкции в отношении китайских производителей. Наиболее характерными кейсами стали санкции в отношении китайского технологического гиганта *Huawei* (компания включена в «черный список» Министерства торговли США) и компании *COSCO Shipping Tanker* (включена в список *SDN* Министерства финансов США). Указ президента США «О защите цепей поставок информационных и коммуникационных технологий и служб», предусматривающий возможность санкций в отношении компаний в сфере информационных технологий, хотя прямо и не направленный против КНР, создает сложности в первую очередь для китайских компаний, ограничивая возможности

<sup>11</sup> Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации. Одобрена решением Правительства РФ от 08.02.2019 № ТГ-П8-952 // СПС КонсультантПлюс.

<sup>12</sup> Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о научно-техническом сотрудничестве // Кодекс. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/499074151> (дата обращения: 07.02.2021).

<sup>13</sup> Тимофеев И. Н. Санкции против России... С. 18.

<sup>14</sup> Наумов А. Америка вернулась // Коммерсантъ. 05.02.2021. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4674129> (дата обращения: 07.02.2021).

трансфера технологий и сдерживая рост конкуренции в IT-сфере со стороны КНР<sup>15</sup>.

В этой связи активизация научно-технологического сотрудничества с Китаем приобретает особую актуальность. Как отмечает И. В. Данилин, взаимодействие России и Китая особенно активизировалось с 2017–2018 гг., когда «технологическая война» США и Китая ограничила кооперацию с Западом и выявила целый ряд пробелов в структуре научно-технологических компетенций КНР. В этих условиях Россия оказалась в фокусе внимания китайских властей и компаний. Дополнительным стимулом стало политическое сближение стран, хорошие личные отношения лидеров, программы развития северо-востока КНР, где все еще сохраняется память об активной промышленно-технологической кооперации с СССР. Итогом стал рост интенсивности МНТС – преимущественно в сфере цифровых технологий, прежде всего, по линии *Huawei* [8, с. 389].

По оценкам экспертов Сколково, к РФ возрос интерес и со стороны частных китайских венчурных фондов и технологических предприятий (контрактные работы, закупки продукции и услуг). Созданы Российско-китайский венчурный фонд (100 млн долларов) и Российско-китайский научно-технический инновационный фонд (1 млрд долларов), Российско-китайский молодежный бизнес-инкубатор.

Активность проявляют институты развития и госкомпании РФ. Прозвучали заявления о китайских инвестициях в Сколково, Технологическую долину МГУ, технопарк «Тушино». Активизировалась РАН, подписавшая в июне 2018 г. в присутствии глав государств новое Соглашение о сотрудничестве с Академией наук Китая, а в июле 2019 г. – «дорожную карту» совместных исследований. Более 30 институтов РАН осуществляют сотрудничество с различными научными организациями Китая в рамках межинститутских договоров [9, с. 113].

Таким образом, большее фокусирование внимания России и Китая на взаимодействии в сфере науки и технологий при наличии опыта успешного взаимодействия как в двустороннем формате, так и по линии ШОС, позволяет государствам развивать научно-техническое сотрудничество в условиях санкционного режима со стороны третьих стран и преодолевать таким образом санкционные барьеры.

Составной частью политико-правового направления является публичная научная дипломатия, выступающая как средство смягчения санкций. Можно говорить о необходимости применения этого элемента мягкой силы для борьбы с санкциями. Необходима активизация научной дипломатии с целью сохранения имеющихся форматов

МНТС со странами, применяющими санкции, и реализации дополнительных направлений межгосударственного сотрудничества. Дополнительные направления могли бы компенсировать сокращение возможностей взаимодействия в рамках тех или форм МНТС (совместные исследования, обмен научной информацией и данными, передача технологий, обмен специалистами) вследствие «веера» санкций, в том числе в отношении технологий и высокотехнологичных компаний. Элементы научной дипломатии находят свое продолжение и в производственно-технологическом сотрудничестве, когда высокотехнологичные компании начинают сотрудничать в условиях запуска механизма временного снятия ограничений. В Мадридской декларации о научной дипломатии подчеркнута независимость науки, ее направленность в формах МНТС на решение глобальных проблем; акцентировано, что идеологические пристрастия не должны быть фактором искажения научного сотрудничества<sup>16</sup>. Отсюда проистекает важность научной дипломатии, способной вопреки санкциям приводить к улучшению общего коллаборационного настроения.

#### Правовое направление противодействия санкционной политике

К правовому направлению мы относим следующие механизмы противодействия санкционной политике: нормативное регулирование в виде издания соответствующих нормативно-правовых актов, приостановление действия международных соглашений и договоров в сфере МНТС или их аннулирование, введение контрсанкций, международный арбитраж (судебное оспаривание санкций).

В 2016 г. Россия приостановила действие межправительственного Соглашения с США о сотрудничестве в научных исследованиях и разработках в ядерной и энергетической сферах<sup>17</sup>. В справке к соответствующему распоряжению Правительства РФ отмечается, что введенные санкции против России непосредственно затронули направления сотрудничества, предусмотренные данным соглашением. В связи с событиями на Украине американская сторона приостановила сотрудничество в области атомной энергетики, отменила двусторонние встречи и мероприятия, аннулировала ранее заключенные контракты, что представляет собой существенное нарушение условий соглашения, целью которого является расширение сотрудничества между сторонами (РФ и США) в научных исследованиях и разработках в ядерной и энергетической сферах и создание для такого сотрудничества стабильной, надежной и предсказуемой основы.

<sup>15</sup> Securing the Information and Communications Technology and Services Supply Chain. Executive order № 13873 of 15 May, 2019 // Federal Register. 17.05.2019. Vol. 84. No. 96; Тимофеев И. Н. Санкции против России... С. 16.

<sup>16</sup> The Madrid Declaration of Science Diplomacy // S4D4C. Режим доступа: <https://www.s4d4c.eu/s4d4c-1st-global-meeting/the-madrid-declaration-on-science-diplomacy/> (дата обращения: 12.02.2021).

<sup>17</sup> О приостановлении действия Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о сотрудничестве в научных исследованиях и разработках в ядерной и энергетической сферах от 16 сентября 2013 г. Распоряжение Правительства РФ от 04.10.2016 № 2072-р // СПС КонсультантПлюс.



В октябре 2016 г. в ответ на санкции подписан закон о приостановлении действия Соглашения между Россией и США об утилизации плутония, а также протоколов к нему<sup>18</sup>. Действие Соглашения приостанавливается в связи с коренным изменением обстоятельств, возникновением угрозы стратегической стабильности в результате недружественных действий США в отношении РФ и неспособностью США обеспечить выполнение принятых обязательств по утилизации избыточного оружейного плутония в соответствии с международными договорами и исходя из необходимости принятия безотлагательных мер по защите безопасности РФ.

4 июня 2018 г. принят закон «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств»<sup>19</sup>. Статьей 2 устанавливаются шесть возможных мер воздействия, которые будут вводиться Правительством РФ:

- прекращение или приостановление международного сотрудничества;
- запрет или ограничение на экспорт продукции и сырья в недружественные иностранные государства;
- запрет или ограничение на импорт продукции и сырья из недружественных иностранных государств;
- запрет или ограничение на участие организаций, находящихся под юрисдикцией таких государств, в приватизации государственного и муниципального имущества;
- запрет или ограничение на участие организаций, находящихся под юрисдикцией недружественных государств в госзакупках;
- иные меры в соответствии с решением президента РФ.

Последний пункт свидетельствует о незакрытом перечне контрсанкций, в числе которых гипотетически могут появиться и научно-технологические. В ГК РФ также предусмотрена возможность ответных мер на санкции. Согласно ст. 1194, «Правительством Российской Федерации могут быть установлены ответные ограничения (реторсии) в отношении имущественных и личных неимущественных прав граждан и юридических лиц тех государств, в которых имеются специальные ограничения имущественных и личных неимущественных прав российских граждан и юридических лиц»<sup>20</sup>.

Следует отметить часто ретроспективный характер правового регулирования санкций. По мнению Н. А. Соколовой, международное нормотворчество в сфере МНТС должно иметь особенность, вызванную необходимостью опережающего правового регулирования, т. е. разработкой международно-правовых норм не в ответ на неблагоприятные

ситуации, а в предвидении их возникновения с целью пресечения пагубных последствий [10, с. 155]. Для этого стоит рассмотреть с учетом практики национального законодательства возможность разработки международного правового документа, который бы регламентировал правовые ситуации с введением санкций и принятием контрсанкционных мер.

Как известно, на высшем международном правовом уровне закреплено, что стороны, участвующие в споре, должны стараться разрешать его путем переговоров, обследований, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или иными мирными средствами. Данные механизмы можно условно разделить на принятые в юридической практике методы досудебного и судебного урегулирования споров. Судебными инстанциями могут быть национальные и международные суды, сторонами судебного разбирательства – физические и юридические лица, государства, против которых введены санкции. В качестве защитников выступают отечественные или зарубежные адвокаты или адвокатские организации. Например, в 2014 г. Евросоюз ввел санкции (визовые запреты и замораживание активов) в связи с ситуацией на Украине в отношении бизнесмена А. Р. Ротенберга и госкомпании «Роснефть», которые подали иски, оспаривающие правомочность данных санкций, в Европейский суд по правам человека. Для защиты своих интересов и оспаривания санкций «Роснефть» наняла базирующуюся в Лондоне юридическую компанию *Zaiwalla & Co.*, ранее выигравшую в суде дело иранского банка *Mellat*, также подвергнутого санкциям в связи с ядерной программой Тегерана<sup>21</sup>.

Оспаривание санкций в судебном порядке часто оказывается проблематичным, потому что отсутствуют как таковые реальные правовые основания для санкций, а решение о принятии санкционных мер носит политический характер. Применяемые санкции зачастую имеют низкие требования к правовым основаниям и их доказыванию, установление в должном объеме составов правонарушений и вины осложнено. Вводящими санкции странами не соблюдается снабженная многочисленными гарантиями международно-правовая процедура, применяются быстрые односторонние санкции в обход разных правовых институтов. Все это затрудняет оспаривание санкций в судебном порядке.

## Заключение

Как позволяют утверждать оценки экспертов, на данный момент перспектив отмены в ближайшем будущем санкционного режима в отношении России не предвидится.

<sup>18</sup> О приостановлении Российской Федерацией действия Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки об утилизации плутония, заявленного как плутоний, не являющийся более необходимым для целей обороны, обращении с ним и сотрудничестве в этой области и протоколов к этому Соглашению. ФЗ от 31.10.2016 № 381-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

<sup>19</sup> О мерах воздействия (противодействия)...

<sup>20</sup> ГК РФ (Ч. 3) от 26.11.2001 №46-ФЗ. Ст. 1194 // СПС КонсультантПлюс.

<sup>21</sup> Оспорить санкции // Актуальные комментарии. 17.10.2014. Режим доступа: [https://actualcomment.ru/osporit\\_sanktsii.html](https://actualcomment.ru/osporit_sanktsii.html) (дата обращения: 12.02.2021).



В этой связи для хеджирования возможных рисков актуальность приобретает ориентация на многовекторное сотрудничество, в том числе в сфере МНТС, с партнерами из дружественных стран. Необходима выработка политики диверсификации МНТС, включающей развитие международной научно-технологической кооперации на основе реализации средств по преодолению и (или) смягчению несанкционных и санкционных барьеров.

Решимость к сотрудничеству приводит к выработке комплекса мер и их реализации на индивидуальной и коллективной основе, направленных на ослабление или устранение санкционных барьеров, которые можно отнести к разновидности больших вызовов и с которыми сталкивается государственная политика России в сфере МНТС, как, впрочем, и внутренняя политика в сфере научно-технологической инициативы. Это может осуществляться, например, посредством согласования внешней и внутренней политики в сфере науки, технологий и инноваций.

Государственная политика РФ в сфере МНТС находится сегодня в ситуации возникающих ограничений санкционного характера. От формирования и проведения эффективной государственной политики России в сфере МНТС, предполагающей ослабление негативных результатов от всеобразных санкций политического и экономического характера, во многом зависит лидерство России в глобальном ландшафте науки и технологий.

Как таковой режим санкций – это среда, в которую оказывается погруженной государственная политика

в сфере МНТС. Санкции в сфере МНТС, либо санкции, перетекающие в данную сферу и отражающиеся на ней, следует рассматривать как один из серьезных вызовов государственной политике России. Более того, данный вызов и возможность ответа на него определяют необходимость выработки политико-правовых и правовых механизмов реагирования и противостояния. Это относится не только к внешней, но и к внутренней научно-технологической политике, в рамках которой должны вырабатываться и реализовываться конкретные инновационные меры. Однако данные меры следует рассматривать не как контрмеры, ведущие к сворачиванию МНТС, а как контрмеры, призванные к его развитию, невзирая на санкционные ограничения.

**Конфликт интересов:** Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

**Финансирование:** Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 18–29–15011 «Принципы, источники и особенности правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества и международной интеграции в области исследований и технологического развития в России и зарубежных странах Шанхайской организации сотрудничества»).

**Критерии авторства:** Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

## Литература

1. Ахметов М. Г. Анализ внешнеэкономических санкций против России: вызовы, угрозы, последствия год спустя // *Международная торговля и торговая политика*. 2015. № 3. С. 27–44.
2. Ушаков Н. А. *Международное право*. М.: Юрист, 2000. 302 с.
3. Охотский Е. В. Россия и Запад: контрсанкционное реагирование // *Международные процессы*. 2016. Т. 14. № 2. С. 202–213. DOI: 10.17994/IT.2016.14.2.45/15
4. Смирнов Е. Н. Научно-методические и практические аспекты применения антироссийских санкций как инструмента внешней политики // *Вестник Евразийской науки*. 2019. Т. 11. № 5. Режим доступа: <https://esj.today/PDF/13ECVNS19.pdf> (дата обращения: 10.02.2021).
5. Логинова И. В., Титаренко Б. А., Саяпин С. Н. Экономические санкции против России // *Актуальные вопросы экономических наук*. 2015. № 47. С. 38–44.
6. Резинкин А. Ю. Пути преодоления преград развитию международного научно-технического сотрудничества государств – членов ШОС // *Российско-Азиатский правовой журнал*. 2020. № 2. С. 103–107. DOI: 10.14258/ralj(2020)2.15
7. Dezhina I. G. Russian-French scientific collaboration: approaches and mutual attitudes // *Sociology of Science and Technology*. 2018. Vol. 9. No. 1. P. 101–115.
8. Данилин И. В. Состояние и вызовы развитию научно-технологического сотрудничества России и КНР // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2020. Т. 11. № 4. С. 384–397. DOI: 10.18184/2079-4665.2020.11.4.384-397
9. Пикалова А. Г., Насыбулина Е. Г., Соколов А. В., Ермакова А. Р., Федулкин Д. П., Бжания М. И., Коротков Д. П., Кукулина И. Р., Кутузова А. А., Лукманова Ю. М. *Методическое пособие по участию российских научных организаций и университетов в международной научно-технической деятельности*. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 183 с.
10. Соколова Н. А. Международно-правовые вопросы реализации научно-технического сотрудничества // *Lex russica*. 2019. № 9. С. 146–157. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.154.9.146-157

original article

## Anti-Russian Sanctions as a Prerequisite for Expanding International Scientific and Technical Cooperation with Asian Countries

Evgeny S. Anichkin

Altai State University, Russia, Barnaul; rrd231@rambler.ru

Alexey Yu. Rezinkin

Altai State Medical University, Russia, Barnaul

Received 13 May 2021. Accepted 4 Jun 2021.

**Abstract:** The article describes the international scientific and technical cooperation (ISTC) of the Russian Federation with foreign states in the context of the anti-Russian sanctions. The research featured the political and economic anti-Russian sanctions that define the current cooperation in the scientific and technical field. The authors described the phenomenon of sanctions, their main types, reasons, specific features, etc., putting stress on the industrial and selective character, as well as on their indirect influence on Russian ISTC. There are no scientific and technological sanctions per se; however, the current political and economic sanctions keep affecting the ISTC sphere, e.g. inability to purchase and deliver reagents and high-tech equipment, to accept financing from foreign funds, etc. The sanctions manifest themselves as narrow scope of research projects, low academic mobility, etc. The two areas with appropriate mechanisms to counter the sanctions policy are political and legal. For instance, a diversified state policy could be developed to support ISTC. Public scientific diplomacy and an official vector of development might be of great help, in particular, the Asian vector of ISTC development. The authors believe ISTC should take place between the members of the Shanghai Cooperation Organization. The legal counteraction mechanisms include issuing normative legal acts, suspension of international agreements in ISTC, counter-sanctions, and international arbitration.

**Keywords:** counter-sanctions, public international law, Shanghai Cooperation Organization, public scientific diplomacy, legal regulation

**Citation:** Anichkin E. S., Rezinkin A. Yu. Anti-Russian Sanctions as a Prerequisite for Expanding International Scientific and Technical Cooperation with Asian Countries. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2021, 5(2): 155–164. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-2-155-164>

**Conflict of interests:** The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

**Funding:** The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (research project No. 18–29–15011 "Principles, sources, and features of legal regulation of international scientific and scientific-technical cooperation and international integration in the field of research and technological development in Russia and foreign countries of the Shanghai Cooperation Organization").

**Contribution:** All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

### References

1. Akhmetov M. G. Analysis of foreign trade sanctions against Russia: challenges, dangers, consequences one year later. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika*, 2015, (3): 27–44. (In Russ.)
2. Ushakov N. A. *International law*. Moscow: Iurist, 2000, 302. (In Russ.)
3. Okhotsky E. V. Russia and the West: withstanding the sanctions. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2016, 14(2): 202–213. (In Russ.) DOI: 10.17994/IT.2016.14.2.45/15
4. Smirnov E. N. Scientific, methodological and practical aspects of the application of anti-Russian sanctions as an instrument of foreign policy. *Vestnik Evraziiskoi nauki*, 2019, 11(5). Available at: <https://esj.today/PDF/13ECVN519.pdf> (accessed 10 Feb 2021). (In Russ.)
5. Loginova I. V., Titarenko B. A., Saiapin S. N. Economic sanctions against Russia. *Aktualnye voprosy ekonomicheskikh nauk*, 2015, (47): 38–44. (In Russ.)
6. Rezinkin A. Yu. Ways to overcome the obstacles to the development of the international scientific and technical cooperation of the SCO member states. *Rossiisko-Aziatskii pravovoi zhurnal*, 2020, (2): 103–107. (In Russ.) DOI: 10.14258/ralj(2020)2.15
7. Dezhina I. G. Russian-French scientific collaboration: approaches and mutual attitudes. *Sociology of Science and Technology*, 2018, 9(1): 101–115.

8. Danilin I. V. State and challenges for the development of cooperation in science and technology between Russia and China. *MIR (Modernizacija. Innovacii. Razvitie)*, 2020, 11(4): 384–397. (In Russ.) DOI: 10.18184/2079-4665.2020.11.4.384-397
9. Pikalova A. G., Nasybulina E. G., Sokolov A. V., Ermakova A. R., Fedulkin D. P., Bzhaniia M. I., Korotkov D. P., Kuklina I. R., Kutuzova A. A., Lukmanova Iu. M. *Methodological manual on the participation of Russian scientific organizations and universities in international scientific and technical activities*. Moscow: NIU VShE, 2017, 183. (In Russ.)
10. Sokolova N. A. International legal issues of implementation of scientific and technological cooperation. *Lex russica*, 2019, (9): 146–157. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2019.154.9.146-157

оригинальная статья  
УДК 347.636

## Специфика правового регулирования имущественных отношений несовершеннолетних членов семьи

Светлана Владимировна Воронина

Алтайский государственный университет, Россия, г. Барнаул; [bukshina-sv@mail.ru](mailto:bukshina-sv@mail.ru); <https://orcid.org/0000-0002-7841-4188>

Поступила в редакцию 14.04.2021. Принята в печать 17.06.2021

**Аннотация:** Через призму семейно-родственных отношений детей и родителей, поведения последних и деятельности органа опеки и попечительства рассматривается механизм осуществления права собственности несовершеннолетних. В основу методологии положены принципы развития, объективности, всесторонности. Частно-научные методы анализа и сравнения позволили выделить отдельные имущественные права несовершеннолетних и изучить особенности их осуществления путем сопоставления норм гражданского и семейного законодательства, в том числе путем их ретроспективного анализа; формально-логический – установить суть осуществления имущественных прав несовершеннолетних; системный и комплексный методы – рассмотреть отраслевые и межотраслевые правоотношения как цельную систему, построенную на внутренней и внешней взаимосвязи, характеризующуюся многосторонностью, в центре которой находится семейно-родственное начало. Основой исследования послужили нормативные правовые акты, в частности международные доктринальные позиции авторов разных лет, постановления высших судебных инстанций, судебная практика по конкретным делам. Семейное право регулирует имущественные отношения между родителями и ребенком по поводу содержания и личных вещей. Иные имущественные права ребенка, предусмотренные Семейным кодексом, выходят за пределы семейного права и реализуются в гражданских правоотношениях. Фундаментом гражданских имущественных отношений несовершеннолетних служат отношения, складывающиеся в семье, что требует учета особенностей социальных и правовых связей между родителями и детьми. Предпосылкой возникновения и реализации имущественных отношений с участием несовершеннолетних являются организационные отношения, возникающие между субъектами частного и публичного права, а именно между гражданами и органом опеки и попечительства. Санкционированием органом опеки и попечительства распорядительных сделок с имуществом несовершеннолетних обеспечивается защита имущественных прав и интересов детей. Регулирование имущественных отношений с участием несовершеннолетних и их законных представителей подчинено межотраслевому и межпредметному взаимодействию норм семейного, гражданского и административного законодательства, что необходимо учитывать при реализации имущественных прав несовершеннолетних и их защите.

**Ключевые слова:** имущественные права, право собственности, управление имуществом, поведение родителей, организационное правоотношение, орган опеки и попечительства, интересы, добросовестность, разумность

**Цитирование:** Воронина С. В. Специфика правового регулирования имущественных отношений несовершеннолетних членов семьи // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. Т. 5. № 2. С. 165–173. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-2-165-173>

### Введение

Семья как круг лиц, которых сплачивает не только эмоциональное начало, но и взаимные права и обязанности, предусмотренные правовыми нормами, выражающими государственный интерес, занимает особое место в системе общественных ценностей. СК РФ использует понятие *семья*, но не определяет его. Н. Н. Тарусина отмечает, что законодатели ближнего зарубежья находят технологии для дефиниции семьи при том, что наши правовые системы «выросли из одного, советского корня» [1, с. 25].

Семейное законодательство РФ исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов. Нельзя заботиться о благосостоянии и развитии детей, обеспечивать их права и интересы в отдельно взятой плоскости правового

пространства. Всегда нужно исходить из того, что содержание правового регулирования общественных отношений с участием несовершеннолетних составляет единство разноотраслевых норм, главенствующая роль в котором отведена семейному праву. СК РФ возлагает на родителей права и обязанности по защите прав и интересов детей и наделяет их полномочиями законных представителей. В силу возраста и, как следствие, неполной дееспособности регулирование имущественных отношений с участием ребенка осуществляется особым образом. Результативность удовлетворения интересов ребенка может быть достигнута только при комплексном подходе правового регулирования отношений с четким осознанием того, что социальная природа семейных отношений влияет на поведение родителей и детей в правоотношениях с иными лицами.



### Имущественные отношения родителей и детей в семейном праве

Семейное законодательство регулирует имущественные отношения между родителями и детьми в связи с содержанием одних другими и по поводу вещей, находящихся в личной (индивидуальной) собственности. То обстоятельство, что родители не имеют права собственности на имущество детей (и наоборот), не устраняет наличия между ними семейно-имущественных правоотношений по поводу принадлежащих родителям и детям вещей. Обязанность содержания детей, проживающих с родителями, включает и предоставление им владения и пользования вещами домашнего обихода и обстановки, а также жилым помещением, принадлежащим родителям. Такие отношения не урегулированы в ГК РФ. Они имеют семейно-имущественный характер, возникая не на основе договора, а вследствие совместной жизни, ведения общего хозяйства, взаимной заботы. Их объектом являются вещи, находящиеся в общем владении и пользовании [2, с. 177]. Регулирование семейно-имущественных отношений подчинено специфической задаче, разрешаемой семейным правом, и характеризуется оно существенными отличиями от регулирования имущественных отношений в гражданском праве. Поэтому, как считает Г. М. Свердлов, нет оснований рассматривать семейные имущественные отношения как некую разновидность имущественных отношений гражданского права [3].

В сферу регулирования семейного права включены отношения по поводу имущественных прав ребенка на причитающиеся ему суммы в качестве алиментов, пенсий, пособий, распоряжение принадлежащим ребенку на праве собственности имуществом, владение и пользование имуществом друг друга по взаимному согласию родителей и детей, проживающих совместно (ст. 60 СК РФ). Само понятие *имущественные права ребенка* является собирательным, общим, а данная статья СК РФ выходит за пределы семейного права. Ранее только ст. 77 Кодекса о браке и семье УССР констатировала раздельную собственность имущества родителей и детей, ст. 78 разъясняла, как происходит управление имуществом детей: если у несовершеннолетних есть принадлежащее им имущество, родители управляют им как опекуны и попечители без специального на то назначения, но с соблюдением соответствующих правил об опеке и попечительстве; а ст. 79 отсылала к Гражданскому кодексу в случаях возникновения общей собственности<sup>1</sup>.

Принято считать, что наиболее важные положения о регулировании имущественных отношений (в том числе входящих в предмет семейного права) сосредоточены в Гражданском кодексе, а в семейном законодательстве они получили развитие и дополнение. Представляется, что как раз субсидиарное применение гражданского законодательства дополняет

семейно-правовое регулирование имущественных отношений между членами семьи (с их участием), а поэтому «должно применяться с учетом специфики отношений, регулируемых семейным правом» [4]. Субсидиарное применение гражданского законодательства в области семейных отношений допускается, если такая возможность предусмотрена СК РФ. И если применение гражданского законодательства к семейным отношениям прямо допускается ст. 4 СК РФ и его специальными отсылочными нормами, то механизм обратного применения закон не предусматривает. Ю. Х. Калмыков пишет, что то обстоятельство, что законодатель в отдельных случаях прямо указывает на возможность субсидиарного применения норм права, а в других – молчаливо допускает такую возможность, свидетельствует лишь о недостаточной разработанности вопроса о субсидиарном методе в праве. В подобной ситуации нужно исходить либо из принципа аналогии, либо из возможности субсидиарного использования норм из смежной отрасли права. Применение этого метода в наиболее близкой гражданскому праву отрасли – семейном праве – будет способствовать правильному и эффективному разрешению семейно-брачных конфликтов [5, с. 77–79].

В качестве самостоятельного для бесконфликтных семейных отношений СК РФ в п. 4 ст. 60 выделяет декларативное положение о том, что дети и родители, проживающие совместно, могут владеть и пользоваться имуществом друг друга по взаимному согласию. При этом согласие ребенка «поглощается» волей родителей, самостоятельно определяющих границы своего поведения и поведения ребенка. Данный пункт закрепляет принцип раздельности имущества родителей и детей, а это значит, что они могут вступать между собой во все дозволенные обязательства<sup>2</sup>. Однако норма п. 3 ст. 37 ГК РФ о том, что опекун, попечитель, их супруги и близкие родственники не вправе совершать сделки с подопечным, за исключением передачи имущества подопечному в качестве дара или в безвозмездное пользование, а также представлять подопечного при заключении сделок или ведении судебных дел между подопечным и супругом опекуна или попечителя и их близкими родственниками, ограничивает не только имущественную автономность родителей и детей, но и иных субъектов семейного права в гражданских имущественных отношениях. Запрет касается имущественной сферы членов семьи, ограничивает действие семейно-правового принципа обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав и должен быть закреплен в СК РФ, предположительно, в новой статье об управлении имуществом ребенка, закрепляющей право и обязанность родителей управлять имуществом ребенка исключительно в его интересах, действуя при этом добросовестно и разумно.

<sup>1</sup> Кодекс о браке и семье Украины. Введен Законом УССР от 20.06.1969 № 2006-VII // Ліга Закон. Режим доступа: [http://search.ligazakon.ua/l\\_doc2.nsf/link1/KD0004.html](http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/KD0004.html) (дата обращения: 05.04.2021).

<sup>2</sup> Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 14.07.2015 № 41-КГ15-11 // СПС КонсультантПлюс.

При распоряжении своим имуществом родители, несмотря на то, что принцип автономности не затрагивается закрепленным в п. 1 ст. 65 СК РФ принципом приоритетного обеспечения интересов детей их родителями, должны действовать с учетом интересов детей, имеющих право пользования их имуществом в силу совместного проживания. Отсутствие нормативного упорядочивания соответствующих отношений восполняется решениями Конституционного Суда РФ (КС РФ) и иных судебных инстанций. В Постановлении от 8 июня 2010 г. № 13-П КС РФ указывает: жилое помещение, в котором проживают несовершеннолетние члены семьи собственника, отчуждается по общему правилу, исходя из предполагаемой добросовестности родителей по отношению к детям, что согласуется со ст. 38 (Ч. 2) Конституции РФ и корреспондирующей ей ст. 5 Конвенции о правах ребенка<sup>3</sup>. Судебная коллегия по гражданским делам Нижегородского областного суда апелляционным определением от 16 апреля 2019 г. по делу № 33-4294/2019 оставила без удовлетворения жалобу матери несовершеннолетнего о признании договоров купли-продажи, заключенных его отцом, недействительными на том основании, что несовершеннолетний, утратив право пользования одним жилым помещением, приобрел право пользования другим жилым помещением отца, а значит, его права на жилище нарушены не были<sup>4</sup>. Требование об осуществлении родителями права собственности на жилое помещение с учетом интересов ребенка и соблюдением его прав должно быть облечено в норму-принцип и совместно с иными нормами воздействовать на имущественные отношения членов семьи, особенно при разрешении возникающих проблем.

В соответствии с п. 5 ст. 60 СК РФ и п. 3 ст. 244 ГК РФ, общее имущество родителей и детей принадлежит им на праве долевой собственности<sup>5</sup>. Долевая собственность усложняет реализацию субъективного права несовершеннолетнего собственника. Если владение и пользование совместной собственностью происходит сообща, а распоряжение, которое предполагается независимо от того, кем из участников совершается сделка по распоряжению имуществом, осуществляется по согласию всех участников, то право долевой собственности осуществляется по соглашению всех собственников, продажа доли возможна только с соблюдением преимущественного права покупки, сделки с долями требуют нотариального удостоверения и т. д. Кроме этого, правовое регулирование отношений по владению и пользованию общим имуществом осложняется проблемой правового регулирования дееспособности

несовершеннолетних, содержание которой в основном сведено к сделкоспособности. Тогда как весь порядок осуществления права собственности формально-юридически сводится к соглашениям, участие несовершеннолетних в которых неочевидно [6, с. 84], как может показаться на первый взгляд.

### Управление имуществом ребенка

Право ребенка на распоряжение принадлежащим ему на праве собственности имуществом определяется статьями 26 и 28 ГК РФ. При осуществлении родителями правомочий по управлению имуществом ребенка на них распространяются правила, установленные гражданским законодательством в отношении распоряжения имуществом подопечного (ст. 37 ГК РФ, абз. 2, 3 п. 3 ст. 60 СК РФ). Правомочия родителей по управлению имуществом ребенком предусмотрены СК РФ, бланкетный характер норм которого означает, что гражданское законодательство определяет лишь то, как нужно построить имущественные правоотношения с учетом таких известных семейно-правовых принципов и правовых норм, как возложение обязанности защиты прав и интересов детей на их родителей (п. 1 ст. 64 СК РФ), равные права и обязанности родителей в отношении своих детей (п. 1 ст. 61 СК РФ), непротиворечивость родительских прав и интересов детей (п. 1 ст. 65 СК РФ). Интересы ребенка, как отмечает М. А. Геворгян, в семейном праве состоят в обеспечении их благополучного физического, психического и интеллектуального развития, а в гражданском праве заключаются в потребности ребенка в осуществлении гражданских прав, эффективном участии в гражданском обороте [7].

Нормы ст. 65 СК РФ об осуществлении родительских прав опровергают выдвинутый в литературе тезис о наличии презумпции совершения законными представителями действий в интересах ребенка, основанный на том, что для совершения большинства действий законным представителям не требуется получения согласия третьих лиц и подтверждения соответствия совершаемых действий (бездействия) интересам ребенка [8]. Принцип совершения родителями действий в интересах детей лежит в плоскости фактов, а не предположений о них.

В пояснительном докладе к Европейской Конвенции об осуществлении прав детей от 25 января 1996 г. отражено, что управление имуществом ребенка относится к семейным делам<sup>6</sup>. Россия в Концепции развития гражданского законодательства РФ, подготовленной на основании Указа Президента РФ «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации», заявила о необходимости

<sup>3</sup> По делу о проверке конституционности п. 4 ст. 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В. В. Чадаевой. Постановление КС РФ от 08.06.2010 № 13-П // Вестник КС РФ. 2010. № 5.

<sup>4</sup> Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 16.04.2019 по делу № 33-4294/2019 // СПС КонсультантПлюс.

<sup>5</sup> Например, по семейному кодексу Украины (гл. 14 «Права родителей и детей на имущество»), имущество, приобретенное родителями и детьми за счет их совместного труда или общих средств принадлежит им на праве общей совместной собственности. См.: Семейный кодекс Украины от 10.01.2002 № 2947-III // Юрист. Режим доступа: [https://online.zakon.kz/m/Document/?doc\\_id=30418309](https://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=30418309) (дата обращения 31.03.2021).

<sup>6</sup> Европейская конвенция об осуществлении прав детей (ETS № 160). Заключена в Страсбурге 25.01.1996 // СПС КонсультантПлюс.

более детального регулирования полномочий родителей на совершение сделок от имени несовершеннолетних детей и полномочий опекунов, которое могло бы быть проведено в рамках совершенствования семейного законодательства<sup>7</sup>. Взаимоотношения между родителями и детьми в имущественной сфере не полностью укладываются в рамки существующих гражданско-правовых конструкций, именно поэтому необходимо совершенствование правового регулирования таких правоотношений в семейном законодательстве. Распоряжение имуществом несовершеннолетнего (совершение сделок) – это вопросы жизни отдельно взятой семьи, решение которых начинается внутри семьи, хотя содержательно семейное право не включает в свой предмет отношения по распоряжению имуществом ребенка. Поэтому утверждение, что «семейное законодательство регулирует лишь некоторые имущественные права ребенка, возникающие в кругу семьи, а именно: вещные отношения между родителями и детьми, в том числе по распоряжению имуществом ребенка ...» [9, с. 159], на данном этапе законодательного развития преждевременно.

Усиление диспозитивного начала современного семейного права, хотя и под «контролем» императивных норм, дает возможность участникам семейных отношений собственной волей определять свое поведение. Диспозитивность находит свое проявление в возможности согласования родителями между собой вопросов, касающихся имущественных прав ребенка. Единое мнение родителей, их волеизъявление непосредственно не направлены на достижение правового результата, но обуславливают наступление таких правовых последствий, как возможность совершить сделку. При наличии разногласий (здесь допускается игнорирование диспозитивности) родители (один из них) вправе обратиться за их разрешением в орган опеки и попечительства. Следует признать, что существующая формальная неопределенность во взаимоотношениях родителей о совместном решении имущественных вопросов, разрешении разногласий при осуществлении имущественных прав ребенка заранее порождает возникновение различного рода неясностей, конфликтов. В этой связи становится актуальным высказывание А. Е. Казанцевой о целесообразности прямого закрепления в законе прав и обязанностей родителей по отношению друг к другу [10, с. 18], в частности по поводу имущественных прав ребенка. В качестве общего видится следующее правило: вопросы, касающиеся имущественных прав ребенка, решаются родителями по их взаимному согласию (совместно) исходя из интересов ребенка.

Традиционно закон на основании равенства прав родителей, являющегося одним из принципов осуществления родительских прав, рассматривает родителей как лиц, совместно действующих по отношению к ребенку. В теоретических и практических целях правоотношение с тремя

участниками может рассматриваться как несколько простых правоотношений, в которых участвует каждый из родителей и ребенок. По мнению М. В. Громоздиной, презумпция о том, что действия родителей, проживающих совместно, всегда являются согласованными, вытекает из СК РФ [11, с. 46]. Вопрос раздельного проживания родителя и ребенка заслуживает отдельного внимания. Косвенная презумпция совместного участия родителей находит выражение в нормах ГК РФ о дееспособности несовершеннолетних и об ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними: сделки за несовершеннолетних, не достигших 14 лет (малолетних), по общему правилу, могут совершать от их имени только их родители, усыновители или опекуны (п. 1 ст. 28 ГК РФ); за вред, причиненный несовершеннолетним, не достигшим 14 лет (малолетним), отвечают его родители (усыновители) или опекуны, если не докажут, что вред возник не по их вине (п. 1 ст. 1073 ГК РФ).

#### **Влияние социальной природы семьи на осуществление имущественных прав детей**

С точки зрения структурного типа стороны семейного родительско-детского правоотношения формально равноправны: ни одной из них по занимаемому ею положению не предоставлено каких-либо правомочий по отношению к другой. Однако в области семейных отношений, резюмирует Я. Н. Бранденбургский, речь может идти о личной зависимости одного члена семьи от другого [12, с. 10]. Истина в том, что дети подчиняются родителям и зависят от их воли. Все или почти все явления в жизни ребенка предопределяются существованием родителей. Дети и родители находятся в социальной иерархии, что порождает их правовую зависимость. Подчиненность обусловлена природой семьи как социального института, в основе которого лежит происхождение одного от другого. Родители – это направляющая сторона в субординационном взаимодействии, они детерминируют весь процесс реализации прав ребенка, что нашло свое отражение в законе. Согласно ст. 7 ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» родители ребенка (лица, их заменяющие) содействуют ребенку в осуществлении самостоятельных действий, направленных на реализацию и защиту его прав и законных интересов с учетом возраста ребенка и в пределах установленного законодательством РФ объема дееспособности ребенка<sup>8</sup>. Содействие (соучастие) имеется и тогда, когда родители своими действиями осуществляют принадлежащие ребенку права от его имени.

Субординационный элемент метода правового регулирования отношений проявляется в зависимости ребенка в смысле связанности с поведением родителей, усмотрение которых позитивное право ограничивает принципом

<sup>7</sup> О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации. Указ Президента РФ от 18.07.2008 № 1108 // СПС КонсультантПлюс.

<sup>8</sup> Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации. ФЗ от 24.07.1998 № 124-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.



недопущения осуществления родительских прав в противоречии интересам детей. Обеспечение интересов детей должно стать предметом основной заботы их родителей. Принцип такого поведения родителей зиждется на отсутствии «юридической» воли ребенка. При осуществлении имущественных прав ребенка его воля заменяется волей родителей, что не соответствует п. 2 ст. 1 ГК РФ о том, что граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Законные представители вонне выражают свою собственную волю. Незрелость воли четырнадцатилетнего несовершеннолетнего в гражданских правоотношениях восполняется волей родителей (лиц, их заменяющих) в форме согласия (последующего одобрения). Правовая инициатива исходит от ребенка, он сам выражает свою волю путем обращения к родителям за согласием на сделку и в дальнейшем сам участвует в гражданских правоотношениях. В допустимых законом случаях несовершеннолетний выражает свою волю единолично, а поэтому вывод о том, что «закрепленная в законодательстве РФ возможность самостоятельного участия ребенка в гражданских и семейных правоотношениях своей волей и в своем интересе является правовой фикцией» [13, с. 57], не соответствует правовой действительности.

### Право ребенка выражать свое мнение при решении имущественных вопросов

Правовой принцип действовать исключительно в интересах ребенка означает, пишет Е. А. Поссе, что отношения между родителями и детьми складываются по принципу товарищества, уважения детей к родителям, которые руководят детьми, обладая большим опытом, уходящему корнями в область нравственности [14, с. 10]. Дети также заслуживают уважительного отношения к себе со стороны родителей (лиц, их заменяющих). В правовой сфере уважение проявляется в соблюдении права ребенка выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, и быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства. Вслед за Конвенцией ООН о правах ребенка, провозгласившей обязанность государств обеспечить ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка, в СК РФ была включена ст. 57 о праве ребенка выражать свое мнение. Данная норма, отражающая диспозитивность семейно-правового регулирования и элемент координации, призвана нивелировать субординационность кровно-родственных отношений родителей и ребенка.

Действующая редакция ст. 57 СК РФ не имеет расширительного толкования и не применяется в имущественных отношениях членов семьи. Подтверждением этому служит и судебная практика. В Обзоре судебной практики

Верховного Суда РФ (ВС РФ) за второй квартал 2013 г. (Определение № 5-КГ13-18) сделан вывод: «договор поручительства, заключенный в отсутствие согласия другого супруга, противоречит ст. 57 СК РФ, регламентирующей право ребенка выражать свое мнение, в том числе при заключении договора поручительства, также несостоятелен и основан на неправильном толковании норм действующего законодательства. Статья 57 СК РФ не устанавливает и не может устанавливать какие-либо имущественные права ребенка на имущество родителей, п. 4 ст. 60 СК РФ прямо закреплено положение о том, что ребенок не имеет права собственности на имущество родителей. Учет интересов несовершеннолетнего ребенка может быть осуществлен при разделе супругами-родителями их общего имущества, нажитого в браке, путем увеличения доли того супруга, с которым останется проживать ребенок»<sup>9</sup>.

Наука не соглашается с нормативным подходом. Так, О. Ю. Ильина считает, что любое соглашение родителей так или иначе затрагивает интересы детей, следовательно, в полном соответствии со ст. 57 СК РФ родители должны учесть мнение ребенка. Постановка вопроса о необходимости учета мнения ребенка вполне правомерна с точки зрения положений действующего законодательства, предоставляющих ребенку право самостоятельно принимать те или иные решения по достижении определенного возраста. Обеспечивая законность совершаемой сделки, нотариус должен удостовериться в том, что условия соглашения отвечают интересам ребенка. Если ребенок старше 10 лет, нотариус должен установить, что его мнение учтено при согласовании родителями условий договора, либо родители представят доказательства того, что учет мнения ребенка противоречит его интересам [15]. В литературе озвучено предложение об учете мнения ребенка при заключении сделок законными представителями [16].

Представляется, что необходимо наделить ребенка правом выражать свое мнение по вопросам, касающимся его имущественных прав, включая вопросы владения и пользования имуществом родителей, а также правом быть заслушанным по спорам между родителями о разделе совместного имущества, когда заявляется требование о передаче вещей, приобретенных исключительно для удовлетворения потребностей несовершеннолетних детей, при решении между родителями или другими лицами спора относительно управления имуществом ребенка.

### Организационное и организуемое правоотношение

Семейные отношения между ребенком и родителями – это основа для гражданских имущественных отношений. В этой связи проф. А. М. Рабец предлагает рассматривать имущественное правоотношение с участием несовершеннолетнего как единое сложное комплексное правоотношение, поскольку пока не будет сформировано соответствующее

<sup>9</sup> Обзор судебной практики ВС РФ за второй квартал 2013 г. // СПС КонсультантПлюс.



семейное правоотношение, несовершеннолетний сможет реализовать свои субъективные гражданские права разве что с помощью органа опеки и попечительства. Автор заключает: сложность состоит в том, что как сам несовершеннолетний, так и его законный представитель выступают не в качестве единого субъекта, а как самостоятельные субъекты данного правоотношения [17].

В дальнейшем отношения по осуществлению имущественных прав ребенка переходят в плоскость публично-правового регулирования и строятся по принципу власти и подчинения. Отношения между законными представителями и органом опеки и попечительства являются особым видом общественных отношений, непосредственной целью которых служит упорядочивание иных гражданских отношений, действий их участников. Данное правоотношение является предпосылкой гражданских имущественных отношений. В науке такие отношения получили название *организационные отношения* [18, с. 64], которые регулируются нормами административного права (и близких к нему), а имущественные отношения (за соответствующими изъятиями) – правом гражданским. Последнее организационных отношений не регулирует [19, с. 104].

Организационное отношение, по мнению О. А. Красавчикова, складывается из действий организационных (неимущественных, неличных, нетрудовых и т. п.), направленных на упорядочивание «организуемых» отношений. Если в последнем цель составляет получение имущества, выполнение работ и т. д., в организационной социальной связи на первый план выступает упорядочивание, организованность соответствующего акта (процесса) по передаче имущества и т. д. Содержание и форма упорядочивания подчинены тому, что упорядочивается [20, с. 162, 163].

Объектом организационного правоотношения является деятельность органа исполнительной власти субъекта РФ (в отдельных субъектах РФ это орган местного самоуправления) по осуществлению государственных полномочий по защите прав и интересов несовершеннолетних. В данном случае объект – предоставление государственной или муниципальной услуги, порядок оказания которой регламентирован ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»<sup>10</sup>. Субъект РФ разрабатывает административный регламент по предоставлению государственных или муниципальных услуг по выдаче разрешения на совершение сделок с имуществом несовершеннолетних с перечнем необходимых документов. Сведения, которые вносятся в заявление, их документальное подтверждение, означают согласование сторонами условий предполагаемой сделки. Следовательно, в рассматриваемую

цепочку отношений на этапе до обращения в орган опеки и попечительства, встраиваются гражданско-правовые отношения между законными представителями и контрагентом, нормативное регулирование которых отсутствует. Приемлемой правовой формой таких отношений может быть предварительный договор, однако Судебная коллегия по административным делам ВС РФ со ссылкой на ст. 1 ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» признала требование административного регламента региона о предварительном договоре коррупциогенным фактором<sup>11</sup>. Разрешение органа опеки и попечительства – это односторонний акт государственного органа. В связи с тем, что окончательным правом для выбора и принятия решения, имеющего юридическое значение, наделяются не сами граждане, а компетентные государственные органы, КС РФ обратил внимание на то, что орган опеки и попечительства не вправе произвольно запрещать сделки по отчуждению имущества несовершеннолетних детей, совершаемые их родителями. Напротив, в соответствии с общими принципами права и требованиями статей 2 и 17 и ч. 2 ст. 38 Конституции РФ, решения органов опеки и попечительства в случаях их обжалования в судебном порядке оцениваются судом, исходя из конкретных обстоятельств дела<sup>12</sup>.

Государство в лице органа опеки и попечительства выражает свое положительное отношение к действию другого лица в виде разрешения, составляющего условие возникновения права законных представителей совершить сделку с имуществом ребенка либо дать согласие несовершеннолетнему на сделку. Следовательно, отношение с участием органа опеки и попечительства, построенное на началах субординации, можно классифицировать как организационно-предпосылочное (образующее), в результате становления и реализации которого происходит завязка гражданского имущественного правоотношения. Такие отношения Е. С. Сергеева обозначает как «статусные организационные» и относит их, наряду с «режимными организационными», к базовым организационным отношениям, являющимися самостоятельными и независимыми гражданско-правовыми отношениями [21, с. 10].

Организационные отношения нашли свое развитие в ФЗ «Об опеке и попечительстве», согласно которому особенности установления, осуществления и прекращения опеки и попечительства над несовершеннолетними гражданами определяются СК РФ и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы семейного права<sup>13</sup>. Статьей 60 СК РФ установлено, что при осуществлении

<sup>10</sup> Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг. ФЗ от 27.07.2010 № 210-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

<sup>11</sup> Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. ФЗ от 17.07.2009 № 172-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

<sup>12</sup> Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам ВС РФ от 14.02.2018 № 44-АПГ17-31 // СПС КонсультантПлюс.

<sup>13</sup> Об опеке и попечительстве. ФЗ от 24.04.2008 № 48-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

родителями правомочий по управлению имуществом ребенка на них распространяются правила, установленные гражданским законодательством в отношении имущества подопечного, порядок управления которым, по ст. 37 ГК РФ, определяется ФЗ «Об опеке и попечительстве». Из этого следует, что гражданские имущественные отношения с участием несовершеннолетних членов семьи «пропитаны» публично-правовыми элементами власти и подчинения. При этом организационное и организуемое отношение имеют одну общую цель – совершить распорядительную сделку с имуществом ребенка в его интересах.

### Неадекватное поведение родителей при осуществлении имущественных прав детей

Нарушение модели должного поведения родителей рассматривается правом как посягательство на нравственные начала семейной жизни, которые нашли свое отражение в ст. 1 СК РФ «Основные начала семейного законодательства». Если совершенная родителями, усыновителями или опекунами сделка с недвижимым имуществом от имени малолетнего противоречит его интересам, то такая сделка является ничтожной (п. 17 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25), т. к. она совершена с целью, противной основам правопорядка или нравственности по основанию<sup>14</sup>.

Понятия *основы правопорядка* и *основы нравственности*, как и всякие оценочные понятия, отмечено в Определении КС РФ от 8 июня 2004 г. № 226-О, наполняются содержанием в зависимости от того, как их трактуют участники гражданского оборота и правоприменительная практика, однако они не являются настолько неопределенными, что не обеспечивают единообразное понимание и применение соответствующих законоположений<sup>15</sup>. Статья 169 ГК РФ указывает, что квалифицирующим признаком антисоциальной сделки является ее цель, т. е. достижение такого результата, который не просто не отвечает закону или нормам морали, а противоречит – заведомо и очевидно для участников гражданского оборота – основам правопорядка и нравственности. Образующим состав правонарушения является

ненадлежащее о отношении к ребенку поведение родителей, проявившееся в гражданских правоотношениях. Пока сделка не совершена, дать правовую оценку поведению родителей на предмет его соответствия интересам ребенка, а значит, и требованиям закона, не представляется возможным.

### Заключение

Удовлетворение ребенком своих интересов через соответствующее поведение родителей – законных представителей формирует имущественное правоотношение по типу обязывающего. Обязанность является лишь способом обеспечения субъективного гражданского права ребенка, реализация которого происходит в разных отраслевых правоотношениях, начальным из которых является семейное правоотношение между родителями, родителями и ребенком, отнесенных СК РФ к членам одной семьи. Гражданским законодательством регулируются имущественные отношения с участием законных представителей, основанные на юридическом равенстве, диспозитивности и правовой инициативе, а не имущественные отношения с участием несовершеннолетних, традиционно относящиеся к предмету гражданского права. Гражданско-правовому регулированию подвержены лишь отдельные права, осуществляемые несовершеннолетними самостоятельно. Очевидно, что имущественные отношения, входящие в предмет гражданского права, возникновение и развитие которых зависит от волеизъявления иных лиц, должны подвергаться системному межотраслевому регулированию, отражать и учитывать специфику личных семейных отношений между членами семьи. Отношения с имуществом несовершеннолетних детей, в частности по управлению, должны регулироваться семейным законодательством, а гражданское законодательство должно применяться к этим отношениям, если они не урегулированы семейным законодательством постольку, поскольку это не противоречит существу семейных отношений.

**Конфликт интересов:** Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

### Литература

1. Тарусина Н. Н. Семья как общеправовая конструкция // *Lex russica*. 2020. № 4. С. 21–33. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.161.4.021-033
2. Беякова А. М., Рясенцев В. А., Яковлев В. Ф. Советское семейное право / под ред. В. А. Рясенцева. М.: Юрид. лит., 1982. 255 с.
3. Свердлов Г. М. О предмете и системе социалистического семейного права // *Советское государство и право*. 1941. № 1. С. 57–69.
4. Гонгало Б. М. Семейное законодательство: проблемы и перспективы // *Пермский юридический альманах*. 2018. № 1. С. 204–210.

<sup>14</sup> О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации. Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 // СПС КонсультантПлюс.

<sup>15</sup> Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Уфимский нефтеперерабатывающий завод» на нарушение конституционных прав и свобод ст. 169 Гражданского кодекса Российской Федерации и абз. 3 п. 11 ст. 7 Закона Российской Федерации «О налоговых органах Российской Федерации». Определение КС РФ от 08.06.2004 № 226-О // СПС КонсультантПлюс.

5. Калмыков Ю. Х. Избранное: Труды. Статьи. Выступления / сост. О. М. Козырь, О. Ю. Шиловост. М.: Статут, 1998. 132 с.
6. Букшина С. В. Проблемы правового регулирования соглашений несовершеннолетних собственников // Известия АлтГУ. 2013. № 2-2. С. 83–85.
7. Геворгян М. А. Личные неимущественные права, нематериальные блага и интерес ребенка в гражданском и семейном праве РФ // Семейное и жилищное право. 2019. № 5. С. 3–6.
8. Частное право: проблемы теории и практики / отв. ред. Ю. Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2016. 144 с.
9. Гонгало Б. М., Крашенинников П. В., Михеева Л. Ю., Рузакова О. А. Семейное право / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2007. 300 с.
10. Казанцева А. Е. Обязанности и права родителей (заменяющих их лиц) по воспитанию детей и ответственность за их нарушение / под ред. Б. А. Хаскельберга. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 140 с.
11. Громоздина М. В. Осуществление родительских прав при раздельном проживании родителей по законодательству Российской Федерации. Новосибирск: СибУПК, 2011. 152 с.
12. Бранденбургский Я. Н. Курс по семейно-брачному праву. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1928. 145 с.
13. Кособродов Н. В. Воля ребенка как фикция в гражданском и семейном праве России // Адвокат. 2016. № 11. С. 55–57.
14. Поссе Е. А. Правовое регулирование неимущественных отношений по советскому семейному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1953. 18 с.
15. Ильина О. Ю. Учет мнения ребенка при нотариальном удостоверении соглашений, затрагивающих его интересы: аксиома или теорема? // Нотариус. 2019. № 3. С. 18–21.
16. Татаров В. А. К вопросу о самостоятельности ребенка как участника гражданских правоотношений // Юрист. 2017. № 4. С. 19–23.
17. Рабец А. М. Особенности имущественно-договорных правоотношений с участием несовершеннолетних // Современное право. 2019. № 2. С. 80–85. DOI: 10.25799/NI.2019.68.79.006
18. Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1963. 197 с.
19. Братусь С. Н. Имущественные и организационные отношения и их правовое регулирование в СССР // Вопросы общей теории советского права / под ред. С. Н. Братуся. М.: Госюриздат, 1960. С. 67–120.
20. Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения // Антология уральской цивилистики. 1925–1989 / сост. Д. В. Мурзин. М.: Статут, 2001. С. 156–165.
21. Сергеева Е. С. Базовый подход к определению организационных отношений в гражданском праве // Юрист. 2016. № 22. С. 9–13.

original article

## Specifics of Legal Regulation of Property Relations of Minor Family Members

Svetlana V. Voronina

Altai State University, Russia, Barnaul; bukshina-sv@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7841-4188>

Received 14 Apr 2021. Accepted 17 Jun 2021.

**Abstract:** The present research considered the property rights of minors by comparing civil and family legislation. The article covers various matters of separate ownership of parents and children, property management, and the behavior of parents, as well as sectoral and inter-sectoral legal relations as a whole based on family relations. The research was based on normative legal acts, scientific publications, and precedents. Family law regulates the property relations between parents and children regarding the maintenance and personal belongings. Any other property rights of minors fixed by the Family Code go beyond the limits of family law and are part of civil law. The basis of civil property relations of minors is the family relations. Therefore, they have to take into account social and legal relations between parents and children. A prerequisite for the emergence and implementation of property relations is the organizational relations that arise between the subjects of private and public law. Authorization by the guardianship authority ensures the protection of the property rights and interests of children. The regulation of property relations involving minors and their legal representatives is subject to inter-sectoral and inter-subject interaction, which must be taken into account when implementing the rights of minors and protecting them.

**Keywords:** property rights, property management, parental behavior, organizational legal relationship, guardianship and trusteeship authority, interests, good faith, reasonableness

**Citation:** Voronina S. V. Specifics of Legal Regulation of Property Relations of Minor Family Members. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2021, 5(2): 165–173. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-2-165-173>

**Conflicting interests:** The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

## References

1. Tarusina N. N. Family as a general legal structure. *Lex russica*, 2020, (4): 21–33. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2020.161.4.021-033
2. Beliakova A. M., Riasentsev V. A., Iakovlev V. F. *Soviet family law*, ed. Riasentsev V. A. Moscow: Iurid. lit., 1982, 255. (In Russ.)
3. Sverdlov G. M. On the subject and system of socialist family law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1941, (1): 57–69. (In Russ.)
4. Gongalo B. M. Family law: problems and horizons. *Permskii iuridicheskii almanakh*, 2018, (1): 204–210. (In Russ.)
5. Kalmykov Iu. Kh. *Selected Works. Articles. Speeches*, comp. Kozyr O. M., Shilokhvost O. Iu. Moscow: Statut, 1998, 132. (In Russ.)
6. Bukshina S. V. The problems of law regulation of the under-age owners' agreements. *Izvestiia AltGU*, 2013, (2-2): 83–85. (In Russ.)
7. Gevorgyan M. A. Personal non-property rights, intangible benefits and the interest of a child in the civil and family law of the Russian Federation. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo*, 2019, (5): 3–6. (In Russ.)
8. *Private law: theory and practice*, ed. Bepalov Iu. F. Moscow: Prospekt, 2016, 144. (In Russ.)
9. Gongalo B. M., Krashennnikov P. V., Mikheeva L. Iu., Ruzakova O. A. *Family law*, ed. Krashennnikov P. V. Moscow: Statut, 2007, 300. (In Russ.)
10. Kazantseva A. E. *Duties and rights of parents (guardians) in raising children and responsibility for their violation*, ed. Khaskelberg B. L. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1987, 140. (In Russ.)
11. Gromozdina M. V. *Exercise of parental rights in case of separation of parents according to the legislation of the Russian Federation*. Novosibirsk: SibUPK, 2011, 152. (In Russ.)
12. Brandenburgskii Ia. N. *Course on family and marriage law*. Moscow: Iurid. izd-vo NKIu RSFSR, 1928, 145. (In Russ.)
13. Kosobrodov N. V. Child's will as a fiction in the civil and family law of Russia. *Advokat*, 2016, (11): 55–57. (In Russ.)
14. Posse E. A. *Legal regulation of non-property relations in the Soviet family law*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Abstr. Leningrad, 1953, 18. (In Russ.)
15. Ilyina O. Yu. Consideration of the child's opinion in notarial certification of agreements affecting his / her interests: an axiom or a theorem? *Notarius*, 2019, (3): 18–21. (In Russ.)
16. Tatarov V. A. Revisiting the child's independence as a party to civil relations. *Iurist*, 2017, (4): 19–23. (In Russ.)
17. Rabets A. M. Peculiarities of property and contractual legal relations with participation of minors. *Sovremennoe pravo*, 2019, (2): 80–85. (In Russ.) DOI: 10.25799/NI.2019.68.79.006
18. Bratus S. N. *Subject and system of Soviet civil law*. Moscow: Gosizurizdat, 1963, 197. (In Russ.)
19. Bratus S. N. Property and organizational relations and their legal regulation in the USSR. *Issues of the general theory of Soviet law*, ed. Bratus S. N. Moscow: Gosizurizdat, 1960, 67–120. (In Russ.)
20. Krasavchikov O. A. Civil organizational and legal relations. *Anthology of the Ural civil law. 1925–1989*, comp. Murzin D. V. Moscow: Statut, 2001, 156–165. (In Russ.)
21. Sergeeva E. S. Basic approach to determination of organizational relations in civil law. *Iurist*, 2016, (22): 9–13. (In Russ.)



оригинальная статья

УДК 34.01

## Спортивное право в системе отраслей российского права

Екатерина Юрьевна Коваленко

Алтайский государственный университет, Россия, г. Барнаул;

<https://orcid.org/0000-0002-9860-6371>

Ольга Александровна Шавандина

Алтайский государственный университет, Россия, г. Барнаул;

<https://orcid.org/0000-0002-5083-2169>

Надежда Владимировна Тыдыкова

Алтайский государственный университет, Россия, г. Барнаул;

[academnauka@rambler.ru](mailto:academnauka@rambler.ru); <https://orcid.org/0000-0002-7889-9314>

Поступила в редакцию 16.04.2021. Принята в печать 19.05.2021.

**Аннотация:** Цель работы – обоснование концепции спортивного права как самостоятельной отрасли российского права через анализ ее признаков. Используя метод индукции, анализируя общие подходы к пониманию любой отрасли права, сложившиеся в современной теории права, авторы приходят к частному выводу о том, что на современном этапе спортивное право уже является комплексной отраслью права. Системно-структурный метод позволил представить рассмотренную отрасль не только через ее предмет и метод, но и через источники, принципы и другие атрибуты. Методами критического анализа подвергнуты сомнению некоторые позиции, высказанные в литературе относительно предмета и источников спортивного права. В контексте стремления перенять положительный опыт других стран в части кодификации спортивного законодательства использован сравнительно-правовой метод. Результатом исследования стала авторская концепция понимания отрасли спортивного права. Сформулированы группы общественных отношений, которые составляют ее предмет, дана их общая характеристика, представлена интерпретация метода изученной отрасли права, дано определение понятия спортивных правоотношений, названы их субъекты, объекты и содержание. На основании анализа источников спортивного права сделан вывод о целесообразности кодификации в области спортивного законодательства. Предлагается создать Спортивный кодекс РФ, опираясь на положительный опыт зарубежных стран. Результаты могут быть использованы как в целях расширения научных представлений о спортивном праве, так и в качестве материала для законотворческой деятельности. Спортивное право является комплексной отраслью российского права, ее предмет – отношения в области физической культуры и спорта, которые условно можно разделить на несколько групп. Эта отрасль права использует диспозитивный и императивный методы. К настоящему времени сложилась система источников спортивного права, которые требуют не только систематизации и совершенствования, но и кодификации.

**Ключевые слова:** физическая культура, спорт, спортивные правоотношения, спортивный кодекс, источники спортивного права, субъекты спортивных правоотношений

**Цитирование:** Коваленко Е. Ю., Тыдыкова Н. В., Шавандина О. А. Спортивное право в системе отраслей российского права // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. Т. 5. № 2. С. 174–181. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-2-174-181>

### Введение

Вопрос о количестве отраслей российского права и критериях их выделения всегда был в центре внимания исследователей в области права. Стремительное развитие общественных отношений, возникновение новых явлений и необходимость их правового регулирования привели к появлению огромного массива новых правовых норм и институтов. Одна из сфер, в которых в последние десятилетия происходит интенсивное правовое оформление, – спорт. Это обстоятельство поставило вопрос о статусе спортивного права.

По данной проблеме среди исследователей сложилось несколько подходов. Одни признают спортивное право полноценной отраслью права, другие утверждают, что оно на этом этапе находится лишь на стадии становления, третьи отрицают возможность признания спортивного права самостоятельной отраслью права [1, с. 177]. Также в научной

литературе встречается позиция, согласно которой спортивное право – это отрасль законодательства [2, с. 3]. Вопрос о статусе спортивного права имеет не только научно-теоретическое, но и прикладное значение. Высказывается абсолютно справедливая, на наш взгляд, позиция о том, что правовое регулирование спорта в России достигнет надлежащего уровня только тогда, когда спортивное право обретет статус самостоятельной отрасли права [3, с. 57].

*Методы и материалы.* Для анализа спортивного права как отрасли российского права использована совокупность общенаучных методов (анализ, синтез, сравнение, обобщение, абстрагирование, индукция, дедукция, системно-структурный метод и т. п.). Используя метод индукции, анализируя общие подходы к пониманию любой отрасли права, сложившиеся в современной теории права, авторы

приходят к частному выводу о том, что на современном этапе спортивное право уже является комплексной отраслью права. Системно-структурный метод позволил представить отрасль не только через ее предмет и метод, но и через источники, принципы и другие атрибуты. Методами критического анализа подвергнуты сомнению некоторые позиции, высказанные в литературе относительно предмета и источников спортивного права. Использован спектр научно-исследовательских методов. Формально-юридический метод позволил осуществить комплексный анализ спортивного права сквозь призму характерных для любой отрасли права признаков. В контексте стремления перенять положительный опыт других стран в части кодификации спортивного законодательства использован сравнительно-правовой метод.

## Результаты

В теории права сложилась позиция, согласно которой обязательными признаками любой самостоятельной отрасли права являются ее особый предмет и метод [4, с. 234]. Вопрос о предмете спортивного права в литературе является дискуссионным. А. А. Соловьев предлагает широко понимать предмет спортивного права – как совокупность общественных отношений, возникающих в связи с организацией и осуществлением занятий профессиональным и (или) любительским, а также массовым спортом; со спортивной подготовкой, образованием и воспитанием; организацией, проведением, обеспечением, демонстрацией и трансляцией спортивных мероприятий; сооружением и эксплуатацией спортивных объектов; организацией и деятельностью граждан и их объединений в области спорта; юридической ответственностью за нарушения в области спорта; государственным и муниципальным управлением, государственно-общественным партнерством и международным сотрудничеством в области спорта [5, с. 4, 5]. Из определения следует, что предмет спортивного права составляют не только спортивные, но и сопряженные с ними отношения.

Думается, что к определению границ предмета любой отрасли права необходимо подходить крайне осторожно, т. к. существует необходимость разграничения предметов различных отраслей права и риски нарушения границ предметов ведения. Юридическая ответственность за нарушения в области спорта в полном объеме вряд ли может стать предметом спортивного права. Дело в том, что КоАП РФ закрепляет признаки ряда составов правонарушений (ст. 6.18, 6.22 КоАП РФ), устанавливает санкции за их совершение и порядок привлечения к административной ответственности. УК РФ содержит признаки составов преступлений, связанных с нарушениями в области спорта, и санкции за их совершение (ст. 184, 230.1, 230.2 УК РФ). УПК РФ устанавливает порядок уголовного судопроизводства, в том числе и по таким делам. УИК РФ содержит нормы, регламентирующие порядок отбывания уголовного наказания.

Совершенно очевидно, что все эти отношения не могут составить предмет спортивного права. Сами общественные отношения по поводу установления административной и уголовной ответственности за нарушения в области физической культуры и спорта образуют предмет спортивного права.

Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее – Закон № 329) содержит понятие *спортивная санкция* и определяет ее как меру «ответственности за нарушение субъектом физической культуры и спорта правил вида спорта, положений (регламентов) спортивных соревнований, антидопинговых правил, норм и требований, утвержденных международными спортивными организациями, общероссийскими спортивными федерациями, профессиональными спортивными лигами, иными организаторами спортивных соревнований»<sup>1</sup>. Думается, что ответственность в этом смысле может стать предметом спортивного права. Ее следует ограничивать от дисциплинарной ответственности, которая регламентируется ТК РФ.

Вызывает вопросы и отнесение к предмету спортивного права отношений, связанных с сооружением и эксплуатацией спортивных объектов. Такие отношения образуют предмет других отраслей права (гражданского, градостроительного, земельного), т. к. не имеют специфики, необходимой для отграничения в другую отрасль права. Общественные отношения, возникающие в связи с государственным и муниципальным управлением, тоже не могут войти в предмет спортивного права, поскольку образуют предмет административного и муниципального права. Общественные отношения, возникающие в связи с обеспечением, демонстрацией и трансляцией спортивных мероприятий, регулируются гражданским правом: на них распространяются те же нормы, которые регулируют демонстрацию и трансляцию мероприятий, не являющихся спортивными.

Есть и сторонники узкого подхода, которые в предмет спортивного права включают три группы отношений: между спортивной организацией или спортивным работником и спортсменом; между контролирующими органами, спортсменом и спортивной организацией; отношения по материальной ответственности [6]. С таким подходом также сложно оспориться, т. к. за рамками предмета спортивного права остаются отношения, связанные с организацией массового спорта, спортивными спорами и многие другие.

Вызывает некоторые вопросы и подход М. О. Буяновой, которая под предметом спортивного права предлагает понимать отношения в области физкультуры и спорта (спортивные отношения) по поводу: а) организации физического воспитания, спортивной подготовки, спортивных мероприятий; б) организации физкультурно-спортивной деятельности и международного сотрудничества в сфере спорта; в) организации рассмотрения спортивных споров [7, с. 159, 160].

<sup>1</sup> О физической культуре и спорте в Российской Федерации. ФЗ от 04.12.2007 № 329-ФЗ. Ст. 2. П. 19.1 // СПС КонсультантПлюс.

Статья 1 Закона № 329 предметом регулирования закона называет правовые, организационные, экономические и социальные основы деятельности в области физической культуры и спорта в РФ. Исходя из этого, предметом спортивного права как особой отрасли можно назвать отношения в области физической культуры и спорта. Называть эти отношения спортивными вряд ли правильно: понятия *спорт* и *физическая культура* не являются тождественными. Использование термина *спортивные отношения* привело бы к существенному сужению предмета отрасли права. Анализ текста названного закона позволяет выделить спорт высших достижений, профессиональный спорт, студенческий спорт, школьный спорт, детско-юношеский спорт, массовый спорт.

Опираясь на вышесказанное, обозначим несколько групп отношений в области физической культуры и спорта:

- 1) по поводу организации и развития международной спортивной деятельности;
- 2) по поводу организации и развития внутригосударственного профессионального спорта и спорта высших достижений;
- 3) по поводу организации и развития внутригосударственного студенческого, школьного, детско-юношеского и массового спорта;
- 4) по поводу споров в профессиональном спорте и спорте высших достижений.

Каждая из этих укрупненных групп способна вместить различные подгруппы отношений, связанные с правовыми, организационными, экономическими и социальными основами деятельности в соответствующей области. Например, первая группа отношений включает в себя все нормы, которые касаются олимпийского, паралимпийского, сурдлимпийского движения, международного сотрудничества в области физической культуры и спорта и некоторые другие. Вторая группа отношений, пожалуй, самая объемная и включает, в частности, отношения, связанные с деятельностью общероссийских спортивных федераций, спортивных клубов, организацией и проведением физкультурных или спортивных мероприятий, нормативным регулированием видов спорта, спортивных званий, разрядов, федеральных стандартов в области физической подготовки, деятельностью спортивных сборных команд РФ и др. Третья группа включает отношения по организации и развитию физической культуры и спорта в системе образования, системе федеральных органов исполнительной власти, по месту работы и месту жительства граждан, организации и развитию адаптивной физической культуры и т. п. Четвертая группа представлена не только материальными, но и процессуальными нормами. В частности, это отношения по поводу деятельности арбитражного учреждения, порядка урегулирования споров и др.

В предмет спортивного права входят как регулятивные отношения, так и охранительные. К регулятивным можно отнести отношения по поводу прав и обязанностей

общероссийских спортивных федераций; правового статуса профессиональной спортивной лиги, спортивного агента; установления правил видов спорта. В общем объеме всех отношений, входящих в предмет спортивного права, регулятивных больше всего. К охранительным отношениям можно отнести отношения по поводу ответственности за нарушение антидопинговых правил, применения мер по предотвращению допинга, применения спортивных санкций и некоторые другие.

В литературе отмечается, что необходимо как особую группу закрепить корпоративные правовые отношения, регулирующие взаимодействия участников спортивной деятельности, связанных с проведением спортивных соревнований, оформлением договорных обязательств, урегулированием возникающих в ходе соревнований и вытекающих из их результатов споров, информационным обеспечением, безопасностью и соблюдением принципов честной игры [8, с. 15]. Такое предложение требует дополнительных аргументов, т. к., на первый взгляд, содержание таких корпоративных отношений представляет собой самостоятельные общественные отношения, часть из которых даже не входит в предмет спортивного права, а составляет предмет других отраслей права.

Сфера физической культуры не только многогранна и неоднородна, но и динамична, поэтому выделение различных групп отношений носит весьма условный характер и требует регулярного мониторинга, изучения и внесения соответствующих корректировок. Уже сегодня в юридической литературе поднимается вопрос о футбольном праве [9]. Дискуссионной в отечественной правовой науке стала проблема признания международного спортивного права в качестве самостоятельной подотрасли общего международного права. Ее предметом предлагается признать международное спортивное движение, которое охватывает не только соответствующий ей круг международных (межгосударственных) отношений, но и отношения в сфере спорта внутри отдельных государств [10, с. 88]. Обсуждаются проблемы адаптации отрасли спортивного права для киберспорта [11].

Специалисты в области теории права отмечают, что для характеристики отрасли права важен не только предмет как таковой, но и его своеобразие и удельный вес регулируемых отношений [12, с. 156]. Думается, что и этому критерию предмет спортивного права отвечает, потому как включает в себя отношения, которые не могут быть урегулированы другими отраслями права. Кроме того, в рамках общероссийской концепции развития спорта объем этих отношений и сейчас достаточно значителен и имеет тенденцию к увеличению.

Что касается метода правового регулирования, то его можно определить как совокупность способов правового воздействия на группу общественных отношений, составляющих предмет отрасли права. В теории права традиционно выделяются два: императивный и диспозитивный.



Императивный метод характеризуется наличием большого объема обязываний и запретов. Диспозитивный метод использует инструменты дозволения. Для спортивного права как отрасли права характерно сочетание этих методов. Спортивным федерациям, профессиональным спортивным лигам, фитнес-центрам предоставляется ряд прав, но вместе с тем и обязанностей. Устанавливаются запреты в области применения допинга и меры по борьбе с ним.

Наряду с предметом и методом правового регулирования к атрибутам любой самостоятельной отрасли права можно отнести и наличие единых принципов правового регулирования отрасли. В ст. 3 Закона № 329 сформулированы основные принципы законодательства о физической культуре и спорте. Именно их можно назвать принципами отрасли спортивного права. Однако следует учитывать, что правовое регулирование спортивных отношений осуществляется на основе не только отраслевых, но и общеправовых принципов: гуманизма, справедливости, уважения человеческого достоинства, сохранения окружающей среды и др.

Спортивные правоотношения возникают между субъектами физической культуры и спорта в процессе осуществления физкультурно-спортивной деятельности, поэтому их можно назвать физкультурно-спортивными. Любое правоотношение характеризуется наличием трех компонентов: объект, субъект, содержание. Физкультурно-спортивные правоотношения не являются исключением. Объект – это то, по поводу чего возникает правоотношение. Рассматриваемые правоотношения могут возникать по поводу разнообразных объектов, например, физической культуры, физического воспитания, физкультурно-спортивных организаций, спортивных клубов, профессиональных спортивных лиг, спортивных сооружений и т. д. Под содержанием физкультурно-спортивного правоотношения следует понимать составляющие его права и обязанности, представляющие меру возможного и должного поведения.

Вопрос субъектов физкультурно-спортивных отношений также обсуждается в литературе. В качестве таковых выделяются: 1) спортсмен – лицо, занимающееся спортом и участвующее в спортивных состязаниях; 2) тренер – лицо, которое получило профессиональное образование, осуществляет подготовку спортсмена и руководит его спортивной деятельностью; 3) судья (арбитр, рефери) – лицо, осуществляющее контроль за проведением и подведением итогов спортивного мероприятия (как правило, имеет специальную подготовку и квалификацию); 4) организатор спортивного мероприятия – инициатор проведения спортивного мероприятия, который обеспечивает его организацию, финансирование и проведение [13, с. 259]. Думается, что это слишком узкий подход, поскольку, игнорируя некоторых субъектов, он существенно ограничивает сферу предмета спортивного права, фактически выбрасывая из нее целый ряд правоотношений отношений, например, отношения, связанные с физической культурой. Это совершенно недопустимо, в том числе в силу наличия в Законе № 329 таких

принципов, как обеспечение права каждого на свободный доступ к физической культуре, содействие развитию физической культуры и спорта инвалидов, лиц с ограниченными возможностями здоровья и других групп населения, нуждающихся в повышенной социальной защите.

На наш взгляд, наиболее правильно при определении круга субъектов ориентироваться на содержание ст. 5 Закона № 329, в которой перечислены субъекты физической культуры и спорта в РФ: физкультурно-спортивные организации, в частности физкультурно-спортивные общества, спортивно-технические общества, спортивные клубы (включая профессиональные спортивные клубы, физкультурно-спортивные клубы), объединения физкультурно-спортивных клубов, фитнес-центры, центры спортивной подготовки, профессиональные спортивные лиги, студенческие спортивные лиги, общественно-государственные организации, организующие соревнования по военно-прикладным и служебно-прикладным видам спорта, спортивные федерации, образовательные организации, осуществляющие деятельность в области физической культуры и спорта, оборонные спортивно-технические организации, научные организации, осуществляющие исследования в области физической культуры и спорта, Олимпийский комитет России, Паралимпийский комитет России, Сурдлимпийский комитет России, Специальная Олимпиада России, Российский студенческий спортивный союз, федеральный орган исполнительной власти в области физической культуры и спорта, органы исполнительной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, подведомственные этим органам организации, федеральные органы исполнительной власти, осуществляющие руководство развитием военно-прикладных и служебно-прикладных видов спорта, профессиональные союзы в области физической культуры и спорта, граждане, занимающиеся физической культурой, спортсмены и их коллективы (спортивные команды), зрители, спортивные судьи, тренеры и иные специалисты в области физической культуры и спорта в соответствии с перечнем таких специалистов, утвержденным федеральным органом исполнительной власти в области физической культуры и спорта, спортивные агенты.

Еще одним признанным атрибутом любой отрасли права являются ее источники. Спортивное право имеет целую систему источников различных уровней (международного, федерального, регионального, местного). Важнейшим источником правового регулирования спортивных отношений на национальном уровне выступает Закон № 329, который устанавливает правовые, организационные, экономические и социальные основы деятельности в области физической культуры и спорта в РФ, определяет основные принципы законодательства о физической культуре и спорте. Не менее значимыми являются нормы, закрепленные в иных нормативных правовых актах [14]. В литературе к перечню таких актов часто относят ГК РФ, ТК РФ, УК РФ, КоАП РФ и ряд других, выступающих источниками других отраслей права.



На первый взгляд такой подход может быть подвергнут критике из-за риска чрезмерного расширения предмета спортивного права. Однако необходимо понимать, что источники других отраслей содержат весьма ограниченный объем правового материала, имеющего отношение к спортивному праву. Речь идет только о тех нормах, которые являются закономерным и органичным продолжением и развитием положений, регулирующих сугубо физкультурно-спортивные отношения. Например, УК РФ содержит статьи об ответственности за использование запрещенных в спорте субстанций и методов. Сам запрет при этом сформулирован не в уголовном законодательстве, а в источниках, которые непосредственно могут быть отнесены к спортивному праву. В УК РФ входят и статьи об ответственности за хулиганство и массовые беспорядки, которые могут быть совершены в ходе проведения спортивных мероприятий. Но очевидно, что эти нормы не могут войти в число норм спортивного права, т. к. хулиганство и вандализм не предполагают в качестве обязательных признаков их совершение в ходе проведения спортивных мероприятий. В то же время практически любое преступление (убийство, изнасилование, разбой) могут быть совершены именно на спортивном мероприятии, что не включает эти нормы в круг источников спортивного права. ТК РФ включает нормы, которые имеют такое же отношение к сфере спорта, как и к другим сферам, ввиду чего они все не могут войти в круг источников спортивного права. Вместе с тем ТК РФ содержит нормы, которые создавались исключительно для того, чтобы регулировать спортивные отношения, например, нормы гл. 54.1, посвященные особенностям регулирования труда спортсменов и тренеров. Именно в этой части ТК РФ является источником спортивного права. По этому же принципу могут быть выделены нормы других кодексов и законов, которые должны войти в круг источников спортивного права.

С учетом того, что предмет спортивного права образуют и процессуальные нормы, к числу источников этой отрасли следует относить и «Правила арбитража спортивных споров», депонированные распоряжением Минюста России<sup>2</sup>, а также соглашение «О сотрудничестве в области спортивного арбитража»<sup>3</sup> и ряд других документов в этой области. Несмотря на то, что спортивные споры подлежат рассмотрению в соответствии с ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»<sup>4</sup>, отнести этот закон к категории источников спортивного права нельзя, т. к. он регулирует порядок образования и деятельности третейских судов и постоянно действующих арбитражных учреждений на территории РФ, а также арбитраж (третейское разбирательство), независимо от характера

споров, а в части определения порядка рассмотрения споров в области профессионального спорта и спорта высших достижений отсылает к Закону № 329.

Что касается регионального и местного уровней, то в каждом субъекте принимаются свои акты, которые должны соответствовать федеральному законодательству. В связи с тем, что вопросам спортивных отношений на региональном уровне внимание стали уделять недавно и отрасль спортивного права достаточно молода, региональное законодательство находится на начальном уровне своего развития и требует внимания для повышения его качества [15, с. 59; 16].

Разнообразие источников не может не вызвать вопроса о кодификации спортивного законодательства. В литературе этот вопрос не получает однозначного ответа. Высказывается идея о том, что необходимость кодификации в отношении спортивного права пока не доказана, а на данном этапе существует лишь необходимость совершенствования действующего законодательства [17, с. 80]. Мы же полагаем, что необходимость кодификации спортивного права имеется уже сегодня, т. к. она предполагает качественную работу с массивом всего законодательства, выявление пробелов, их заполнение, систематизацию норм. Полагаем, что такие меры станут не только фактором развития спортивного права, но и фактором его всеобщего признания в качестве отрасли права. Кроме того, уже наработан достаточный нормативный материал, который может стать основой для создания Спортивного кодекса РФ. При решении этого вопроса целесообразно обратиться к аналогичному зарубежному опыту. Так, может быть принят во внимание положительный опыт действия Спортивного Кодекса Франции<sup>5</sup>. Представляет интерес опыт Бразилии, Испании, Италии в части построения модели частичной кодификации спортивного законодательства (Бразильский кодекс спортивной юстиции, Итальянский Кодекс Высшего суда спортивной юстиции) [18].

Косвенным признаком признания спортивного права самостоятельной отраслью является наличие достаточно большого количества учебников по спортивному праву. С. В. Алексеев в своем учебнике даже выделяет Общую и Особенную части [19]. Еще одним таким признаком в литературе называется наличие специального уполномоченного федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по нормативному правовому регулированию в сфере физической культуры и спорта – Министерства спорта РФ [20, с. 12].

Таким образом, спортивное право уже сегодня можно назвать отраслью права. Мы согласны с группой авторов,

<sup>2</sup> О депонировании правил постоянно действующего арбитражного учреждения. Распоряжение Минюста России от 27.01.2017 № 109-п // СПС КонсультантПлюс.

<sup>3</sup> О сотрудничестве в области спортивного арбитража. Соглашение ТПП РФ, Ассоциации предприятий спортивной индустрии от 13.04.2010 № 143 // СПС КонсультантПлюс.

<sup>4</sup> Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации. ФЗ от 29.12.2015 № 382-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

<sup>5</sup> Спортивный кодекс Франции (законодательная часть) / пер. с фр. А. А. Соловьева. М.: Ритм, 2009. 133 с.

которые говорят о комплексном характере спортивного права [21, с. 58; 22, с. 309]. Процессы, которые сейчас происходят в сфере правового регулирования физкультурно-спортивных отношений, не являются новыми для российской правовой действительности. В определенный период времени такие отрасли права как экологическое, финансовое, предпринимательское и некоторые другие проходили тот же путь развития. Однако нельзя согласиться с позицией тех исследователей, которые говорят, что почти все нормы спортивного права прописаны в других отраслях, ввиду чего происходит удвоение структуры права, а отраслю спортивное право становится только благодаря введению общих понятий, институтов и принципов [23]. Для комплексной отрасли характерно соединение разнородных институтов профилирующих и специальных отраслей [24, с. 46], как это имеет место в спортивном праве.

Если определять отношение спортивного права к частному или публичному праву, то в силу наличия в нем как элементов централизации и подчинения, так и равенства и возможности выбирать варианты поведения по своему усмотрению правильнее говорить об определенной пропорции частного и публичного начал.

### Заключение

Спортивное право на данном этапе развития представляет собой комплексную отрасль российского права. Ее предметом являются отношения в области физической культуры и спорта. Эти общественные отношения можно

разделить на несколько групп: по поводу организации и развития международной спортивной деятельности; по поводу организации и развития внутригосударственного профессионального спорта и спорта высших достижений; по поводу организации и развития внутригосударственного студенческого, школьного, детско-юношеского и массового спорта; по поводу споров в профессиональном спорте и спорте высших достижений. Для правового воздействия на эти отношения спортивное право использует как диспозитивный метод, так и императивный. Физкультурно-спортивные отношения возникают между субъектами физической культуры и спорта в процессе осуществления физкультурно-спортивной деятельности. Спортивное право имеет систему источников международного, федерального, регионального и местного уровней. К текущему моменту наработан достаточный нормативный материал, который может стать основой для создания Спортивного кодекса РФ.

**Конфликт интересов:** Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

**Финансирование:** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00053 А «Правовое регулирование спортивных отношений в Российской Федерации».

**Критерии авторства:** Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

### Литература

1. Савичев А. А. Понятие спортивного права в российской юридической доктрине // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 1. С. 176–194. DOI: 10.17323/2072-8166.2019.1.176.194
2. Кузнецов И. С. Спортивное право России как отрасль российского законодательства // Спорт: экономика, право, управление. 2004. № 4. С. 2–4.
3. Алланина Л. М. Проблемы права и спорта // Российская юстиция. 2019. № 1. С. 56–58.
4. Общая теория государства и права. В 2 т. Т. 2: Теория права / отв. ред. Н. М. Марченко. М.: Зерцало, 1998. 620 с.
5. Соловьев А. А. Особенности спортивного права как комплексной отрасли российского законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 9. С. 3–9.
6. Шаповалов А. А., Колоярцева Е. А. Спортивное право – отрасль российского права // Теория и практика физ. культуры. 2015. № 9. С. 80.
7. Буянова М. О. К вопросу о предмете спортивного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 1. С. 158–175. DOI: 10.17323/2072-8166.2019.1.158.175
8. Иглин А. В. Проблемы корпоративных спортивных правоотношений // Юрист. 2015. № 9. С. 13–16.
9. Алексеев С. В. Футбольное право: источники регулирования отношений в сфере футбола // Спорт: экономика, право, управление. 2015. № 3. С. 5–13.
10. Магденко А. Д., Юрлов С. А. Индивид как субъект международного спортивного права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 2. С. 85–88.
11. Архипов В. В. Киберспортивное право: миф или реальность? // Закон. 2018. № 5. С. 80–92.
12. Теория государства и права / под ред. А. В. Малько, Д. А. Липинского. М.: Проспект, 2017. 324 с.
13. Иванов В. Д., Орехова А. А., Ракитин М. М. Спортивное право: понятие, предмет, источники, проблемы и перспективы развития // Образование и наука в современных условиях. 2016. № 4. С. 257–261. DOI: 10.21661/r-113731
14. Коваленко Е. Ю., Шавандина О. А. Источники правового регулирования спортивных отношений в Российской Федерации и зарубежных странах // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17. № 4. С. 41–52. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).41-52

15. Галиева Е. Б., Аникина Ю. М. Формирование регионального законодательства о физической культуре и спорте // Актуальные проблемы правового регулирования спортивных отношений: мат-лы X Междунар. науч.-практ. конф. (Челябинск, 16 апреля 2020 г.) Челябинск, 2020. С. 56–60.
16. Коваленко Е. Ю., Тыдыкова Н. В., Шавандина О. А. О соблюдении правил законодательной техники при создании нормативных актов Алтайского края в области физической культуры и спорта // Юрислингвистика. 2020. № 18. С. 8–11. DOI: 10.14258/leglin(2020)1802
17. Синицын С. А. К вопросу о возникновении новых отраслей в системе российского права (на примере спортивного права) // Законодательство. 2013. № 6. С. 78–87.
18. Соловьев А. А. Российский и зарубежный опыт систематизации законодательства о спорте. М.: Ваш полиграфический партнер, 2011. 382 с.
19. Алексеев С. В. Спортивное право России / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: ЮНИТИ, 2012. 1053 с.
20. Спортивное право России / отв. ред. Д. И. Рогачев. М.: Проспект, 2016. 637 с.
21. Васильевич В. П. К вопросу о месте спортивного права в системе отраслей отечественного права // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 4. С. 54–58.
22. Князев С. С. Спортивное право в правовой системе России: статус, принципы, источники // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2020. № 2. С. 305–316. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2020.2/2819
23. Алексеев С. В., Гостев Р. Г. Спортивное право как новая отрасль права, область юридической науки и учебная дисциплина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2014. № 3. С. 25–28.
24. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.

original article

## Sports Law in the System of Russian Law

Ekaterina Yu. Kovalenko

Altai State University, Russia, Barnaul; <https://orcid.org/0000-0002-9860-6371>

Olga A. Shavandina

Altai State University, Russia, Barnaul; <https://orcid.org/0000-0002-5083-2169>

Nadezhda V. Tydykova

Altai State University, Russia, Barnaul; [academnauka@rambler.ru](mailto:academnauka@rambler.ru);  
<https://orcid.org/0000-0002-7889-9314>

Received 16 Apr 2021. Accepted 19 May 2021.

**Abstract:** The research objective was to substantiate the concept of sports law as an independent branch of Russian law. Using the induction method, the authors analyzed the general approaches to understanding any branch of law. They believe that, at the present stage, sports law can be considered a complex branch of law. The systemic-structural method made it possible to present sports law not only through its subject and method, but also through sources, principles, and other attributes. Some of the positions expressed in the scientific publications were questioned by the methods of critical analysis. They used the comparative legal method to analyze the positive foreign experience. As a result, they obtained an authentic concept of sports law. They also defined the groups of social relations, their general characteristics, interpretation method, the concept of sports legal relations, etc. The field of sports legislation needs legal codification. A Sports Code of the Russian Federation would be a logical solution to the problem. It should unite the positive experience of foreign countries. Sports law is a complex branch of Russian law. Its subject is relations in the field of physical culture and sports. This branch of law uses both dispositive and imperative methods. The newly developed system of sources of sports law requires systematization, improvement, and legal codification. The results obtained can be used to expand the scientific understanding of sports law and as a material for lawmaking.

**Keywords:** physical culture, sports, sports legal relations, sports code, sources of sports law, subjects of sports legal relations

**Citation:** Kovalenko E. Yu., Tydykova N. V., Shavandina O. A. Sports Law in the System of Russian Law. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2021, 5(2): 174–181. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-2-174-181>

**Conflict of interests:** The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

**Funding:** The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project number 20-011-00053 A "Legal regulation of sports relations in the Russian Federation".

**Contribution:** All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

## References

1. Savichev A. A. Concept of sports law in the Russian legal doctrine. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2019, (1): 176–194. (In Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2019.1.176.194
2. Kuznetsov I. S. Sports law of Russia as a branch of Russian legislation. *Sport: ekonomika, pravo, upravlenie*, 2004, (4): 2–4. (In Russ.)
3. Allantina L. M. Legal and sports issues. *Rossiiskaia iustitsiia*, 2019, (1): 56–58. (In Russ.)
4. *General theory of state and law. Vol. 2: Theory of law*, ed. Marchenko N. M. Moscow: Zertsalo, 1998, 620. (In Russ.)
5. Solovyev A. A. Sports law as a complex branch of Russian law. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2014, (9): 3–9. (In Russ.)
6. Shapovalov A. A., Koloyartseva E. A. Sports law as branch of Russian law. *Teoriya i praktika fiz. kultury*, 2015, (9): 80. (In Russ.)
7. Buyanova M. O. On the subject matter of sports law. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2019, (1): 158–175. (In Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2019.1.158.175
8. Iglin A. V. Problems of corporate sport legal relations. *Iurist*, 2015, (9): 13–16. (In Russ.)
9. Alekseev S. V. Football law: sources of regulation of football relations. *Sport: ekonomika, pravo, upravlenie*, 2015, (3): 5–13. (In Russ.)
10. Magdenko A. D., Yurlov S. A. Individual as a subject of international sports law. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2016, (2): 85–88. (In Russ.)
11. Arkhipov V. V. Esports law: fact or fiction? *Zakon*, 2018, (5): 80–92. (In Russ.)
12. *Theory of state and law*, eds. Malko A. V., Lipinskii D. A. Moscow: Prospekt, 2017, 324. (In Russ.)
13. Ivanov V. D., Orekhova A. A., Rakitin M. M. Sports law: concept, subject, sources, problems and development prospects. *Obrazovanie i nauka v sovremennykh usloviakh*, 2016, (4): 257–261. (In Russ.) DOI: 10.21661/r-113731
14. Kovalenko E. Yu., Shavandina O. A. Sources of legal regulation of sports relations in the Russian federation and foreign countries. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"*, 2020, 17(4): 41–52. (In Russ.) DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).41-52
15. Galieva E. B., Anikina Yu. M. Formation of regional legislation on physical culture and sports. *Actual problems of legal regulation of sports relations: Proc. X Intern. Sci.-Prac. Conf., Chelyabinsk, 16 Apr 2020. Chelyabinsk, 2020, 56–60. (In Russ.)*
16. Kovalenko E. Yu., Tydykova N. V., Shavandina O. A. On observance of the rules of legislative technique when developing statutory acts of Altai Krai for physical training and sports. *Legal linguistics*, 2020, (18): 8–11. (In Russ.) DOI: 10.14258/leglin(2020)1802
17. Sinitsyn S. A. "New" branches in the Russian law system (sports law). *Zakonodatelstvo*, 2013, (6): 78–87. (In Russ.)
18. Solov'ev A. A. *Russian and foreign experience of systematization of legislation on sports*. Moscow: Vash poligraficheskii partner, 2011, 382. (In Russ.)
19. Alekseev S. V. *Sports law of Russia*, ed. Krashenninnikov P. V. Moscow: IuNITI, 2012, 1053. (In Russ.)
20. *Sports law of Russia*, ed. Rogachev D. I. Moscow: Prospekt, 2016, 637. (In Russ.)
21. Vaskevich V. P. To a question on a place of the sports right in system of branches of the domestic right. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGU)*, 2015, (4): 54–58. (In Russ.)
22. Knyazev S. S. Sports law in the Russian legal system: status, principles, sources. *Vestnik Voronezh. gos. un-ta. Seriya: Pravo*, 2020, (2): 305–316. (In Russ.) DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2020.2/2819
23. Alekseev S. V., Gostev R. G. Sports law as a new branch of law, a field of legal science, and a subject area. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniia*, 2014, (3): 25–28. (In Russ.)
24. Alekseev S. S. *Law: alphabet – theory – philosophy. Comprehensive research experience*. Moscow: Statut, 1999, 712. (In Russ.)



оригинальная статья

УДК 347.65

## Наследование имущества индивидуального предпринимателя

Татьяна Аркадьевна Филиппова

Алтайский государственный университет, Россия, г. Барнаул; philippovata@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5151-0532>

Поступила в редакцию 13.05.2021. Принята в печать 10.06.2021.

**Аннотация:** Вопросы наследования имущества после смерти гражданина всегда являются актуальными, поскольку связаны с желанием и возможностью материально обеспечить наследников, сохранить то, что было создано при жизни. Установленные в действующем законодательстве правила направлены на учет воли наследодателя и отражают в некоторой степени те изменения, которые происходят в общественной жизни. Анализируются новеллы наследственного права РФ, отмечается, что в них недостаточно полно отражено особое правовое положение индивидуального предпринимателя. Приведены статистические данные, определяющие место индивидуальных предпринимателей в современной экономике. Выявлено, что в законодательстве о наследовании этот факт недооценивается, что приводит не только к нарушению прав отдельных лиц, но и к негативным последствиям в предпринимательской сфере, участником которой при жизни был субъект. Цель статьи – рассмотрение вопросов наследования после смерти индивидуального предпринимателя с учетом сохранения бизнеса, стабильности гражданского оборота и учета интересов самого наследодателя, которые были известны при его жизни. Исследование основано на критическом рассмотрении существующих подходов к определению правового режима индивидуального предпринимателя. Проанализированы подходы, изложенные в актах разных судебных инстанций, которые служат обоснованием спорного вывода об имуществе данного субъекта предпринимательской деятельности. С использованием методологического инструментария научного исследования оценивается эффективность правового регулирования вопросов наследования имущества индивидуального предпринимателя и предлагаются возможные варианты сохранения созданного бизнеса, в том числе с заключением договора доверительного управления наследственным имуществом. На основе изучения нотариальной практики отмечаются проблемы, возникающие при заключении данного договора в отношении имущества индивидуального предпринимателя, в том числе и те из них, которые являются следствием несогласованности разных нормативных актов. Результаты проведенного исследования выражены в ряде предложений по совершенствованию действующего наследственного права.

**Ключевые слова:** наследственное право, бизнес, правовой режим имущества индивидуального предпринимателя, договор доверительного управления наследственным имуществом, банковский счет, регистрация транспортных средств

**Цитирование:** Филиппова Т. А. Наследование имущества индивидуального предпринимателя // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. Т. 5. № 2. С. 182–190. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-2-182-190>

### Введение

В ГК РФ закреплено положение о том, что гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя (ст. 23). В этом нормативном акте определяется особый правовой статус субъекта, выражающийся в наличии в гражданском законодательстве некоторых правил общего и специального характера, посвященных индивидуальному предпринимателю.

Положениями общего характера можно считать нормы ст. 23 ГК РФ, в соответствии с которыми к предпринимательской деятельности граждан, осуществляемой без образования юридического лица, соответственно применяются правила ГК РФ, которые регулируют деятельность юридических лиц, являющихся коммерческими организациями, если иное не вытекает из закона, иных правовых актов или существа правоотношения. Более

того, гражданин, осуществляющий предпринимательскую деятельность без образования юридического лица с нарушением требований указанной статьи, не вправе ссылаться в отношении заключенных им при этом сделок на то, что он не является предпринимателем. Суд может применить к таким сделкам правила ГК РФ об обязательствах, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности (п. 4 ст. 23 ГК РФ). Характер общих предписаний носят положения ст. 24 ГК РФ, в соответствии с которыми гражданин отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, за исключением имущества, на которое в соответствии с законом не может быть обращено взыскание. Законодатель распространяет эти правила и на обязательства, которые возникают при осуществлении предпринимательской деятельности гражданина, который зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя.

Специальные нормы связаны с отдельными видами договоров, в некоторых из которых для индивидуальных предпринимателей установлены особые правила, когда они упоминаются наряду с коммерческими организациями (например, статьи 1015, 1027 ГК РФ) либо гражданами (п. 4 ст. 809 ГК РФ). Однако в нормах наследственного права не содержится каких-либо правил, учитывающих особое положение индивидуального предпринимателя. После его смерти наследование осуществляется по общим правилам. Такой подход вызывает сомнения: он не учитывает специфики экономического положения индивидуального предпринимателя и требует определенного изменения.

### Результаты

Индивидуальный предприниматель, будучи гражданином, выступает в гражданском обороте от своего имени, своим трудом, без образования для целей предпринимательской деятельности юридического лица. Это соотносится со ст. 19 ГК РФ, в соответствии с которой гражданин приобретает и осуществляет права и обязанности под своим именем, включающим фамилию и собственно имя, а также отчество, если иное не вытекает из закона или национального обычая [1, с. 570]. Приобретение прав и обязанностей под именем другого лица не допускается. Таким образом, имя гражданина (т. е. его фамилия, собственно имя и, как правило, отчество) позволяет идентифицировать его в качестве самостоятельного участника гражданского оборота, индивидуального предпринимателя подобно тому, как этому служит наименование юридического лица. Гражданин, являющийся индивидуальным предпринимателем, осуществляет коммерческую деятельность, выступая под своим именем так же, как коммерческая организация под своим фирменным наименованием, содержащим указание на ее организационно-правовую форму. Именно поэтому гражданин-предприниматель, действующий от своего имени в сфере предпринимательской деятельности, не нуждается в каких-то дополнительных способах индивидуализации.

Как видно, индивидуальные предприниматели занимают особое место среди субъектов гражданского права, что учитывается в разных институтах этой отрасли. Эта особенность проявляется в том, что индивидуальный предприниматель выступает в двуедином качестве: с одной стороны – физическое лицо, с другой – субъект предпринимательской деятельности. Можно утверждать, что его правовой статус отличен от статуса физического лица и включает часть прав, которыми обладают юридические лица. В юридической литературе двойственность правового положения гражданина, имеющего статус индивидуального предпринимателя, никем не оспаривается [2, с. 70].

Индивидуальный предприниматель обладает всеми атрибутами, необходимыми для ведения коммерческой

деятельности: он вправе иметь свой расчетный счет, товарный знак, может заключать сделки и подписывать договоры разного характера, включая трудовые, получать кредит в банке и иметь обязательства публичного характера. Однако после смерти гражданина, который был зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя, наследование осуществляется без учета его особого положения, т. е. по общим правилам, установленным на случай смерти физического лица. Это объясняется тем, что смерть индивидуального предпринимателя влечет прекращение указанного статуса. Государственная регистрация при прекращении деятельности физического лица в качестве индивидуального предпринимателя в связи со смертью осуществляется автоматически на основании поступивших в регистрирующий орган в установленном законодательством РФ порядке сведений о государственной регистрации смерти данного лица<sup>1</sup>.

Органы ЗАГС в течение 10 дней после дня регистрации смерти передают соответствующие сведения в регистрирующий орган (п. 3 ст. 85 НК РФ). Согласно п. 10 ст. 22.3 ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», в случае смерти индивидуального предпринимателя его государственная регистрация в этом качестве утрачивает силу с момента смерти. Иными словами, статус индивидуального предпринимателя не допускает правопреемства, прекращается в момент смерти.

Нельзя обойти вниманием тот факт, что такой гражданин осуществлял предпринимательскую деятельность, а значит, имел то, что принято называть бизнесом, состоял в договорных отношениях с контрагентами, имел неоплаченные долги, обязанности по оплате соответствующих налогов и сборов и т. п. Всем понятно, что предпринимательская деятельность – это каждодневный процесс, в котором соединяются производство, многочисленные хозяйственные операции, различные хозяйственные связи. У предпринимателя имеются непроданные товары и сырье, многочисленные договорные обязательства, имеется штат сотрудников. У таких наследодателей могут оставаться кредиторы, включая банки, предоставившими кредиты для ведения предпринимательской деятельности. Трудно отрицать, что индивидуальному предпринимателю принадлежит определенное имущество, имущественные права и обязанности. В научной литературе существуют мнения о необходимости более качественного урегулирования имущественного положения индивидуального предпринимателя. М. Д. Шапсугова предлагает для решения этого вопроса предусмотреть обязательное наличие обособленного имущества, используемого для занятия предпринимательской деятельностью [3, с. 9]. Сходную позицию имеет О. И. Холина, которая отмечает, что ответственность, независимо от вины, предполагает

<sup>1</sup> О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. ФЗ от 08.08.2001 №129-ФЗ. Ст. 22.3. П. 2 // СПС КонсультантПлюс.

ответственность имуществом, используемым в предпринимательской деятельности (ограниченная ответственность). Именно в этих целях необходимо обособление имущества индивидуального предпринимателя, используемого в предпринимательской деятельности, в фонды [4, с. 217]. С такими предложениями можно согласиться и на их основе утверждать, что более качественного регулирования требуют и вопросы наследования имущества индивидуального предпринимателя.

Таким образом, после смерти индивидуального предпринимателя важно не только определить круг наследников, которые получат наследственную массу, но и сохранить, не растерять имеющееся имущество в течение времени, отведенного законом для принятия наследства, а может быть, даже увеличить данное имущество. Требуют решения текущие вопросы, связанные с оформлением, учетом, завершением существующих хозяйственных дел.

В нормах наследственного права имеются специальные статьи об особенностях наследования отдельных видов имущества. В частности, ст. 1176 ГК РФ о наследовании прав, связанных с участием в хозяйственных товариществах и обществах, производственных кооперативах; ст. 1178 ГК РФ, посвященная наследованию предприятия как имущественного комплекса, используемого для осуществления предпринимательской деятельности, зарегистрированного как объект недвижимости. Ни одна из перечисленных норм ГК РФ не относится к деятельности индивидуального предпринимателя и не может применяться при наследовании его имущества.

В юридической литературе при обсуждении вопросов наследования бизнеса внимание обращается на наследование компаний, долей или паев в уставных капиталах коммерческих юридических лиц, акций и подобных объектов, которые определяют взаимоотношения между компаньонами, соучредителями, почти не уделяя внимания наследованию имущества после смерти индивидуального предпринимателя [5, с. 44]. Аналогичные подходы можно обнаружить и в других работах и более поздних публикациях [6]<sup>2</sup>.

Такое положение объясняется сложившимся подходом к правовому режиму имущества индивидуального предпринимателя. Неоднократно высказывались правовые позиции судебных инстанций о том, что нельзя разделять имущество индивидуального предпринимателя и его же

имущество как физического лица. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ (КС РФ) от 17.12.1996 № 20-П указано, что гражданин (если он является индивидуальным предпринимателем без образования юридического лица) использует свое имущество не только для занятия предпринимательской деятельностью, но и в качестве собственно личного имущества, необходимого для осуществления неотчуждаемых прав и свобод<sup>3</sup>. Имущество гражданина в этом случае юридически не разграничено.

Этот же вывод был повторен в Определении КС РФ от 15.01.2009 № 242-О-П. Суд указал, что юридическое лицо, в отличие от гражданина – физического лица, имеет обособленное имущество и отвечает по обязательствам именно этим имуществом; гражданин же (если он является индивидуальным предпринимателем без образования юридического лица) использует имущество не только для занятия предпринимательской деятельностью, но и в качестве личного имущества, необходимого для осуществления неотчуждаемых прав и свобод<sup>4</sup>. Эта правовая позиция неоднократно повторялась судами общей юрисдикции и арбитражными судами.

Нельзя не признать, что фигура индивидуального предпринимателя на сегодняшний день весьма заметна в хозяйственном обороте, их количество довольно велико. Так, общее количество индивидуальных предпринимателей, зарегистрированных в государственном реестре на 16 марта 2021 г. составляло 15858672 человека. В 2020 г. было зарегистрировано в качестве индивидуальных предпринимателей 620779 человек, в 2021 г. – 15379 человек<sup>5</sup>. По данным единого реестра, на 10 января 2018 г. в нашей стране было зарегистрировано 3221706 индивидуальных предпринимателей, т. е. более половины от всех зарегистрированных субъектов среднего и малого предпринимательства (53,3 %), общее число которых – 6039216 [7, с. 101]. При этом имущество индивидуального предпринимателя, его бизнес, не попадают ни под одну категорию объектов, имеющих специальный правовой режим при наследовании.

Согласимся со специалистом в области наследственного права Н. Ю. Рассказовой в том, что необходимо четкое разграничение сделок, совершенных лицом в качестве индивидуального предпринимателя и в качестве физического лица, должна быть определена судьба гражданско-правовых

<sup>2</sup> Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. Е. Ю. Петров. М.: М-Логос, 2018. 656 с.

<sup>3</sup> По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 ч. 1 ст. 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции». Постановление КС РФ от 17.12.1996 № 20-П // Вестник КС РФ. 1996. № 5.

<sup>4</sup> По жалобе гражданина Саркисяна Сергея Сааковича на нарушение его конституционных прав положениями статей 25 и 25.1 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» и ч. 1 ст. 12 Федерального закона «Об исполнительном производстве». Определение КС РФ от 15.01.2009 № 242-О-П // Вестник КС РФ. 2009. № 4; По жалобе гражданина С. Ю. Шилова на нарушение его конституционных прав ст. 1 Закона Российской Федерации «О применении контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением». Определение КС РФ от 15.05.2001 № 88-О // Вестник КС РФ. 2001. № 4; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кудряшова Сергея Борисовича на нарушение его конституционных прав пп. 1 п. 1 ст. 212 Налогового кодекса Российской Федерации. Определение КС РФ от 11.05.2012 № 833-О // СПС КонсультантПлюс.

<sup>5</sup> Статистика по государственной регистрации // ФНС. Режим доступа: [https://www.nalog.ru/rn77/related\\_activities/statistics\\_and\\_analytics/regstats/](https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/regstats/) (дата обращения: 30.04.2021).



договоров, заключенных индивидуальным предпринимателем, следует регламентировать влияние его смерти на трудовые, административные и иные правоотношения, участником которых он был<sup>6</sup>.

В последние годы в российское законодательство о наследовании были внесены изменения, которые, по оценкам их разработчиков, были направлены на учет интересов владельцев бизнеса, лиц, которые имеют наследственную массу, состоящую не только из предметов домашнего обихода. Л. Ю. Михеева по этому поводу пишет: современные бизнесмены «начали думать о том, что произойдет с их имуществом после их смерти (в особенности это касается тех из них, кто попал под действие западных санкций) ... Умирать в соответствии с нормами советского наследственного права россияне уже не хотят» [8, с. 24]. Подобные доводы приводятся и в других работах, посвященных анализу новелл наследственного права [9].

По мнению авторов законопроекта, внесенные в нормы наследственного права дополнения направлены на возможность учета воли наследодателя при наследовании его имущества в случае смерти, что, безусловно, должно расцениваться как позитивное явление. Но они, как представляется, имеют целью и создание юридических механизмов сохранения бизнеса, что в конечном счете будет способствовать устойчивому развитию экономики.

Специалисты считают, что порядка 70 % действующих и рентабельных предприятий после смерти собственника прекращают свою деятельность в течение 1-2 лет. Причины этого различны: начиная с отсутствия соответствующего опыта и желания у наследников, заканчивая личными доверительными отношениями между индивидуальным предпринимателем и его кредиторами. Не последнюю роль здесь играют и риски ведения бизнеса в период, когда отсутствуют лица, заинтересованные в сохранности имущества. Возникающие при этом проблемы носят не только частный характер, они вызывают последствия экономического и социального порядка.

Проблемы только нарастают, когда речь идет о передаче транснационального бизнеса, в структуре которого имеются активы за рубежом, что не такая уж и редкость для современного правового ландшафта во многих государствах мира, включая Россию<sup>7</sup>. Действующее законодательство исходит в этих случаях из презумпции сохранения бизнеса в период, когда кто-то из участников – физических лиц умирает. Предлагаются различные правовые конструкции на эти случаи: создание наследственного фонда, назначение в завещании душеприказчика, заключение наследственного договора и иные<sup>8</sup>.

Но новые предложенные конструкции рассчитаны на выражение воли лица заранее, в первую очередь в завещании, в наследственном договоре, т. е. предполагают проявление заботы о своем бизнесе при жизни. Часто составление завещания откладывается в силу ряда причин объективного и субъективного характера. Жизнь же полна неожиданностей, и известно множество случаев, когда смерть наступала внезапно. Задача законодателя заключается в том, чтобы предусмотреть определенные правила и для таких случаев, закрепить нормы, которые можно использовать в указанных целях даже при отсутствии завещания.

Эффективным институтом, который используется для управления наследственным имуществом, является договор доверительного управления имуществом. Его значение, особенности и правила заключения неоднократно обсуждались в юридической литературе.

В период активного реформирования гражданского законодательства многие специалисты в области наследственного права проявляют интерес к институту доверительного управления наследственным имуществом. З. А. Ахметьянова анализирует субъектный состав и существенные условия договора доверительного управления наследственным имуществом [10]. Н. В. Ростовцева и Д. А. Гулевская исследуют теоретические и практические проблемы доверительного управления наследуемой долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью [11]. Л. Ю. Михеева раскрывает основные положения данного института с позиции экономических реалий [8]. Вопросы практического применения указанного договора и предложения по его отдельным условиям выдвигаются в работе С. В. Ворониной и Т. А. Филипповой [12].

Но наследование бизнеса индивидуального предпринимателя не включается в предмет таких научных исследований. Вместе с тем очевидно, что данный договор может быть успешно использован и после смерти индивидуального предпринимателя для решения многих вопросов. Статья 1173 ГК РФ, посвященная данному договору, с недавнего времени имеет новую редакцию, которая с учетом потребностей практики установила довольно эффективный механизм охраны и управления имуществом, которое требует принятия важных и безотлагательных хозяйственных решений, промедление с которыми может повлечь уменьшение наследственной массы, остановку бизнеса, нарушение прав других лиц, связанных хозяйственными отношениями с умершим.

Согласно п. 1 данной статьи, если в составе наследства имеется имущество, требующее не только охраны, но и управления (предприятие, доля в уставном (складочном) капитале

<sup>6</sup> Проблемы наследования бизнеса: как сохранить предприятие и обеспечить права наследников? // Федеральная нотариальная палата. 01.06.2015. Режим доступа: <https://notariat.ru/ru-ru/news/problemy-nasledovaniia-biznesa-kak-sokhranit-predpriatie-i-obespechit-prava-naslednikov> (дата обращения: 30.04.2021).

<sup>7</sup> Там же.

<sup>8</sup> О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации. ФЗ от 29.07.2017 № 259-ФЗ // СЗ РФ. 31.07.2017. № 31. Ч. I-III. Ст. 4808.



корпоративного юридического лица, пай, ценные бумаги, исключительные права и т. п.), нотариус в соответствии со ст. 1026 ГК РФ в качестве учредителя доверительного управления заключает договор доверительного управления этим имуществом. Пункт 3 предусматривает, что доверительное управление наследственным имуществом осуществляется в целях сохранения этого имущества и увеличения его стоимости. Как видно, п. 1 ст. 1173 ГК РФ не уделяет внимания индивидуальному предпринимателю как самостоятельной фигуре предпринимательских отношений и обладателю не менее значимых активов, чем, например, пай в паевом фонде кооператива.

Как следствие, в нотариальной практике возникает вопрос о возможности заключения договора доверительного управления в отношении наследственного имущества индивидуального предпринимателя. Действительно, в ст. 1173 ГК РФ перечисляются случаи, когда должен быть заключен указанный договор, но не указано имущество индивидуального предпринимателя, хотя очевидно, что и оно требует ежедневной заботы до момента вступления наследников в свои права и определения лица, которое унаследует имущество, используемое для ведения предпринимательской деятельности. Как представляется, отсутствие в законе специального упоминания не является препятствием для заключения договора доверительного управления наследственным имуществом индивидуального предпринимателя. Основанием для такого вывода является формулировка, используемая в статье, где кроме прямого перечисления объектов, в отношении которых устанавливается доверительное управление, использован оборот «и тому подобное».

Если возможность заключения договора не вызывает сомнений, то применение его положений к конкретным отношениям после смерти индивидуального предпринимателя вызывает сложности. Первая из них касается объекта доверительного управления. Объект доверительного управления в данном случае – имущество, используемое предпринимателем для осуществления соответствующего вида деятельности, включающее вещи и иное имущество, имущественные права и обязанности (ст. 1112 ГК РФ).

Но как было отмечено, действующее законодательство и правоприменительная практика не разграничивают имущество физического лица как гражданина и как предпринимателя. Вместе с тем для целей налогообложения в законодательстве установлены правила, которые позволяют учитывать доходы, полученные индивидуальным предпринимателем и совершенные им хозяйственные операции. В соответствии с п. 2 ст. 54 НК РФ, индивидуальные предприниматели исчисляют налоговую базу по итогам каждого налогового периода на основе данных учета доходов, расходов и хозяйственных операций в порядке, определяемом

Минфином РФ. Данный порядок был определен совместным Приказом Минфина РФ от и Министерства по налогам и сборам РФ<sup>9</sup>. На основании п. 2 Порядка, индивидуальные предприниматели должны обеспечивать полноту, непрерывность и достоверность учета всех полученных доходов, произведенных расходов и хозяйственных операций при осуществлении предпринимательской деятельности, а в п. 4 предусмотрено, что учет доходов и расходов и хозяйственных операций фиксируется в Книге учета доходов и расходов и хозяйственных операций индивидуального предпринимателя. В Книге учета отражается имущественное положение индивидуального предпринимателя, а также результаты предпринимательской деятельности за налоговый период.

Исходя из изложенного, определить состав имущества, в отношении которого заключается договор доверительного управления наследственным имуществом, можно на основании Книги учета доходов и расходов и хозяйственных операций индивидуального предпринимателя. Однако отметим, что указанный Порядок не распространяется на доходы предпринимателей, по которым применяется упрощенная система налогообложения, учета и отчетности, предусмотренная для субъектов малого предпринимательства, а также на доходы, по которым уплачивается единый налог на вмененный доход и единый сельскохозяйственный налог.

Определенные сложности вызывает вопрос о передаче в доверительное управление денежных средств, принадлежащих индивидуальному предпринимателю и находящихся на его банковских счетах. Инструкция Банка России «Об открытии и закрытии банковских счетов, счетов по вкладам (депозитам), депозитных счетов» предусматривает, что расчетные счета открываются юридическим лицам, не являющимся кредитными организациями, индивидуальным предпринимателям или физическим лицам, занимающимся в установленном законодательством РФ порядке частной практикой, для совершения операций, связанных с предпринимательской деятельностью или частной практикой (п. 2.3)<sup>10</sup>.

В п. 2 ст. 1013 ГК РФ, посвященной договору доверительного управления имуществом, закреплено правило о том, что деньги не могут быть самостоятельным объектом доверительного управления. Но вряд ли это правило применимо к денежным средствам, находящимся на счете. Денежные средства, хранимые на банковских счетах, имеют иной характер и правовой режим по сравнению с наличными деньгами, о которых идет речь в ст. 1013 ГК РФ. Вопрос о правовой природе денежных средств на банковских счетах является предметом давней научной дискуссии. Л. А. Новоселова приводит убедительные доводы в пользу того, что режим физических вещей не может быть распространен на безналичные денежные средства. Отождествление понятий

<sup>9</sup> Об утверждении Порядка учета доходов и расходов и хозяйственных операций для индивидуальных предпринимателей. Приказ Минфина РФ и МНС РФ от 13.08.2002 № 86н/БГ-3-04/430 // Российская газета. 11.09.2002. № 171.

<sup>10</sup> Об открытии и закрытии банковских счетов, счетов по вкладам (депозитам), депозитных счетов. Инструкция Банка России от 30.05.2014 № 153-И (ред. от 02.02.2021) // Вестник Банка России. 26.06.2014. № 60.

деньги и безналичные деньги нередко приводило к неверным судебным решениям об отказе клиенту в удовлетворении требований о взыскании денежных средств с банка при невыполнении последним требований о выдаче сумм со счета [13, с. 22]. У клиента нет права собственности на переданные банку наличные деньги, т. к. отсутствует материальная вещь, за которой это право может следовать [14]. Таким образом, безналичные деньги – это ни что иное как право требования клиента к банку, что предопределяет обязательно-правовой характер данных отношений. Размер этих требований определяется суммой средств на счетах по данным бухгалтерского учета.

Права на денежные средства на счетах индивидуального предпринимателя представляют собой имущественные права, которые связаны с осуществлением платежных и расчетных операций по соответствующей предпринимательской деятельности. Они тесно связаны с комплексом прав и обязанностей по управлению имуществом индивидуального предпринимателя. Отдельного договора по управлению ими не требуется.

Согласно п. 2.7 Инструкции Банка России № 153-И, доверительному управляющему открываются счета доверительного управления для осуществления операций, связанных с деятельностью по доверительному управлению. При этом необходимо определить судьбу договора банковского счета, открытого умершему индивидуальному предпринимателю. Возникает вопрос о возможности закрытия указанного счета банком на основании свидетельства о смерти. По этому поводу в юридической литературе приводятся мнения, что такое право у банка имеется: счет имеет специальный правовой режим, может быть использован только лицом, которое имеет статус индивидуального предпринимателя. Поскольку статус предпринимателя по наследству не переходит, то и права и обязанности по договору банковского счета, открытого ему, не могут перейти в порядке наследственного правопреемства. Поэтому счет должен быть закрыт, а договор банковского счета следует считать прекратившимся на основании п. 2 ст. 418 ГК РФ. Наследники вправе претендовать на остаток закрытого счета в общем порядке [15, с. 640]. Аналогичное мнение высказано и в работе Л. Г. Ефимовой [16].

Такой вывод представляется спорным и лишенным практической значимости в случае учреждения доверительного управления. При отсутствии банковского счета невозможно осуществлять большинство операций, связанных с оперативными, существующими, длящимися отношениями, в которых участвовал умерший предприниматель, невозможно осуществлять безналичный расчет по существующим обязательствам, в том числе по трудовым договорам и т. п.

Для оформления счета доверительному управляющему потребуется определенное время, которое в этих случаях имеет немаловажное значение. Промедление в вопросах оплаты может повлечь немалые убытки, например в виде уплаты штрафных санкций. Выходом может быть предложение о возможности доверительного управляющего распоряжаться банковским счетом индивидуального предпринимателя до момента переоформления его на доверительного управляющего либо на период действия договора доверительного управления наследственным имуществом.

Некоторые проблемы возникают при решении вопроса об использовании транспортных средств, принадлежащих индивидуальному предпринимателю. После его смерти они требуют не только охраны, но и использования в производственной деятельности, управлении, техническом обслуживании. Их недостаточно передать на хранение: они должны быть в управлении и эксплуатации, а значит, также могут быть предметом доверительного управления в составе всего комплекса вещей, прав и обязанностей, оставшихся после смерти индивидуального предпринимателя. Однако практическая реализация указанных действий невозможна с учетом действующих нормативных предписаний. Согласно закону «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», государственный учет транспортных средств, принадлежащих юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, зарегистрированным в РФ, либо физическим лицам, зарегистрированным по месту жительства или месту пребывания в РФ, и в иных случаях, установленных данным Федеральным законом, является обязательным<sup>11</sup>. Государственный учет прекращается при наличии сведений о ликвидации юридического лица, являющегося владельцем транспортного средства, или о прекращении физическим лицом, являющимся владельцем транспортного средства, деятельности в качестве индивидуального предпринимателя (п. 1 ст. 18).

Правила государственной регистрации транспортных средств в регистрационных подразделениях Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России, утвержденные Постановлением Правительства РФ тоже предусматривают, что регистрация транспортных средств, принадлежащих индивидуальным предпринимателям, производится с внесением в банки данных адреса, указанного в Едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей<sup>12</sup>. Установлено, что прекращение государственного учета транспортного средства при наличии сведений о смерти владельца транспортного средства либо о ликвидации юридического лица, являющегося владельцем транспортного средства, или о прекращении физическим

<sup>11</sup> О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. ФЗ от 03.08.2018 № 283-ФЗ // СЗ РФ. 06.08.2018. № 32. Ч. I. Ст. 5076.

<sup>12</sup> О государственной регистрации транспортных средств в регистрационных подразделениях Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации. Постановление Правительства РФ от 21.12.2019 № 1764 // СЗ РФ. 30.12.2019. № 52. Ч. II. Ст. 7999.

лицом, являющимся владельцем транспортного средства, деятельности в качестве индивидуального предпринимателя, при наличии сведений о прекращении опеки (попечительства) над собственником транспортного средства осуществляется регистрационным подразделением на основании решения уполномоченного должностного лица регистрационного подразделения (п. 58). Таким образом, смерть индивидуального предпринимателя прекращает государственную регистрацию транспортного средства, а управление транспортным средством, не зарегистрированным в установленном порядке, влечет административную ответственность, установленную ст. 12.1 КоАП РФ. И так, для осуществления эксплуатации транспортных средств, принадлежащих умершему индивидуальному предпринимателю, возникает необходимость получить право на управление транспортным средством. Но ни один из указанных актов не предусматривает возможности регистрации транспортного средства за доверительным управляющим. Однако нет и запрета на это. Для обоснования возможности такой регистрации можно использовать правило, предусмотренное п. 28 указанных Правил, согласно которому документами, являющимися основаниями для постановки транспортного средства на государственный учет за его владельцем, являются документы, удостоверяющие право собственности на транспортное средство, и документы, удостоверяющие иные права владельца транспортного средства в соответствии с законодательством РФ. Заключенный договор доверительного управления наследством индивидуального предпринимателя может быть отнесен к числу таких документов. Кроме того, учитывая срочный характер договора, следует дополнить п. 35 Правил о случаях постановки транспортных средств на государственный

учет на ограниченный срок таким основанием как договор доверительного управления наследственным имуществом.

### Заключение

Исследованная проблема имеет не только прикладное значение, она свидетельствует и о необходимости определенного пересмотра правового режима имущества данного субъекта гражданского права. В настоящее время очевидно, что экономическое положение индивидуальных предпринимателей не соответствует их правовому статусу, не находит должного отражения в отдельных институтах гражданского права, в частности в наследственном праве. Нами были обозначены лишь некоторые из возникающих после смерти индивидуального предпринимателя проблем, но даже приведенные лакуны доказывают, что требуется совершенствование законодательства, регулирующего данную область отношений. Имущество индивидуального предпринимателя, используемое им для ведения бизнеса, после его смерти требует не меньшей заботы и внимания, чем, например, доля в уставном капитале или пай в кооперативе, и поэтому его следует признавать объектом доверительного управления по правилам ст. 1173 ГК РФ. На основании критического анализа действующего законодательства высказаны предложения по совершенствованию подзаконных правовых актов, приведению действующих правовых норм в логичную систему, построенную на учете принципов наследственного права.

**Конфликт интересов:** Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

### Литература

1. Российское предпринимательское право / отв. ред. И. В. Ершова, Г. В. Отнюкова. М.: Проспект, 2010. 1064 с.
2. Рыбака Е. А. Особенности правового статуса индивидуальных предпринимателей // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 5. С. 69–73.
3. Шапсугова М. Д. Правовое положение индивидуальных предпринимателей по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 34 с.
4. Холина О. И. К вопросу об имущественном положении индивидуального предпринимателя как субъекта предпринимательского права // Уникальные исследования XXI века. 2015. № 5. С. 217–224.
5. Аюшеева И. З., Булаевский Б. А., Долинская В. В., Красавчикова Л. И., Подузова Е. Б., Суворов Е. Д. Особенности наследования отдельных видов имущества. М.: Проспект, 2020. 112 с. DOI: 10.31085/9785392297191-2019-112
6. Гаврилов В. Н. Наследование имущества предпринимателей // Предпринимательское право. 2010. № 3. С. 35–40.
7. Казакова А. А. Правовое положение индивидуальных предпринимателей в Российской Федерации // Молодой ученый. 2018. № 33. С. 101–103.
8. Михеева Л. Ю. Институт доверительного управления наследственной массой – что и почему меняем в нем // Закон. 2017. № 6. С. 24–31.
9. Актуальные вопросы наследственного права / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2016. 110 с.
10. Ахметьянова З. А. Доверительное управление наследственным имуществом // Наследственное право. 2017. № 1. С. 30–33.
11. Ростовцева Н. В., Гулевская Д. А. Доверительное управление наследственным имуществом в виде доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Наследственное право. 2017. № 1. С. 34–40.
12. Воронина С. В., Филиппова Т. А. Формирование условий договора доверительного управления наследственным имуществом // Нотариальный вестник. 2019. № 6. С. 33–42.



13. Новоселова Л. А. Проценты по денежным обязательствам. М.: Статут, 2000. 174 с.
14. Новоселова Л. А. О правовой природе средств на банковских счетах // *Хозяйство и право*. 1996. № 7. С. 82–91.
15. Гражданское право. Часть вторая / отв. ред. В. П. Мозолин. М.: Юристъ, 2004. 927 с.
16. Ефимова Л. Г. Договоры банковского вклада и банковского счета. М.: Проспект, 2018. 432 с.

original article

## Inheriting the Property of an Individual Entrepreneur

Tatiana A. Filippova

Altay State University, Russia, Barnaul; philippovata@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5151-0532>

Received 13 May 2021. Accepted 10 Jun 2021.

**Abstract:** The last will issues are always relevant, since they are associated with the desire and ability of a citizen to provide financially for their heirs. The current legislation takes into account the will of the testator and reflects, to some extent, the changes that occur in society. The present article features the current inheritance law of the Russian Federation, which, as it appears, do not reflect the special legal status of an individual entrepreneur. The authors analyzed statistical data confirming the place of individual entrepreneurs in the modern economy. The legislation on inheritance underestimates this fact, which leads to a violation of people's rights and negative consequences in the business sphere. The research objective was to consider the issues of inheritance after the death of an individual entrepreneur, taking into account the preservation of the business, the stability of civil circulation, and the interests of the testator. The authors examined the existing approaches to the legal status of an individual entrepreneur and various cases of controversial conclusion about the property inheritance. They also assessed the effectiveness of legal regulation of inheriting the property of an individual entrepreneur and developed options for preserving the business, including a trust management agreement for inherited property. However, the notarial practice in this regard remains quite inconsistent. The paper contains several proposals for improving the current inheritance law.

**Keywords:** inheritance law, business, legal regime of the property of an individual entrepreneur, contract of trust management of hereditary property, bank account, vehicle registration

**Citation:** Filippova T. A. Inheriting the Property of an Individual Entrepreneur. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2021, 5(2): 182–190. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-2-182-190>

**Conflicting interests:** The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

## References

1. *Russian business law*, eds. Ershova I. V., Otniukova G. V. Moscow: Prospekt, 2010, 1064. (In Russ.)
2. Rybalka E. A. Features of the legal status of individual entrepreneurs. *Yurist-Pravoved*, 2015, (5): 69–73. (In Russ.)
3. Shapsugova M. D. *Legal status of individual entrepreneurs under the legislation of the Russian Federation*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2012, 34. (In Russ.)
4. Kholina O. I. On the question of the property status of an individual entrepreneur as a subject of business law. *Unikalnye issledovaniia XXI veka*, 2015, (5): 217–224. (In Russ.)
5. Ayusheeva I. Z., Bulaevsky B. A., Dolinskaya V. V., Krasavchikova L. I., Poduzova E. B., Suvorov E. D. *Features of the inheritance of certain types of property*. Moscow: Prospekt, 2020, 112. (In Russ.) DOI: 10.31085/9785392297191-2019-112
6. Gavrillov V. N. Inheritance of property of entrepreneurs. *Predprinimatelskoe pravo*, 2010, (3): 35–40. (In Russ.)
7. Kazakova A. A. Legal status of individual entrepreneurs in the Russian Federation. *Molodoi uchenyi*, 2018, (33): 101–103. (In Russ.)
8. Mikheeva L. Yu. Trusts and estates: what will change and why? *Zakon*, 2017, (6): 24–31. (In Russ.)
9. *Topical issues of inheritance law*, ed. Krashenninikov P. V. Moscow: Statut, 2016, 110. (In Russ.)
10. Akhmetyanova Z. A. Trust management of inheritance property. *Nasledstvennoe pravo*, 2017, (1): 30–33. (In Russ.)
11. Rostovtseva N. V., Gulevskaya D. A. Trust management of inheritance property in the form of an ownership interest in a limited liability company. *Nasledstvennoe pravo*, 2017, (1): 34–40. (In Russ.)



12. Voronina S. V., Filippova T. A. Formation contractual clause of confidential management. *Notarialnyi vestnik*, 2019, (6): 33–42. (In Russ.)
13. Novoselova L. A. *Interest on monetary obligations*. Moscow: Statut, 2000, 174. (In Russ.)
14. Novoselova L. A. On the legal nature of funds in bank accounts. *Khoziaistvo i pravo*, 1996, (7): 82–91. (In Russ.)
15. *Civil law. Part two*, ed. Mozolin V. P. Moscow: Iurist, 2004, 927. (In Russ.)
16. Efimova L. G. *Bank deposit and bank account agreements*. Moscow: Prospekt, 2018, 432. (In Russ.)

16+

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. Научный журнал

Контакты для сотрудничества:

*Морозова Ирина Станиславовна*, главный редактор

[ishmorofova@yandex.ru](mailto:ishmorofova@yandex.ru)

*Митько Наталья Викторовна*, редактор

8(3842)58-13-01; [vestnik@kemsu.ru](mailto:vestnik@kemsu.ru); [vs-seriya@yandex.ru](mailto:vs-seriya@yandex.ru)

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. Scientific Journal

Contacts for co-operation:

*Irina S. Morozova*, Editor-in-Chief

[ishmorofova@yandex.ru](mailto:ishmorofova@yandex.ru)

*Nataliya V. Mitko*, Editor

8(3842)58-13-01; [vestnik@kemsu.ru](mailto:vestnik@kemsu.ru); [vs-seriya@yandex.ru](mailto:vs-seriya@yandex.ru)

Редакторы выпуска:

Лоншакова К. А., Митько Н. В., Печёнкина Е. А., Рабкина Н. В.

Подписано к печати 21.06.2021.

Дата выхода в свет 16.08.2021.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А 4. Усл. печ. л. – 10,5. Уч.-изд. л. – 10.

Тираж 500 экз. Заказ \_\_\_\_\_

Цена свободная.

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».

Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6,

<http://kemsu.ru>.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.